

А.В. Чудинов

**СТАРЫЙ ПОРЯДОК ВО ФРАНЦИИ
И ЕГО КРУШЕНИЕ**

Глава 1
**ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
ВО ФРАНЦИИ СТАРОГО ПОРЯДКА**

Что такое Старый порядок?

Термин «Старый порядок» появился в период Французской революции XVIII в. Так политики и публицисты того времени определяли существовавший до 1789 г. общественный уклад, противопоставляя его «Новому порядку», созданному Революцией. С XIX в. понятие «Старый порядок» стало применяться историками для обозначения социально-политического устройства Франции XVI-XVIII вв., то есть с начала Нового времени и до Революции. В российской историографии термин получил распространение лишь в последние десятилетия, постепенно вытеснив более привычное для советских историков понятие «феодально-абсолютистский строй», которое с точки зрения современной науки представляется неточным.

Хотя в истории Франции период Старого порядка охватывает целых три века, основные институты и принципы функционирования французского общества и государства оставались достаточно устойчивыми на протяжении всего этого периода. Разумеется, за столь продолжительное время они претерпевали определенные, порою весьма существенные изменения, однако такое развитие носило эволюционный характер и не сопровождалось разрывом преемственности.

Территория

К началу XVI в. территория Французского королевства по большей части совпадала с нынешней территорией Франции. Как и сегодня, она простиралась на западе до Атлантического океана, на севере – до Ла-Манша, на юге – до Средиземного моря. Заметные отличия имелись разве что на юго-западе и на востоке, где граница тогда располагалась несколько ближе к сердцу страны, чем теперь. На юго-востоке за пределами Франции тогда еще находилась Наварра, являвшаяся самостоятельным королевством, и Руссильон, принадлежавший Испании. На востоке еще оставались по ту сторону границы такие области нынешней Франции как Савойя и Ницца, тогда земли герцога Савойского, Франш-Конте, Фландрия и Аррас, являвшиеся наследственным владением Габсбургов, а также Эльзас и Лотарингия, входившие в Священную римскую империю.

На юге Франции сохранялся окруженный со всех сторон ее территорией небольшой анклав - Авиньон и графство Венесенн, принадлежавшие римскому Папе.

Еще до окончания Старого порядка все эти земли войдут в состав Французского королевства, кроме Авиньона и графства Венесенн, присоединенных уже во время Революции XVIII в., а также Савойи и Ниццы, которые станут частью Франции в середине XIX столетия.

Население

Точной статистики по количеству народонаселения Франции для периода Старого порядка не существует, и нам приходится иметь дело с более или менее приблизительными оценками, произведенными уже задним числом специалистами по исторической демографии. Тем не менее, цифры, полученные при самых разных методиках подсчетов, свидетельствуют о том, что в XVI-XVIII вв. Французское королевство являлось самым густонаселенным европейским государством, по количеству жителей в разы превосходя своих соседей. Если в начале XVIII в. население Англии составляло 5-6 млн. чел., Испании - 6-8 млн., империи Габсбургов – около 8 млн., то Франции – примерно 20 млн.

Причем, огромной даже для XVIII в. цифры в 20 млн. подданных Французское королевство, по мнению исследователей, достигло еще в первой трети XIV в.! Однако в дальнейшем череда военных конфликтов, вызвавших значительную убыль населения, таких, как Столетняя война, Религиозные войны XVI в., Тридцатилетняя война и гражданские усобицы XVII в., войны Людовика XIV – все они, помимо военных потерь, обычно влекли за собой затяжной экономический упадок и вспышки эпидемий, еще больше увеличивавшие смертность – долгое время не позволяла превзойти этот рубеж, что, наконец, произошло уже в первой трети XVIII столетия.

Для быстрого демографического роста в указанный период существовали разные причины, как сугубо национального, так и общеевропейского порядка. К первым отнесем, прежде всего, перемены во внешнеполитическом положении Франции. В тех войнах, которые она вела при Людовике XV и Людовике XVI, основные театры военных действий располагались вне ее территории, и за исключением нескольких быстротечных

эпизодов Франции удавалось успешно избегать вторжения в ее пределы неприятельских армий, чреватого опустошениями и эпидемиями.

Из факторов более общего порядка, следует упомянуть климатические изменения. К началу XVIII в. закончился так называемый «малый ледниковый период»: климат в Европе потеплел и стал более благоприятным для земледелия. С ростом объема производства сельскохозяйственной продукции постепенно ушли в прошлое случаи массового голода, вызывавшегося неурожаями и приводившего к повышению смертности на обширных территориях. В XVII в. и даже в самом начале следующего столетия подобные стихийные бедствия еще время от времени имели место, как это было, например, в крайне тяжелом для Франции 1709 году. Однако, хотя неурожайные годы и в дальнейшем сопровождалась скачком цен на продовольствие, массового голода страна больше не знала.

Еще одним важным фактором, способствовавшим росту населения, стало развитие медицины и гигиены, которое позволило свести на нет опустошительные эпидемии чумы, уносившие в предшествующие века сотни тысяч жизней. Последний случай такой эпидемии имел место во Франции - в 1720 г., тогда умерло более 40 тыс. жителей Марселя – половина населения этого города.

В результате демографического бума, которым был отмечен XVIII в., население Франции к концу столетия приблизилось к 30 млн. Сравниться с ней в этом отношении из всех европейских стран могла лишь Российская империя, имевшая несравнимо большую территорию. Она, согласно одним подсчетам, к на исходе столетия догнала Францию по количеству подданных, согласно другим – даже немного опередила ее. Все же остальные ведущие державы Европы находились по числу жителей далеко позади этих двух стран.

За столь огромное в тот период демографическое превосходство Франции над своими соседями некоторые современные историки образно называют ее «европейским Китаем». На протяжении всей эпохи Старого порядка многочисленность населения обеспечивала этой стране очевидные преимущества в экономической и военной областях.

Сельское хозяйство

На протяжении всего периода Старого порядка экономика Франции была преимущественно аграрной. В сельской местности проживала бо́льшая

часть населения: примерно 97% в начале рассматриваемого нами периода и приблизительно 85% на его исходе. Однако и эти цифры относительны. За исключением Парижа, где более или менее преобладал собственно урбанистический образ жизни, занятия значительной части населения французских городов оставались тесно связаны с сельским хозяйством. Обычно сразу за стенами города начиналась сплошная полоса садов, огородов и виноградников, принадлежавших его жителям. Здесь производилась значительная часть продовольствия, поступавшего на стол горожан, отсюда же владельцы участков получали существенную, а иногда и основную часть своих доходов.

Да и грань между горожанами и селянами была достаточно подвижной. Летом те горожане, кто обладал каким-либо владением в сельской местности (а таковых было немало), перебирались жить загород, дабы лично следить за ходом работ на своей земле и заодно наслаждаться общением с природой. Напротив, зимой значительную часть населения городов составляли крестьяне, пришедшие сюда на заработки.

В сельской местности обитала тогда не только основная масса французов, но и производилась большая часть валового национального продукта страны. Помимо собственно продовольствия – главной составляющей потребления и товарооборота, аграрный сектор обеспечивал промышленность большинством видов необходимого ей сырья: льном, шерстью, деревом, кожами, шелком-сырцом и т.д. Да и некоторые виды собственно промышленной продукции производились непосредственно в сельской местности, как, например, парусина, составлявшая одну из главных статей французского экспорта.

В целом сельское хозяйство Франции, как и в целом Западной Европы, сохраняло тогда еще настолько традиционную, архаичную форму, что ряд французских историков, вслед за известным исследователем-медиевистом Жаком Ле Гоффом, считает в данном отношении период Старого порядка частью «долгого Средневековья». Констатируя, что в XVI-XVIII вв. агротехника развивалась крайне медленно, а традиционные ментальные структуры и формы общественных отношений в сельской местности сохраняли на протяжении всего этого периода высокую устойчивость, Ле Гофф предлагает датировать

завершение Средних веков и начало Нового времени рубежом XVIII и XIX столетий.

Действительно, в указанный период, как и в Средние века, подавляющее большинство земледельцев во Франции продолжало применять двухпольный (на Юге страны) и трехпольный севооборот. При такой обработке почва довольно быстро истощалась, а относительная малочисленность скота не позволяла земледельцам использовать навоз в количестве достаточном для того, чтобы удобрением сколько-нибудь заметно повысить ее плодородность. Соответственно урожайность оставалась довольно низкой.

Столь же примитивным было и скотоводство. Выращивание кормовых культур еще не получило распространения, и, чтобы не кормить скотину зерном, которого и для людей едва хватало, большую часть поголовья осенью забивали. Разумеется, при таком подходе и речи не могло быть о селекции скота, хотя методы ее в то время уже были известны: их применяли для выведения породистых коней.

Может показаться парадоксальным, но в то же самое время, когда деревня уровню агротехники, казалось, застыла в «долгом Средневековье», агрономическая наука Франции в последнее столетие Старого порядка переживала настоящий расцвет. Во второй половине XVII и особенно в XVIII веке увидели свет десятки сочинений, предлагавших научно обоснованные и опробованные на практике новаторами-энтузиастами методы повышения эффективности различных отраслей сельского хозяйства. Помимо обильной литературы, посвященной частным, техническим вопросам агрикультуры, в XVIII столетии возникло даже целое направление политэкономической мысли, приверженцы которого – физиократы – занимались разработкой программ модернизации сельского хозяйства в целом.

Тем не менее, блестящие научные теории и повсеместно распространенная практика нередко существовали будто в параллельных измерениях, почти не соприкасаясь друг с другом. Главным препятствием для их соединения был социальный фактор, а именно – унаследованные от Средних веков и преобладавшие на большей части территории страны (на Юге сохранялся достаточно значительный слой практически независимых крестьян-собственников) отношения землевладения, главными контрагентами которых выступали сеньоры-землевладельцы (в начале рассматриваемого нами периода

почти исключительно, а в конце – преимущественно представители привилегированных сословий) и крестьяне-держатели.

Во Франции личная зависимость крестьян от сеньоров, тем более такая крайняя форма ее как крепостное право, и в Средние века имела достаточно ограниченное распространение, а к XVI в. и вовсе в чистом виде уже не встречалась. Правда, в некоторых областях на востоке страны еще сохранялись нормы обычного права, напоминавшие о былой личной зависимости земледельцев от сеньора: например, право «мертвой руки» - обязанность крестьянина при вступлении в наследство наделом или при вступлении в брак выплачивать сеньору определенные фиксированные взносы. Нередко на таких крестьян ложилась и обязанность принудительного труда на сеньора – барщины (корве), которая в большинстве других мест не имела столь широкого применения.

Зато практически повсюду крестьянину за пользование землей приходилось платить сеньору различного рода денежные и натуральные взносы, совокупность которых получила название «сеньориального комплекса». Со временем реальное значение разных частей сеньориального комплекса менялось. Так, к концу рассматриваемого нами периода денежный взнос за земельное держание – ценз (в старой научной литературе его еще называют «чинш»), носивший фиксированный характер и не менявшийся на протяжении столетий, повсюду сохранял, в основном, уже лишь чисто символическое значение, будучи практически полностью обесценен инфляцией. Напротив, в XVIII в. по мере роста цен на сельскохозяйственную продукцию – демографический бум способствовал повышению спроса на продовольствие – возрастало значение такого платежа, как оброк (шампар), вносившегося в натуральной форме. Сеньориальные платежи составляли в среднем от 10 до 20% чистого, то есть за вычетом производственных издержек, дохода земледельца.

Кроме того, в разных областях сеньоры имели также определенные специфические привилегии, например, исключительное право охотиться в лесах и держать голубятню; монопольные права (баналитеты) на владение мельницей, виноградным или масличным прессом и т.д.

Хотя французский сеньор считался собственником земли, он не мог, в отличие, к примеру, от помещиков Заальбской Германии или Венгрии, согнать

по своему произволу с земли крестьянина, чьи права на наследственный надел защищались законом. Будучи по своему происхождению *держанием*, крестьянские наделы к началу Нового времени уже обладали практически всеми признаками *собственности*: их можно было свободно продавать и покупать, дарить и передавать по наследству при том условии, что на нового владельца ложилась обязанность по уплате связанного с данным участком земли сеньориального комплекса. Имея твердые юридические гарантии своих прав на землю и являясь после уплаты сеньориальных платежей полным собственником произведенного продукта, французский крестьянин, в отличие от крепостных Восточной Европы, был напрямую заинтересован в повышении эффективности своего труда.

Тем не менее, передовые достижения агротехники, как уже отмечалось, в указанный период не получили широкого применения в сельском хозяйстве Франции. Во многом это объяснялось царившим здесь малоземельем. Мелкотоварное крестьянское хозяйство не стимулировало эксперименты. Бóльшая часть произведенного в нем продукта, за вычетом сеньориальных платежей и налогов, потреблялась семьей самого крестьянина. Средств, полученных от продажи на рынке оставшегося, было явно недостаточно для затрат на сколько-нибудь значительные агрономические улучшения. Кроме того, во многих областях важную хозяйственную роль продолжала играть сельская община. Часто любой из ее членов имел не один компактный надел, а по небольшой парцелле на каждом из принадлежавших ей полей, что отражало общинные представления о справедливости. После сбора урожая изгороди между парцеллами снимались и на «открытые поля» выпускали пасти скот. Разумеется, при подобном порядке использования земли любые агротехнические улучшения на одной отдельно взятой парцелле были лишены какого-либо смысла. Да и крошечные размеры самих парцелл к этому не располагали. Сколько бы, например, ни призывали ученые-агрономы к применению косы как наиболее эффективному и экономичному способу жатвы, крестьянину на пятачке его парцеллы было сподручнее по старинке орудовать серпом.

И все-таки даже в такой консервативной сфере, какой оставалось сельское хозяйство при Старом порядке, к концу рассматриваемого нами периода наметились существенные сдвиги. Во многом они были вызваны изменением

экономической конъюнктуры, спровоцированным отмеченными выше демографическими процессами. Неуклонно повышавшийся спрос на продовольствие создал устойчивую тенденцию к росту цен на сельскохозяйственную продукцию с 20-х по 80-е годы XVIII в. Эта благоприятная для аграрного сектора ценовая конъюнктура побуждала связанные с ним социальные группы предпринимать активные шаги по повышению его товарности, то есть направленные на увеличение объема сельскохозяйственной продукции, производимой на продажу.

Определенная часть французских сеньоров попыталась в XVIII в. добиться повышения своих доходов за счет крестьян, запустив в действие юридический механизм, позднее получивший в ряде исторических работ название «сеньориальной реакции». Специально нанимавшиеся сеньорами специалисты по праву землепользования (февдисты) изыскивали в старинных юридических документах некогда существовавшие, но уже давно всеми забытые повинности крестьян в пользу сеньора, а затем через суд пытались заставить крестьян платить их вновь. Особенно ценились различного рода натуральные платежи, поскольку в случае успешного исхода процесса, сеньор мог получить в свое распоряжение дополнительный объем сельскохозяйственной продукции, которую можно было бы реализовать на рынке. Правда, крестьяне не сдавались легко. Нанимая всей общиной своих адвокатов, они упорно судились с сеньорами и (особенно на Юге) нередко выигрывали процессы.

В свою очередь, и сам сеньориальный комплекс стал во Франции рыночным товаром: часто владельцы сеньорий продавали его как источник стабильного дохода каким-либо третьим лицам, например, предприимчивым горожанам или даже преуспевающим крестьянам, оставляя за собой лишь саму сеньорию. Пытаясь повысить прибыльность приобретенного, новые хозяева добивались того, чтобы размеры платежей по сеньориальному комплексу время от времени пересматривались в соответствии с рыночной конъюнктурой. Таким образом, внешне сохраняя прежнюю форму, сеньориальный комплекс приобретал новую сущность: он постепенно превращался из средневекового держания на постоянных, веками не менявшихся условиях в капиталистическую аренду, условия которой напрямую диктовались рынком.

Впрочем, все эти новшества были связаны с перераспределением в пользу землевладельцев доходов от сельского хозяйства, резко возросших в результате благоприятной экономической конъюнктуры. Однако не менее, а может даже и более существенные сдвиги наметились также в сфере производства аграрной продукции. Причем, нововведения появились как в технологии, так и в организации производства.

К технологическим новшествам следует, прежде всего, отнести значительное расширение перечня выращиваемых сельскохозяйственных культур. Появление картофеля, получившего в XVIII в. почти повсеместное распространение, и кукурузы, особенно популярной в южных областях, привело к улучшению качества питания широких слоев населения и к уже отмеченному выше прекращению случаев массового голода.

Но наиболее важные изменения в технологии аграрного производства имели место в тех хозяйствах, где происходил также переход к новым способам организации сельскохозяйственного труда. Владельцы значительной части крупных сеньориальных поместий и появившихся в XVIII в. больших ферм стремились организовать товарное производство с применением наемного труда, имевшее целью получение прибыли, то есть собственно капиталистическое производство. И хотя подобные «матрицы капитализма» получили на исходе Старого порядка достаточно широкое распространение, все же в целом они представляли собою лишь относительно небольшие островки в безбрежном море парцеллярных хозяйств, где все еще преобладала рутина «долгого Средневековья».

Промышленность и торговля

Развитие городов, являвшихся основными центрами промышленности и торговли, шло в рассматриваемый нами период достаточно неравномерно. Если в первой половине XVI в. процесс урбанизации носил во Франции устойчиво поступательный характер, то в последующие сто лет кровопролитные Религиозные войны и внутренние усобицы привели к его замедлению и даже приостановке. И только со второй половины XVII в. рост городов опять возобновился. Особенно быстрые темпы развития были характерны для столицы – Парижа, ряда портов и некоторых промышленных центров. Причем, ускоренный рост каждого из этих трех типов городов был обусловлен своими специфическими факторами.

С усилением централизации государств и постоянным расширением бюрократического аппарата роль столицы столь же неуклонно росла. Здесь сосредотачивались главные административные и судебные органы с их непрерывно расширявшимся штатом чиновников, а до строительства Версаля располагался и двор монарха. Для удовлетворения создаваемого этой массой народа потребительского спроса – спроса весьма разностороннего и высоко платежеспособного – необходимо было множество ремесленников разных специальностей, слуг, торговцев, медиков, литераторов, художников, музыкантов и лиц других профессий. Все вместе они и составляли многочисленное, пестрое и беспокойное население Парижа. Сюда же тянулись из провинции и наиболее энергичные, предприимчивые люди, мечтавшие поймать шанс и сделать успешную карьеру в той или иной сфере жизни общества. Не удивительно, что Париж был самым густонаселенным и быстро растущим городом Франции: если в начале XVI в. его население составляло 200 тыс. чел., то к концу XVIII в. – 600 тыс.

Успешное освоение колоний в Азии, Африке и особенно Америке вело к быстрому расширению заморской торговли, ставшей во второй половине XVII и особенно в XVIII в. одной из важнейших и наиболее динамично развивающихся отраслей экономики Франции. Этим были обусловлены высокие темпы роста портовых городов, связанных с колониальной торговлей – Нанта, Бордо, Марселя. Торговля колониальными товарами – хлопком, табаком, кофе, пряностями, индиго, сахаром и т.д. – была весьма доходной и способствовала быстрому росту инфраструктуры портов и соответствующих отраслей промышленности. В этих городах и в их округе создавались судостроительные верфи, полотняные и канатные мануфактуры, винокурни, предприятия по переработке сахарного тростника и т.д. Как правило, производство на всех этих предприятиях было организовано на капиталистических принципах – с применением наемного труда. Да и в самой колониальной торговле капиталистические отношения получили максимально широкое распространение. В XVII в. возникли новые формы организации торговли – паевые или акционерные общества, позволявшие любому желающему, без каких-либо персональных ограничений, принять участие в финансировании колониальной экспедиции, а потом получить свою долю прибыли от нее.

Гораздо медленнее утверждались капиталистические отношения в традиционных отраслях промышленного производства. Начиная со Средних веков, ремесленники, работавшие в этих отраслях, были объединены в цехи, которые при Старом порядке не только сохранялись, но и до середины XVII в. продолжали укрепляться при поддержке правительств, использовавших их как инструмент взимания налогов с ремесленников. Борясь за поддержание высокого качества продукции, цехи строго регламентировали процесс производства, не позволяя своим членам отступать от традиционного порядка и вводить какие-либо технические новшества. Цехи также старались обеспечить более или менее равный доход для состоявших в них мастеров, а потому ограничивали количество применяемых теми станков и принимаемых на работу подмастерьев. И уж, конечно же, цехи внимательно следили за соблюдением своей привилегии на работу в данной отрасли ремесла и не допускали проникновения в нее посторонних.

Не удивительно поэтому, что новая, построенная на капиталистических принципах форма организации производства в традиционных отраслях промышленности первоначально стала применяться за пределами старых городов – в сельской местности, либо в небольших городках, где не было цехов. Такой новой формой организации труда стала *мануфактура* – предприятие, основанное на разделении труда и ручной технике. Существовало два вида мануфактур – рассеянная и централизованная. В первом случае предприниматель раздавал сырье (например, пряжу) рабочим-надомникам – обычно в качестве таковых выступали крестьяне, выполнявшие эту работу по вечерам и в другое свободное от полевых работ время, – а потом забирал у них готовую продукцию, оплачивая затраченный труд. В централизованной мануфактуре работа происходила в одном помещении.

Если ремесленник занимался изготовлением своего товара целиком, лично выполняя все стадии производственного процесса, то каждый из рабочих мануфактуры мог специализироваться на осуществлении какой-либо одной операции, доводя ее до автоматизма, что позволяло существенно повысить производительность труда. Поэтому мануфактуры нашли широкое применение именно в тех отраслях промышленности, на продукцию которых спрос в указанный период резко подскочил. Помимо упомянутых выше отраслей,

связанных с колониальной торговлей, это были производство предметов роскоши, военная индустрия и текстильная промышленность.

С усилением централизации государства в царствование Людовика XIV особенно важное общественное и государственное значение приобрел королевский двор, ставший главным местом пребывания аристократии. Его роскошь символизировала богатство и могущество короля. Придворные из всех сил пытались соответствовать подобному образу жизни и превзойти друг друга в роскоши. Все это создавало устойчивый спрос на ее предметы, удовлетворить который могло уже только мануфактурное производство. Правительство охотно поддерживало создание подобных предприятий. Так, строительство Версаля дало мощный импульс для возникновения во Франции мануфактур по производству зеркал, гобеленов, шелка. Особенно славилась продукция шелкоткацких мастерских Лиона, превратившегося, благодаря этой отрасли промышленности, во второй после столицы город по величине и богатству. Широкой известностью пользовались гобелены, производимые на королевских мануфактурах Парижа и Бове.

Создание постоянных армий и флотов порождало устойчивый спрос на вооружение, боеприпасы и экипировку. Для его удовлетворения французское правительство активно поощряло учреждение мануфактурных предприятий в горнодобывающей и металлургической промышленности. И все же вплоть до 80-х годов XVIII в. металлургические предприятия во Франции оставались сравнительно небольшими и маломощными, а производимое ими железо существенно уступало по качеству продукции английских заводов.

Помимо оружия солдатам и матросам требовалось обмундирование, а потому армия и флот были также главными потребителями продукции текстильных мануфактур. Впрочем, высоким спросом ткани пользовались и у остального населения страны, а кроме того активно экспортировались за рубеж. Соответственно, на протяжении всего существования Старого порядка текстильное производство являлось одной из наиболее развитых отраслей французской промышленности. Долгое время основной его продукцией было сукно. К 1700 г. крупнейшими центрами суконного производства во Франции стали Амьен и Абвиль. В XVIII в. началось также широкое распространение хлопчатобумажных тканей, изготавливавшихся из колониального хлопка.

Общество

Французское общество Старого порядка состояло из трех *сословий* - социальных групп, члены которых имели фиксированный правовой статус, передававшийся по наследству. Первым сословием признавалось духовенство; вторым – дворянство; все же остальные, весьма пестрые по своим занятиям, имущественному положению и культурному уровню, группы и слои населения входили в третье сословие.

Духовенство. Служители католического культа, являвшегося во Франции государственной религией, играли при Старого порядка чрезвычайно важную роль. В их руках находилось отправление таких важнейших церемоний, как крещение, заключение брака и похороны. Духовенство фиксировало также необходимые для налогообложения сведения о численности населения. На воскресных проповедях зачитывались обращения властей к народу и оглашались новые акты правительства. В ведении церкви находилась также цензура. В общегосударственном сословно-представительном органе – Генеральных штатах – представители духовенства составляли отдельную палату.

Значительную самостоятельность по отношению к светской власти католической церкви во Франции обеспечивали сосредоточенные в ее руках богатства и, прежде всего, главное из них – земля. Духовенству принадлежала 1/10 всех земельных владений в стране, при том, что его доля в общей численности населения была относительно невелика (в конце XVIII в. - 125 тыс. чел.). Будучи привилегированным сословием, духовенство обладало фискальным иммунитетом: принадлежавшая ему земля налогами не облагалась.

Вместе с тем, в социальном отношении французское духовенство отличалось достаточно большой неоднородностью. Поскольку католические священнослужители обязаны были соблюдать обет безбрачия - celibat, состав их сословия естественным путем не пополнялся, в отличие от того, как это происходило у протестантов, где место ушедшего по возрасту пастора часто занимал его сын. Соответственно пополнение католического духовенства могло идти только за счет притока представителей других сословий. В результате, существовавшее в обществе социальное неравенство в полной мере воспроизводилось и в лоне церкви. Подавляющее большинство высших должностей церковной иерархии занимали выходцы из знати. В 1780-х годах

четверть всех французских епископов принадлежала к тринадцати аристократическим фамилиям. Именно эти князья церкви и распоряжались принадлежавшими ей богатствами. Напротив, низший клир, пополнявшийся преимущественно представителями третьего сословия, вел обычно довольно скромное существование на средства от десятины – старинного налога на содержание церкви. Подобное неравенство создавало почву для серьезных противоречий внутри самого католического духовенства.

Дворяне. Составляя незначительное меньшинство от общего количества населения (к концу XVIII в. – 1-1,5% или 300-400 тыс.), второе сословие в целом было наиболее влиятельным и богатым. Именно ему принадлежала решающая роль практически во всех сферах жизни общества Старого порядка.

Появившееся в Средние века как военное, служилое сословие, оно и в Новое время продолжало рассматривать службу государю, прежде всего воинскую, наиболее достойным для себя занятием и видело в ней основание своего особого социального статуса. Именно дворяне при Старом порядке. Как правило, занимали командные должности в армии и наиболее значимые посты в государственном аппарате. В основном выходцы из знати, как уже отмечалось, составляли и верхушку церковной иерархии.

Среди привилегий дворян в первую очередь отметим их преимущественное право на участие в управлении государством. В Генеральных штатах представители дворянства составляли отдельную палату.

В число других привилегий дворян входили право на ношение шпаги, на особый характер судопроизводства по отношению к ним, на различного рода почетные отличия (лучшие места в церкви, на публичных мероприятиях, в общественных процессиях и т.д.). В XVII в. появилось понятие особого дворянского образования. Его давали в закрытых для других сословий учебных заведениях, таких, например, как созданные в Париже Академия Плювинеля и Коллеж Людовика Великого.

Дворянство освобождалось от общественных повинностей (например, по строительству дорог) и от значительной части налогового бремени. Так, до самого конца Старого порядка оно сохраняло иммунитет по отношению к основному прямому налогу – талле. Правда, новые налоги, введенные в XVIII в., дворянам пришлось платить уже наравне с другими сословиями.

Если наиболее, а порою и единственно достойным для себя занятием знать признавала военную и государственную службу, то единственно «благородным» доходом она считала доход от земельной собственности. Обладание поместьем рассматривалось как обязательная составляющая дворянского достоинства. Соответственно дворянство во Франции Старого порядка было главным земельным собственником.

Впрочем, экономическое могущество знати определялось не только размерами их собственных поместий. Ведь и над крестьянской собственностью, как уже выше отмечалось, тяготел сеньориальный комплекс – обязанность нести повинности в пользу сеньора-дворянина.

Другие источники дохода, помимо земельных владений, как то промышленность, торговлю, финансовые операции, знать долгое время считала «неблагородными» и с пренебрежением относилась к тем, кто занимался такими родами деятельности. К тому же подобные умонастроения подкреплялись законодательными запретами дворянам заниматься любыми видами предпринимательства. Однако после того, как Людовик XIV в 1701 г. снял запрет дворянам заниматься оптовой торговлей, они к концу Старого порядка оказались уже широко вовлечены в различные сферы предпринимательской деятельности. В частности, им принадлежала большая часть металлургических мануфактур в стране.

С другой стороны, успех в предпринимательстве мог открыть дорогу к дворянским титулам и представителям других сословий. Хотя согласно традиционному убеждению, считалось, что дворянином становятся «по крови», то есть наследуя титул от предков, реально во Франции это сословие никогда не было закрыто для выходцев из иных слоев общества, преуспевших в том или ином виде деятельности.

Наиболее широко распространенным способом приобретения дворянского звания (*анноблирования*) было занятие определенного поста в административном или судебном аппарате государства. К концу Старого порядка только в сфере правосудия таких должностей насчитывалось до 4 тыс. А поскольку подавляющее большинство их покупалось и продавалось, заинтересованному лицу оставалось только выложить соответствующую сумму. Таким образом, хотя практика пожалования королем дворянского титула за особые заслуги на государственной, придворной или военной службе по-

прежнему сохранялась, гораздо более надежным средством проникновения в ряды знати в Новое время стало богатство. Это, в свою очередь, создало почву для внутрисословных противоречий между различными группами дворянства.

В старой исторической литературе немало писалось о существовавшей во Франции XVI-XVIII вв. вражде между старинным родовым «дворянством шпаги» и новым «дворянством мантии», получившим свои титулы путем покупки должностей. Однако новейшие исследования показали, что подобный конфликт, в действительности, был всего лишь видимостью, за которой, впрочем, скрывались другие, вполне реальные и гораздо более глобальные противоречия между дворянством богатым и дворянством бедным. «Дворяне мантии», имевшие средства приобрести желанные должности, естественно, принадлежали к первому. Обладала немалыми богатствами и придворная аристократия. И хотя она состояла преимущественно из потомков старинных родов, она вполне мирно уживалась с верхушкой судейской корпорации, о чем свидетельствовали многочисленные браки между представителями обеих групп.

Требования же прекратить практику анноблирования через покупку должностей исходили преимущественно от бедного, провинциального «дворянства шпаги», завидовавшего богатству новоиспеченных обладателей титула. Но в не меньшей степени провинциалов раздражала и парижская, а в дальнейшем версальская, аристократия, которая, имея возможность вести придворную жизнь (чего бедные дворяне просто не могли себе позволить материально, почему и не стремились в столицу), получала все милости, исходившие от монарха.

Подобное противоречие между дворянством бедным и дворянством богатым, принявшее форму конфликта между столичной аристократией и провинциальной знатью. Поэтому-то представители мелкого провинциального дворянства достаточно часто играли заметную роль в различного рода оппозиционных движениях: от фискальных восстаний до гражданских усобиц. С другой стороны, провинциальных дворян отличал ярко выраженный политический консерватизм: они крайне болезненно воспринимали любые попытки ограничения своих сословных привилегий – порою единственного, что еще позволяло им испытывать превосходство над окружающими.

Крестьяне. Составляя подавляющее большинство французского населения, они, наряду с горожанами, входили в состав непривилегированного

«третьего сословия». Они, как уже отмечалось, были лично свободными людьми. Правда, принадлежавшая им земля, как правило, «свободной» не была – на ней лежало бремя сеньориального комплекса. Более того, помимо повинностей в пользу сеньора, крестьянам приходилось платить десятину церкви и налоги государству.

Отношение крестьян к разным видам платежей было далеко не одинаковым. Сеньориальные повинности, о чем уже говорилось, имели тенденцию к постепенному превращению в обычную арендную плату, и в целом крестьяне относились к ним с большей или меньшей степенью терпимости. В отличие от периода Средних веков, в XVI-XVIII вв. сколько-нибудь значительных выступлений антисеньориальной направленности не зафиксировано. Свои споры с сеньорами крестьяне обычно предпочитали решать в судебном порядке, а не жечь дворянские замки, как когда-то при «Жакерии».

Сбор десятины так же не вызывал сколько-нибудь значительных протестов. Действительно, ее объем почти никогда не достигал собственно 1/10 части произведенного продукта, а был, как правило, меньше. Более того, поскольку во многих местах она выплачивалась в фиксированной денежной форме, ее реальный вес на протяжении XVIII в. неуклонно снижался из-за стабильного роста цен на сельскохозяйственные продукты. Недовольство крестьян скорее вызывали злоупотребления собиравших десятину откупщиков, к чьим рукам прилипала немалая часть средств, пожертвованных на нужды церкви.

Как наибольшее зло французские крестьяне воспринимали фискальный гнет государства. Именно им приходилось нести основное бремя налогов, не имея, в отличие от других социальных групп, никаких привилегий. Так, основной прямой налог *талья* ложился почти исключительно на крестьян, поскольку дворянство, духовенство, а после Религиозных войн XVI в. и многие города были от него освобождены. Помимо прямых, крестьяне платили еще и косвенные налоги. Особенно тяжелым и ненавистным был соляной налог *гabelle*, подробнее о котором речь пойдет ниже.

Помимо налогов, крестьяне несли государственные повинности и другого рода. Так, в XVIII в. они были обязаны несколько дней в году трудиться на ремонте и строительстве дорог за свой счет и со своим инвентарем. Кроме

дорожной, на крестьян ложилась также рекрутская повинность – обязанность поставлять новобранцев в ополчение (милицию).

Учитывая весь тот объем обязанностей, который Французское государство возлагало на крестьян, ничуть не удивительно, что подавляющее большинство народных восстаний было продиктовано стремлением повлиять на тот или иной аспект политики властей. Так, желание добиться снижения налогов лежало в основе антифискальных выступлений, принимавших особенно большой размах во время затяжных войн, когда из-за роста военных расходов налоговый пресс многократно усиливался, либо сразу после их завершения. В неурожайные годы часто вспыхивали «голодные бунты», участники которых требовали от государства принять меры по регулированию цен на продукты первой необходимости и улучшению снабжения рынков продовольствием. Меры правительства по ущемлению прав протестантов могли привести к народному восстанию с религиозной окраской.

Горожане. Эта социальная группа в рассматриваемый период отличалась наибольшей динамичностью развития и пестротой состава. Хотя она, наряду с крестьянами целиком входила в непривилегированное третье сословие, сама эта группа делилась на целый ряд социальных слоев, заметно различавшихся между собой по имущественному и правовому положению.

Верхушку городского населения, его наиболее богатую и влиятельную часть, в исторической литературе традиционно обозначают французским словом «буржуазия» (*bourgeoisie*). Однако при использовании этого понятия необходимо принимать во внимание два очень важных момента. Во-первых, нельзя смешивать буржуазию Старого порядка с социальной группой, занимавшейся в XIX в. предпринимательской деятельностью в финансовой, торговой и промышленной сферах и тоже носящей в литературе название «буржуазии». В отличие от предпринимательской буржуазии XIX в., буржуазия Старого порядка, напротив, в большинстве своем состояла из рантье, чиновников и лиц свободных профессий (адвокатов, врачей и т.д.), напрямую не связанных с экономической деятельностью. Во-вторых, говоря о буржуазии Старого порядка, необходимо учитывать весьма условный характер данного понятия. Во Франции тогда не существовало единого представления о том, кого следует относить к этой социальной группе. В одних городах в нее включали также крупных торговцев, в других, как, например, в Марселе, «негоцианты» в

состав буржуазии не входили. Во второй половине XX в. французские ученые провели серию масштабных исследований, пытаясь выявить некие общие черты, присущие буржуазии на всей территории Франции. Результат получился довольно неожиданным. Оказалось, что выявить такие черты просто невозможно и точнее говорить не о «буржуазии», а о «буржуазиях», ибо в каждом городе была своя собственная буржуазия, критерии принадлежности к которой порою не имели ничего общего с теми, что были приняты в соседнем городе. Вот почему использование этого обобщающего понятия по отношению к стране в целом может носить лишь весьма условный характер. В таком случае, когда термину придается максимально широкое толкование, *под буржуазией Старого порядка понимают слой богатых горожан, не принадлежавших к дворянству и не занимавшихся физическим трудом.*

Число лиц, входивших эту категорию, составляло в конце XVIII в. примерно 8,5% горожан. Буржуазия была не только наиболее обеспеченной частью городского населения, но и наиболее влиятельной. Именно она, как правило, играла ведущую роль в органах городского самоуправления и в городском ополчении. Вместе с тем, сколь бы ни был высок ее социальный статус, большинство представителей буржуазии рассматривало его как временный: каждый уважающий себя буржуа мечтал стать дворянином. Каков бы ни был источник его благосостояния: государственная рента, административный пост, торговля или финансовые операции, - как только в его распоряжении оказывались достаточные средства, он тут же вкладывал их в приобретение дворянского титула путем покупки земли или соответствующей должности, после чего обычно оставлял свое прежнее занятие и начинал жить *à la noble* («по-благородному»).

Следующим по значимости после буржуазии был слой квалифицированных ремесленников. Организованные в цеха, тесно сплоченные, когда речь шла о защите их интересов, они представляли собой серьезную силу и нередко пользовались значительным влиянием в городском самоуправлении. Впрочем, цеха внутри были неоднородны. Собственно членами их были только мастера – хозяева мастерских, но в каждой из них работало по несколько подмастерьев и учеников. В среднем на одну парижскую мастерскую в 1789 г. приходилось 16,6 работника. Как правило, помещения мастерских, из-за дороговизны земли в городе, были тесными, условия труда в них – тяжелыми.

Рабочий день длился от рассвета до заката, нередко достигая 16 часов, и даже если вычесть все перерывы – 10-13 часов.

Отношения между мастером и подмастерьями были довольно непростыми. С одной стороны, каждый подмастерье рассчитывал в свое время стать мастером, а потому имел самую прямую заинтересованность в добром отношении к себе своего хозяина и других членов цеха. С другой - зарплата подмастерьев была обычно столь мала, что в условиях устойчивого роста цен на продовольствие, это нередко вызывало серьезные противоречия между ними и хозяевами. Порою подмастерья входили между собой в сговор и, устраивая стачки, требовали повышения жалования. Закон 1781 г. с категорическим запретом подобного рода объединений показывает, что власти их серьезно опасались.

Что касается учеников, чьей мечтой было занять когда-нибудь место подмастерья, то, помимо работы в мастерской, им еще приходилось исполнять обязанности слуг в доме хозяева. Однако сколь бы ни было стесненным их существование, едва ли кто-то из них согласился бы по своей воле перейти в число собственно слуг, к которым ремесленники традиционно относились с презрением.

Между тем, слуги, работавшие преимущественно в домах дворян и буржуазии, представляли собой довольно значительный слой городского населения. В 1780-е годы они составляли не менее 16% парижан. Среди слуг также существовали свои градации. Наиболее квалифицированные, например, дворецкие или повара, высоко ценились, довольно редко меняли хозяев и могли проработать в одном доме всю жизнь. Но таких было относительно немного. Основную массу горничных и лакеев составляли выходцы из деревни, миграция которых в города постоянно увеличивалась по мере роста избыточного населения в сельской местности. Ими хозяева обычно не слишком дорожили, и неквалифицированным слугам нередко приходилось оказываться без работы, из-за чего существование их было полно превратностей.

Однако работа в услужении могла поглотить далеко не всю рабочую силу, в изобилии прибывавшую в города из сельской местности. Гораздо больше бывших крестьян становилось здесь поденными рабочими. А те, кому не повезло хотя бы с такой работой, оказывались в числе городских бедняков, живших случайными подработками, милостыней, воровством и проституцией.

В конце периода Старого порядка подобная люмпенская прослойка составляла значительную долю населения крупных французских городов: Париже - $\frac{1}{4}$, в Лионе – $\frac{1}{6}$ жителей. В случае каких-либо городских волнений вся эта беспокойная масса приходила в движение, с готовностью отзываясь на любой призыв к грабежу и насилию.

Государственный строй

В научной литературе политическую систему Франции Старого порядка обычно определяют понятиями «абсолютная монархия» или «абсолютизм», хотя второй термин зарубежные исследователи используют все реже и реже, считая его неточным и даже дезориентирующим. Абсолютная монархия – это такое государственное устройство, при котором вся полнота власти принадлежит монарху. И действительно, французский король издавал законы, руководил текущим управлением, был высшим судьей. Все остальные государственные институты обладали лишь теми полномочиями, которыми их наделил монарх.

Вместе с тем, нередко в исторической, особенно в научно-популярной, литературе власть французских королей ошибочно трактуют как неограниченную. Это не правильно. На самом же деле, монарх в своих действиях не мог выйти за пределы, очерченные обычным правом (прежде всего, «фундаментальными законами», определявшими порядок наследования короны и ее prerogatives) и традиционными привилегиями корпораций – разнообразных формализованных групп подданных. За соблюдением норм обычного права строго следили «суверенные суды» – государственные органы, которые в разные периоды истории отделились от аппарата центральной администрации и со временем обрели высокую степень независимости. Иначе говоря, власть французских королей была «абсолютной» лишь в теории. А на практике даже самым могущественным из них приходилось считаться с традиционными правовыми нормами и институтами.

Органы управления

Хотя монарх был единоличным носителем государственной власти, осуществлял он ее через коллегиальный совещательный орган – **Королевский совет**, считавшийся, согласно обычному праву, неотъемлемым атрибутом государя. Свое происхождение Совет вел от средневековой феодальной курии, куда входили ближайшие родственники короля, некоторые его вассалы и

клирики, а с XIII в. – легисты (правоведы). Разделения властей при Старом порядке не существовало, и Королевский совет выполнял одновременно законодательную, административную и судебную функции. Через него монарх издавал нормативные акты, начинавшиеся традиционной юридической формулой «Король в своем Совете...» Здесь же обсуждались решения по текущим государственным делам. И, наконец, Королевский совет был главным судом страны.

С ростом государства и усложнением функции управления, внутри Королевского совета образуются специализированные подразделения. При Франциске I такими подразделениями стали *Деловой совет* и *Ординарный совет*. В первый из них входила группа наиболее доверенных лиц, с которыми король обсуждал наиболее важные государственные вопросы, прежде всего военные и внешнеполитические. Второй занимался делами текущего управления и осуществлением правосудия. Сначала Ординарный совет рассматривал административные, финансовые и судебные дела попеременно, затем каждую из этих групп вопросов по определенным дням и, наконец, к концу XVI в. он разделился на соответствующие специализированные секции: *Государственный финансовый совет* (администрация), *Финансовый совет* (финансы), *Совет тяжб или Частный совет* (правосудие). В начале XVII в. из Делового совета (его в XVII в. называли также Верховным, а в XVIII – Государственным) выделилась еще одна секция – *Совет депеш*. К ней перешли дела текущего администрирования от Государственного финансового совета, который в дальнейшем занимался лишь тяжбами по налогам. Такая структура Королевского совета просуществовала до конца Старого порядка.

В Королевский совет входили следующие должностные лица:

Канцлер – высшая судебная должность. Назначался патентом короля и был несменяем. Если же канцлер попадал в опалу, его фактически отстраняли от дел, передавая его функции *хранителю печати*. Реальное значение должности канцлера неуклонно падало. Если в XVI в. некоторым из них еще доводилось руководить правительством, то в последующем роль их преемников свелась к руководству юстицией. В 1774 г. эту должность вообще ликвидировали.

Первый министр – должность, введенная Генрихом III. Звание министров имели только члены Делового совета, первый же министр был главным из них. Наиболее известные из первых министров Старого порядка – кардиналы

Ришелье и Мазарини, осуществлявшие руководство всей государственной политикой. После смерти Мазарини в 1661 г. должность была ликвидирована, в 1723 г. восстановлена, а в 1726 г. упразднена окончательно.

Сюринтендант финансов – руководитель финансовой политики. При Генрихе IV герцог Сюлли, занимавший этот пост, фактически возглавлял правительство. После ареста Фуке в 1661 г. должность ликвидирована.

Государственный секретарь – должность покупная, но король мог заставить владельца перепродать ее другому человеку. Обычно было четыре государственных секретаря: по иностранным делам, по военным делам, по делам королевского дома, по делам протестантов (после отмены в 1685 г. Нантского эдикта – по переписке с провинциями). Помимо основных обязанностей каждый из них курировал одну из четвертей королевства.

Генеральный контролер финансов занимался внешне- и внутриэкономическими делами, а также значительной частью административных вопросов, руководил интендантами провинций. В XVIII в. обладатель этой должности чаще всего выступал де-факто главой правительства.

Интенданты финансов подчинялись генеральному контролеру. Их число в разные периоды колебалось от 2 до 12. Менялся и порядок заполнения этой должности: в некоторые периоды король на нее назначал, в другие – ее продавал.

Государственный советник – одна из самых почетных должностей в королевстве, давалась как отличие. Их обычно было чуть более 30.

Докладчик прошений (рекетмейстер) – самая многочисленная категория членов Королевского совета (от 70 до 90). Готовили дела для рассмотрения на Совете. Из их числа также назначались интенданты в провинции. Должность можно было купить, но с разрешения короля.

Несмотря на иерархию должностей (здесь они перечислены в нисходящем порядке), четкого распределения обязанностей между их обладателями не было. В разные времена руководителями правительства становились и канцлеры, и первые министры, и сюринтенданты, и генеральные контролеры. Решающее значение имела не столько сама должность, сколько политический вес занимавшего ее лица. Не было четкого разделения полномочий и между секциями Королевского совета, нередко их зоны ответственности пересекались.

Центральной власти постоянно приходилось сталкиваться с конкуренцией со стороны **«суверенных судов»**, к числу которых относились *парламенты, Большой совет, счетные палаты и палаты косвенных сборов*. Отпочковавшиеся в разное время от центрального государственного аппарата (например, Парламент и Счетная палата Парижа отделились от Королевского совета в XIII в., Большой совет – в XV в.), они постепенно оказались достаточно независимы от короны. Во многом эта независимость определялась тем, что с XVI в. государство продавало судебские, которые, таким образом, становились частной собственностью тех, кто их купил. Владельцы таких должностей – *оффисье* – не могли быть смещены со своих постов даже королем без выплаты им стоимости должности. В 1604 г. Генрих IV ввел особый налог для оффисье – *полетту* (названную так по имени придумавшего ее финансиста Поле), ежегодно выплачивая которую, они получали право передавать свои должности по наследству. Тем самым их собственность на должности была еще больше укреплена. Правда, условия выплаты полетты периодически пересматривались (примерно раз в 6-7 лет), и угроза их ухудшения служила правительству эффективным средством для того, чтобы хоть на время ограничить независимость судебных чинов.

«Суверенные суды» и, прежде всего, парламенты обладали не только широкими полномочиями в сфере правосудия, но имели возможность оказывать реальное влияние и на процесс законотворчества. Любой закон получал силу только после регистрации его парламентами, что фактически давало им право вето. Нередко они регистрировали закон с поправками, существенно менявшими его содержание. Для преодоления сопротивления парламентов центральная власть нередко использовала такое чрезвычайное средство, как *королевское заседание*: в присутствии короля закон подлежал регистрации без возражений. Однако нередко случалось, что и после королевского заседания, парламент выступал с протестом против принудительной регистрации закона и считал себя в праве этот закон игнорировать. Парламентам подчинялась значительная часть полиции, что позволяло им в определенных ситуациях выступать также и в качестве исполнительной власти. Всего к концу Старого порядка во Франции насчитывалось 13 парламентов и 4 аналогичных им по своим полномочиям верховных суда, 15 счетных палат и 10 палат косвенных сборов. «Суверенным судам» подчинялись также многочисленные местные

органы юстиции. Оффисье всех этих судебных учреждений составляли особый социальный слой, характеризовавшийся ярко выраженной корпоративной солидарностью и стремлением к кастовой замкнутости. Судейские даже претендовали на роль особого сословия, стоящего на страже законности. Признанным лидером всей корпорации выступал Парижский парламент.

Устройство **местной администрации** отличалось большим разнообразием не только от провинции к провинции, но и от коммуны к коммуне. Тем не менее, и здесь можно проследить общие для всей страны тенденции. Главной из них было постепенное укрепление позиций представителей центрального правительства по отношению к традиционным местным администрациям.

В XVI – первой половине XVII в. наибольшим влиянием в провинциях пользовались *губернаторы*. Назначавшиеся из представителей крупной аристократии, они обладали почти неограниченной военной и административной властью на вверенной им территории, а также широкими полномочиями по осуществлению правосудия и налогообложения. Имея в подчиненных им областях обширные земельные владения и многочисленную дворянскую клиентелу, губернаторы нередко вели себя там как удельные князья, лишь номинально зависимые от короны. При Людовике XIV должность губернатора утратила былое значение и превратилась в хорошо оплачиваемую синекуру. Ее носитель формально сохранял прежние полномочия, но лишился права появляться в «своей» провинции без особого на то королевского разрешения.

Другим центром власти в провинциях были местные парламенты и подчинявшиеся им суды. Они не только занимались делами юстиции, но и активно вмешивались в текущее управление. Трения между губернаторами и парламентами даже выливались в XVII в. при ослаблении центральной власти во вспышки гражданской войны.

Впрочем, и губернаторов, и парламенты объединяло негативное отношение к начавшемуся в XVII в. усилению роли *интендантов* – представителей центрального правительства на местах. Если в XVI в. уполномоченные короля появлялись в провинциях лишь с разовыми поручениями, то, начиная с правления Ришелье, их деятельность приобрела постоянный характер. После временного ослабления в годы Фронды, они при Людовике XIV становятся главными действующими лицами в провинции.

Интенданты (в конце Старого порядка их насчитывалось около 30) назначались из числа рекетмейстеров и обладали самыми широкими полномочиями, охватывавшими все стороны государственного управления: полицию, налогообложение, общественные работы, правосудие, надзор над муниципальными и коммунальными властями и т.д.

Финансы и налоги

Быстрое, по сравнению со средними веками, увеличение при Старом порядке государственного аппарата сопровождалось непрерывным ростом государственных расходов. Соответственно, правительству приходилось постоянно изыскивать средства для удовлетворения своих растущих финансовых потребностей. Доходы государства делились на обычные (ординарные) и экстраординарные.

Наиболее традиционным источником **ординарных доходов** был *королевский домен* – владения рода Капетингов. В средние века из него покрывались практически все государственные расходы. При Старом порядке доля домена в общем объеме доходов резко снижается: в 1523 г. это – 10% от всех поступлений в казну, в конце XVI в. – 2,5%, в XVII в. – 1-4%. Домен как неотъемлемый атрибут короны отчуждению не подлежал, но в критических ситуациях, когда экстренно требовались большие суммы денег, короли закладывали доходы с него. При стабилизации же обстановки правительство с большим или меньшим успехом старалось их выкупить. Сюлли достаточно успешно начал соответствующую операцию, но вспыхнувшая в регентство Марии Медичи гражданская смута не позволила довести выкуп до конца. Ришелье, также планировавший подобную меру, не смог получить от собрания нотаблей необходимых для ее осуществления средств. Больше других в этом деле преуспел Кольбер, сумевший посредством выкупа доходов увеличить поступления с домена почти в 70 раз.

Основное средство пополнения казны составляли налоги – прямые и косвенные.

Прямые налоги. Главным из них была *таля*. Существовало два ее вида: «персональная» и «реальная». *Персональная таля* взималась в северных и центральных провинциях Франции с имущества, принадлежавшего представителям третьего сословия. Впрочем, хотя церковь этот налог и не платила, она с XVI в. ежегодно вносила в казну «добровольный дар»,

представлявший собою, по сути, ту же самую талью в завуалированной форме. Дворянские владения от тальи освобождались, поскольку считалось, что дворяне платят налог королю своей кровью на полях сражений. Ежегодно правительство определяло общую сумму тальи для каждой провинции, затем королевские чиновники или провинциальные Штаты (в тех землях, где они сохранились) разверстывали эту сумму по округам, там сборщики разверстывали ее далее и т.д., пока не устанавливалась для каждого налогоплательщика та сумма, которую он, в зависимости от размеров имущества и доходов, был обязан внести в казну.

Серьезным недостатком этого, самого старого во Франции прямого налога было то, что за долгую историю его существования корона даровала и продала слишком много освобождений от его уплаты. Особенно часто это происходило в периоды гражданских смут, когда короли, чтобы привлечь на свою сторону тот или иной город, навечно освобождали его от тальи. Такие же привилегии нередко получали и отдельные лица для принадлежавших им владений. В результате подобного сокращения налогооблагаемых территорий увеличивалась доля оставшихся плательщиков, поскольку общая сумма налога при этих изъятиях не сокращалась. Кроме того, серьезным недостатком персональной тальи было то, что при покупке дворянином крестьянской земли этот участок также освобождался от налогообложения. Ну а поскольку расширение таким способом дворянских владений приобрело в XVII-XVIII вв. массовый характер, это значительно сокращало базу налогообложения и отягощало налоговый гнет для тех, кто привилегий не имел. *Реальная талья*, взимавшаяся на юге Франции, от подобного недостатка была избавлена, поскольку ею облагались все «недворянские» земли независимо от статуса их владельца. Иначе говоря, если крестьянский участок покупал дворянин, ему все равно приходилось платить с него талью.

В периоды войн короли могли также устанавливать временные добавки к талье, которые порою превращались в постоянные, как, например, введенный Генрихом II *тальон*.

При Людовике XIV появился новый поголовный и всесословный прямой налог – *капитация*, сначала тоже временно, а с 1701 г. постоянно. Тот же король ввел в 1710 г. к этому налогу добавку – *десятину*, превратившуюся позднее в *двадцатину*.

Косвенные налоги. Самый старый из них – *октруа*, рыночный сбор, взимавшийся на городских заставах при ввозе продовольствия в город.

Налог на соль – *габель* – был самым доходным из косвенных налогов. Соледобывающие области, а также Гиень и Бретань, от его не платили. Остальные же области составляли зоны «большой габели» (Север) и «малой габели» (Юг и Центр), на границах которых располагались таможни для борьбы с контрабандой соли. Население в зонах габели было обязано ежегодно закупать определенное количество соли (от 3 до 7 кг на человека) в специальных королевских амбарах. Взимание этого налога всегда отдавалось на откуп и часто сопровождалось большими злоупотреблениями, из-за чего он стал самым ненавистным для народа. Слово «габелер» служило бранным прозвищем для всех агентов фиска.

Из остальных косвенных налогов, носивших название *эд*, наиболее доходными были те, которыми облагались вино и крепкие алкогольные напитки.

Экстраординарные доходы включали в себя средства от продажи должностей, королевские ренты и займы.

Впервые *ренты* были выпущены при Франциске I в 1522 г. В дальнейшем правительство стало регулярно использовать такую форму займа. Формально ренты выпускались муниципалитетами Парижа и других городов, но выплата процентов производилась из той части городских денег, что была предназначена для государственной казны. Доходность рент была разной. При экстренной нужде в деньгах (война, гражданские смуты) ренты выпускались на более привлекательных для кредиторов условиях, но после стабилизации обстановки государство порою эти условия пересматривало, а наиболее невыгодные для себя ренты выкупало. Так, например, поступали Сюлли и Кольбер.

Займы правительство брало у «финансистов», особой социальной группы, специализировавшейся на кредитовании государства и операциях по откупам. Эти люди имели высокий социальный статус и тесные, порою родственные, связи с самыми влиятельными аристократическими кланами. Когда правительству срочно требовались деньги, финансисты в кратчайшие сроки могли собрать огромные суммы наличными и предоставить государству кредит под огромные, порою просто грабительские проценты (в Тридцатилетнюю войну – до 49,4% годовых). Отчасти они ссужали правительство своими

собственными средствами, но в основном, как показали новейшие исследования, деньги им предоставляли многие крупные аристократы, которые таким образом через посредничество финансистов с большой выгодой для себя кредитовали государство. Финансисты, чье богатство особенно быстро росло в периоды общественных бедствий (чем сложнее ситуация в стране – тем выше проценты по займам), пользовались дурной репутацией. Ришелье называл их «особой группой, для государства убыточной, но необходимой». В периоды стабилизации политической обстановки правительство в угоду общественному мнению и в собственных фискальных интересах приступало к «выжиманию губок», создавая Палату правосудия для расследования злоупотреблений финансистов. Так было в 1601-1602, 1605-1607, 1623, 1661 и 1716 гг. Палата изучала деятельность финансистов и накладывала на них высокие штрафы, в определенной степени компенсировавшие убытки казны от невыгодных условий экстренных займов. Иногда некоторых из финансистов даже казнили в назидание прочим, но при этом их собственность конфискации не подвергалась. Государство было заинтересовано в сохранении самого института финансистов и даже взимание установленных Палатой правосудия штрафов отдавало в откуп одному из них. С началом же очередной войны их услуги вновь оказывались необходимы.

Литература

Глава 2

Становление абсолютизма при Франциске I и Генрихе II

Восшествие на трон Франциска I

1 января 1515 г. умер Людовик XII, еще при жизни прозванный «отцом народа». Его семнадцатилетнее царствование было для Франции благословенным временем, когда страна не знала ни голода, ни чумы, ни внутренних усобиц. За исключением двух скоротечных эпизодов 1513 г., не было и вторжений из-за рубежа. Напротив, успешные войны в Италии позволили французскому королю распространить свою власть на значительную часть Аппенинского полуострова. Однако наследника Людовик XII не оставил, и после смерти монарха корона перешла к другой ветви династии Валуа, а именно – к двоюродному племяннику короля и мужу его единственной дочери герцогу Франциску Ангулемскому.

Царствование Франциска I французские историки традиционно считают переходным от средневековья к новому времени. Именно тогда обозначились многие из тех тенденций развития французской государственности, которые в дальнейшем станут определяющими: шло формирование из профессиональных служащих (оффисье) централизованного государственного аппарата; предпринимались попытки унификации права; закладывались основы финансовой системы абсолютистского государства нового времени. Многие делались впервые: первое разделение Королевского совета на специализированные секции, первые продажи должностей, первые государственные ренты и т.д. Вместе с тем, эти процессы отнюдь не носили революционного характера и представляли собою не разрыв с историческими традициями, а их адаптацию к изменившимся условиям.

Так же, как и его царствование, личность Франциска I удивительным образом сочетала в себе черты старого и нового. С одной стороны, он обладал образцовыми доблестями средневекового правителя: король-рыцарь, любивший сражения, охоту и турниры. Даже войну он объявлял так, как вызывают на рыцарский поединок. С другой стороны, это был настоящий правитель эпохи

Ренессанса. Воспитанный на трудах итальянских гуманистов, Франциск I охотно оказывал покровительство науке и литературе, но в то же время, подобно макиавеллевскому Государю, считал излишним связывать себя в политике нормами христианской морали.

Итальянские войны

Едва взойдя на трон, двадцатилетний король, мечтавший о военной славе, обратил свой взор к Италии. Для французского дворянства Итальянские походы, проводившиеся с конца XV в., служили источником легкой наживы, и оно с готовностью в них участвовало. Заручившись нейтралитетом Англии и поддержкой Венецианской и Генуэзской республик, Франциск I отправился завоевывать Миланское герцогство, на которое его супруга имела династические права. 13-14 сентября 1515 г. он в жестоком сражении при Мариньяно разгромил швейцарцев, союзников миланского герцога.

Эта победа позволила Франциску I не только подчинить Милан, но и, добиться значительных успехов на дипломатическом поприще, укрепить свое положение внутри страны и вне ее. 18 августа 1516 г. Франциск I и римский папа Лев X заключили *Болонский конкордат*. Французский король получил право назначать епископов, аббатов и настоятелей монастырей (раньше эти должности были выборными) с тем, чтобы папа затем посвящал их в сан. 29 ноября 1516 г. Франция заключила «вечный мир» со швейцарскими кантонами. Те обязались никогда больше не воевать против нее и поставлять королю наемных солдат, считавшихся тогда одними из лучших в Европе. 11 марта 1517 г. Франциск I подписал мир с императором, закрепив свои завоевания в Италии.

В 1519 г., когда старый император умер, Франциск I выступил на выборах в качестве претендента на его трон, однако сейм избрал новым императором Карла Габсбурга, короля Испании и Неаполя. Таким образом, Франции отныне противостояла огромная держава, включавшая в себя Священную Римскую империю, Испанию, Нидерланды, обширные испанские владения в Италии и Америке. 1 апреля 1521 г. между Франциском I и Карлом V началась война, в которой на стороне императора выступила и Англия. События быстро приняли неблагоприятный для французов поворот. 27 апреля 1522 г. они потерпели

поражение в Северной Италии. Милан был потерян, а швейцарские наемники, покинув ряды французской армии, отправились домой. В 1523 г. на сторону неприятеля перешел один из лучших французских полководцев, коннетабль (главнокомандующий) и принц крови Шарль Бурбон. Он был смертельно обижен тем, что после смерти его жены на значительную часть ее наследства посягнула мать Франциска I Луиза Савойская. Под командованием Бурбона имперские войска 24 февраля 1525 г. наголову разгромили французскую армию под Павией и взяли в плен самого Франциска I.

Коронованного пленника отправили в Мадрид. Карл V предложил вернуть ему свободу в обмен на огромные территориальные уступки. Франциск I на эти условия не согласился и оказался прав: международная ситуация неожиданно начала меняться в пользу Франции. В 1525 г. вспыхнула крестьянская война в Германии, а в Венгрию вторглись турки. Кроме того, мать короля Луиза Савойская, управлявшая страной в его отсутствие, тонкими дипломатическими маневрами сумела внести раскол в ряды неприятеля и добиться того, что англичане не только вышли из войны, но и сблизилась с французами. Лишившись важного союзника и вынужденный заниматься наведением порядка в собственных владениях, а также бороться с турецкой угрозой, Карл V умерил требования к пленнику. 14 января 1526 г. в Мадриде был подписан договор, по которому Франциск I отказывался от своих притязаний в Италии и соглашался передать Карлу V Бургундию. Взамен французский король получил свободу, но два его сына остались заложниками в Мадриде. В марте 1526 г. Франциск I вернулся во Францию.

Усиление королевской власти

В XVI в. Франция представляла собою пестрый конгломерат провинций, каждая из которых еще недавно была суверенным государством и сохраняла исторически сложившуюся систему местных органов власти и собственное кутюмное (обычное) право. Франциск I с самого начала своего царствования стал предпринимать энергичные меры по усилению централизации государства. Он постепенно распространял на всю страну институт губернаторов, ранее существовавший лишь в приграничных провинциях. Губернатор, назначавшийся королем из числа наиболее влиятельных местных аристократов,

получал на вверенной ему территории широкие полномочия в военной, административной, судебной и фискальной областях. Кроме того, интересы центральной власти в провинции представляли «королевские комиссары», направлявшиеся туда для выполнения разовых поручений.

Однако после возвращения из Мадрида Франциску I пришлось еще больше активизировать усилия по укреплению королевской власти, которую, в его отсутствие, судебная аристократия Парижского парламента попыталась ограничить. Пока король находился в плену, судебские потребовали у Луизы Савойской допустить их к принятию решений по наиболее важным вопросам государственного управления. В 1527 г. Франциск I издал эдикт, ограничивший полномочия парламента исключительно сферой правосудия.

Впрочем, конфликты между монархом и традиционными судебными учреждениями имели место и позднее. 30 августа 1539 г. король подписал так называемый ордонанс Виллер-Котрэ, направленный на усиление централизации государства. В частности, этот закон заложил во Франции основы регистрации актов гражданского состояния и сделал французский язык языком государственного делопроизводства. Однако Руанский парламент отказался регистрировать ордонанс. Чтобы сломить сопротивление судебских, королю даже пришлось приостановить деятельность этого парламента.

Многочисленные войны, рост государственного аппарата, а в 1527-1530 гг. и операция по выкупу из плена сыновей короля, привели к огромному росту государственных расходов, которые отчасти покрывались путем увеличения уже существовавших налогов, отчасти – из различного рода экстраординарных источников. К последним относились продажа должностей и дворянских титулов, государственные ренты (с 1522 г.), обычные и принудительные займы у частных лиц, корпораций и городов. Операции по кредитованию государства относились к числу весьма прибыльных, но рискованных. В 1521-1535 гг. по приказу короля специальная комиссия занималась расследованием махинаций финансистов. В 1527 г. по этому обвинению был повешен один из крупнейших кредиторов государства, барон Самблансэ. Важным источником пополнения казны служили также конфискации. Так, в 1527 г. суд постановил конфисковать собственность умершего незадолго до того Шарля Бурбона.

Войны с Империей

Вернувшись из плена, Франциск I отказался передать Карлу V Бургундию, сославшись на то, что бургундские Штаты не дали на это согласия. Созванное королем в декабре 1527 г. собрание нотаблей поддержало его и постановило Бургундию не отдавать, а за детей Франциска I заплатить императору выкуп.

В январе 1528 г. Франция и Англия объявили Карлу V войну, которая, впрочем, оказалась недолгой. Французские войска в Северной Италии были разбиты, однако, Карл V не смог развить успех, поскольку с востока в его владения вторглась огромная турецкая армия с самим султаном Сулейманом Великолепным во главе. В августе 1529 г. император и французский король заключили мир, по которому Франциск I сохранил за собой Бургундию, но отказался от претензий на Милан и Неаполь и обещал уплатить за освобождение своих сыновей 2 млн. экю.

Европу раздирали религиозные противоречия. В центре и на севере континента друг с другом враждовали католики и протестанты, с востока нависла мусульманская угроза. Однако Франциск I, готовясь к новой войне с императором, искал союзников, не взирая на их религиозную принадлежность. Он сблизился с Римом, согласившись на брак своего сына Генриха с племянницей папы Екатериной Медичи, но в то же время сохранил альянс с английским королем, проводившим в своей стране Реформацию. В 1535 г. Франциск I тайне заключил военный союз с турецким султаном.

После смерти в 1535 г. миланского герцога французский король потребовал передать его владения своему сыну Генриху и направил войска в Северную Италию. Но этим намерениям воспротивился Карл V. В июне 1536 г. началась новая война между Францией и Империей. Действиями французской армии руководил маршал Анн Монморанси. Избрав сугубо оборонительную стратегию, он успешно отразил в 1536 и 1537 гг. неприятельские вторжения с юго-востока и северо-востока, за что получил звание коннетабля. В 1538 г. воюющие стороны, исчерпав свои денежные ресурсы и не имея возможности для дальнейшего продолжения войны, начали мирные переговоры. 14 июля 1538 г. в Эг-Морте при посредничестве папы был подписан мирный договор.

Франциск I не отказался от претензий на Милан, но, следуя советам Монморанси, рассчитывал приобрести желаемое дипломатическим, а не военным путем. Однако все предпринятые для этого усилия натолкнулись на

сопротивление императора. В 1541 г. король отстранил Монморанси от дел и взял курс на очередную войну с Карлом V, которая была объявлена 12 июля 1542 г. На сей раз Англия выступила в поддержку императора, зато турецкий султан прислал на помощь своему союзнику французскому королю огромный флот. В 1543-1544 гг. турецкие корсары, базируясь в Тулоне, разорили побережье Испании, захватили и продали в рабство тысячи христиан. В 1544 г. Франциск I разгромил неприятеля в Пьемонте. Однако угроза нависла над самой французской столицей. Двигавшиеся с северо-востока имперская и английская армии летом 1544 г. вышли на дальние подступы к Парижу. Однако гарнизоны французских крепостей оказали противнику упорное сопротивление, что позволило погасить его наступательный порыв. 18 сентября 1544 г. Франциск I и Карл V подписали мир. Война с Англией продолжалась до июня 1546 г.

Реформация во Франции

Идеи Реформации, проникая с 20-х годов XVI в. из Германии во Францию, дали обильные всходы на французской почве, уже подготовленной для этого деятельностью гуманистов в предшествующий период. Так, при дворе и под покровительством сестры Франциска I графини Маргариты Ангулемской, ставшей затем королевой Наварры, существовал гуманистический кружок, развивавший идеи, близкие к тем, которые в 1517 г. выдвинул Лютер. Возглавлявший этот кружок Лефевр д'Этапль, видный деятель французского Ренессанса, еще в 1512 г. сформулировал главный тезис Реформации – об оправдании верой. Его последователь Гийом Брисонне, епископ Мо, использовал в литургии французский язык, распространял французские переводы Евангелия, призывал вернуться к заветам раннехристианской церкви. Не удивительно, что протестантизм получил широкое распространение, прежде всего, в тех слоях населения, которые были наиболее восприимчивы к ценностям гуманистической культуры, - дворянство и бюргерство.

Вместе с тем, во Франции реформационное движение не приобрело такого размаха, как в странах Центральной и Северной Европы. Во многом это было связано с тем, что здесь оно, в отличие от Англии, Северной Германии и Скандинавии, не получило поддержки со стороны высшей светской власти.

Галликанская церковь, обладавшая достаточно высокой степенью независимости от Рима, была прочно интегрирована в социально-политическую систему монархии. Французские короли, согласно Болонскому конкордату, имели право назначать своих кандидатов на высшие церковные должности и могли распоряжаться значительной частью доходов церкви, а потому не были заинтересованы в радикальной перестройке отношений между светской и духовной властью.

Первое время Франциск I весьма снисходительно относился к новым религиозным веяниям. Он даже сдерживал репрессивные устремления парламентов, Сорбонны и высшего духовенства, занявших с самого начала Реформации бескомпромиссную позицию по отношению к ее сторонникам. Решительный поворот королевской власти к борьбе с протестантизмом произошел в середине 30-х годов XVI в. В октябре 1534 г. в ряде городов Франции появились афиши с резкими нападками на католическую церковь, что вызвало среди прихожан волну возмущения. Парижский парламент именем короля отправил на костер три десятка протестантов, еще несколько сотен было арестовано. 21 января 1535 г. король лично возглавил массовую религиозную процессию в Париже, продемонстрировав свою преданность католической вере. В тот же день было сожжено еще несколько протестантов. Однако уже летом король приказал прекратить репрессии, поскольку они вызвали недовольство его союзников – протестантских князей Германии, в чьей поддержке против императора он в тот момент нуждался.

С прекращением войны гонения на сторонников Реформации возобновились. Эдикт Фонтенбло от 1 июня 1540 г. обязал все королевские суды бороться с распространением протестантской «ереси». Правительство установило строгий контроль за книготорговлей, запрещенные книги сжигались, а в 1540 г. был сожжен известный лионский книгоиздатель Этьен Доле.

Воцарение Генриха II

В последние годы жизни Франциска I, когда он уже тяжело болел, его двор раздирала борьба между группировками аристократии, выливавшаяся время от времени в отстранение от власти, а порою и предание суду того или

иного крупного государственного деятеля. К тому же весьма напряженно складывались и отношения короля с дофином Генрихом. Окружение наследника, где тон задавала его фаворитка Диана Пуатье, откровенно фрондировало против занимавшей доминирующее положение «партии» герцогини д'Этамп, фаворитки короля. Не удивительно, что после смерти Франциска I (31 марта 1547 г.) двор пережил своеобразную «революцию».

Взойдя на трон, Генрих II удалил прежних советников своего отца и герцогиню д'Этамп. Зато Диана Пуатье получила титул герцогини и была введена в Королевский совет. Король приблизил к себе ранее опального коннетабля Монморанси и его родню, а также семейство Гизов, младшую ветвь Лотарингского дома. Герцог Франциск Гиз имел себе славу храброго полководца, а его брат Карл, архиепископ Лотарингии (в дальнейшем – кардинал), пользовался большим авторитетом в церкви. Отныне эти два клана – Монморанси и Гизы – оказывали решающее влияние на политику короля. А вот роль принцев крови в царствование Генриха II была относительно невелика. Старшего из них, Антуана Бурбона, король и вовсе удалил из Парижа, женив на Жанне д'Альбре, единственной наследнице Наваррской короны.

Впрочем, несмотря на радикальную смену лиц при дворе, Генрих II сохранил преемственность с политикой своего отца. Происходило дальнейшее укрепление центрального государственного аппарата, для чего внутри Королевского совета были созданы специализированные должности государственных секретарей, сюринтендантов и генерального контролера финансов. Столкнувшись с массовыми восстаниями в юго-западных провинциях (1548-1549), вызванными увеличением налогов, правительство старалось шире использовать альтернативные источники финансирования, формируя и развивая систему государственных займов.

Гонения на протестантов

Особенно ярко преемственность двух царствований проявилась в религиозной сфере. Начавшиеся в последние годы правления Франциска I преследования сторонников Реформации были не только продолжены его сыном, но и приобрели еще больший размах. Уже в октябре 1547 г. для борьбы с протестантизмом Парижский парламент создал специальную палату,

получившую название «Огненной». Только в течение последующих трех лет она вынесла подозреваемым в «ереси» более пятисот приговоров, причем, большинство смертных.

Многие протестанты вынуждены были эмигрировать в Женеву, духовный центр кальвинизма. Оттуда идеи Реформации распространялись по всей Франции, где кальвинистов стали называть гугенотами (от немецкого *eidgenossen* – члены конгрегации). В 1551 г. французский король принял эдикт, запрещающий распространение женевских изданий и даже частную переписку с этим городом.

Однако, несмотря на ужесточение репрессий, ряды сторонников Реформации неуклонно росли. Ее идеи находили себе приверженцев в разных слоях городского населения, в том числе среди высшей аристократии. Так, в 50-е годы протестантскую веру приняли королева Наваррская Жанна д'Альбре и ее супруг, первый принц крови Антуан Бурбон. Последний в 1558 г. вместе со своими приближенными уже открыто участвовал в массовых протестантских богослужениях на берегу Сены, где собиралось от 4 до 6 тыс. человек.

Видя в распространении кальвинизма главную угрозу для своей власти, Генрих II вынужден был завершить Итальянские войны, чтобы сосредоточиться на борьбе с внутренним противником. Отказ от притязаний на Италию в 1559 г. сопровождался подготовкой новых репрессивных мер внутри страны, осуществить которые королю помешала лишь смерть.

Завершение Итальянских войн

Во внешней политике Генрих II на протяжении большей части своего царствования продолжал дело отца, стремясь завоевать Италию и воспрепятствовать установлению в Европе гегемонии Габсбургов. В 1551 г. он двинул войска против римского папы Юлия III, союзника императора, и при помощи турецкого флота заставил его капитулировать. В следующем году, заключив союз с протестантскими князьями Германии, Генрих II вступил в войну с самим императором Карлом V. С согласия союзников, французская армия заняла три епископства Туль, Мец и Верден и вступила в Эльзас. Контрнаступление Карла V на Мец было сорвано Франциском Гизом.

В 1553-1554 гг. французы вели успешные операции сразу на нескольких фронтах: в Италии, на Рейне и в Нидерландах. Попытки императора перейти в наступление на северо-восточном театре военных действий окончились неудачно. Здесь хорошо проявил себя в боях племянник коннетабля Гаспар Колиньи. В 1556 г. стороны подписали перемирие, по которому император признал все французские завоевания: Пьемонт, Савойю, Корсику и три епископства. В следующем году Карл V ушел в монастырь, оставив испанскую корону своему сыну Филиппу II, а имперскую – своему брату Фердинанду.

Успехи французского оружия и дипломатии вскружили голову приближенным Генриха II. И если коннетабль Монморанси призывал к осторожности, то Диана Пуатье и Гизы подталкивали короля к продолжению войны. В 1557 г. Франция нарушила перемирие и, кроме того, объявила войну Англии. Но на сей раз фортуна отвернулась от полководцев Генриха II. Экспедиция Франциска Гиза в Италию завершилась неудачно. В то же время испанцы вторглись во Францию со стороны Нидерландов и осадили Сен-Кантен. Шедшая на помощь городу армия под командованием Монморанси потерпела 10 августа 1557 г. сокрушительное поражение. Сам коннетабль попал в плен. Дорога на Париж была открыта для неприятеля и лишь упорная оборона Сен-Кантена, которой руководил Колиньи, позволила французам выиграть время. Прибывший из Италии Франциск Гиз ликвидировал угрозу столице и в начале 1558 г. даже отбил у англичан Кале.

Созванные королем в 1558 г. Генеральные штаты согласились выделить средства на продолжение войны, однако быстрое распространение протестантизма внутри страны заставило Генриха II искать примирения с внешними врагами. В апреле 1559 г. Франция заключила с Англией, Испанией и Савойей мир в Като-Камбрези. Французский король сохранил за собой три лотарингских епископства, но отказался от всех завоеваний и притязаний в Италии. Так завершилась эпоха Итальянских войн.

По условиям мирного договора, Филипп II вступал в брак со старшей дочерью, а герцог Савойский – с сестрой французского короля. По этому поводу в Париже был устроен грандиозный праздник с рыцарским турниром. Генрих II лично принял участие в состязании и в поединке с графом Монтгомери получил смертельное ранение, от которого скончался 10 июля 1559 г.

Глава 3

Религиозные войны XVI века

Что такое Религиозные войны?

Во второй половине XVI в. французское общество пережило тяжелейший кризис - затяжную гражданскую междоусобицу. В исторической литературе эти события получили название Религиозных войн. Действительно, противоборствующие стороны делились, прежде всего, по конфессиональному признаку: с одной стороны – приверженцы католической, с другой - протестантской веры. Обе «партии» отличались пестрым социальным составом и включали в себя людей всех социальных положений – от принцев крови до городского плебса. Именно межконфессиональный характер конфликта обусловил крайнюю жестокость и фанатизм в действиях обеих сторон.

Вместе с тем, у этого кризиса, помимо религиозных, были социальные и политические причины. Идеи протестантизма нашли отклик, прежде всего, у тех, кто был недоволен существовавшим порядком вещей и стремился изменить его в свою пользу. Возглавили движение члены крупных аристократических кланов, ранее оттесненных от трона более удачливыми конкурентами. Они силой оружия пытались восстановить свое прежнее влияние и, когда им это в той или иной степени удавалось, нередко переходили обратно в католицизм. Широко представленное в гугенотских армиях служилое дворянство с прекращением Итальянских походов утратило обильный источник дохода и рассчитывало компенсировать его присвоением церковных земель. Основной же опорой протестантизма во Франции стали города Юга. Они достаточно поздно вошли в состав Французского королевства и крайне болезненно восприняли посягательства центральной власти на местные свободы и обычаи, что создавало почву для ярко выраженных сепаратистских настроений. К тому же, на Юге еще были живы воспоминания об имевших там место массовых еретических движениях средневековья.

Все эти социальные элементы – крупная аристократия и мелкое дворянство, городской патрициат и плебс – объединились в оппозиционном движении, выступившем под знаменем протестантизма. И только среди

крестьянства, составлявшего основную массу населения Франции, идеи Реформации сколько-нибудь существенного отклика не получили.

Царствование Франциска II

После смерти Генриха II на престол взошел его сын Франциск II. Новому королю было 15 лет, и по законам того времени он считался совершеннолетним. Женой юного монарха была шотландская королева Мария Стюарт, родная племянница герцога Франциска Гиза и его брата Карла, кардинала Лотарингского. Именно Гизы получили при Франциске II всю полноту реальной власти, оттеснив на второй план другие аристократические фамилии. Зависть к «лотарингским выскочкам» заставила объединиться против них могущественные кланы Монморанси и Бурбонов.

Очень быстро Гизы сумели настроить против себя двор и армию. Пытаясь восстановить государственные финансы, подорванные многочисленными войнами, они прекратили выплату пенсий придворным и жалования солдатам, чем спровоцировали недовольство тех и других. Кроме того, продолжая начатые Генрихом II религиозные репрессии, Гизы вызвали к себе ненависть гугенотов.

В начале 1660 г. дворяне-протестанты составили заговор, имевший целью отстранить Гизов от власти. И хотя никто из видных аристократов непосредственно в число заговорщиков не входил, те действовали с ведома и одобрения принца Людовика Конде, родного брата короля Наварры Антуана Бурбона. В марте, когда двор находился в замке Амбуаз, Гизы узнали о заговоре и жестоко расправились с его участниками. Устроенная в Амбюазе бойня получила широкий резонанс в стране. Начались волнения гугенотов.

Репрессивная политика Гизов вызвала противодействие также со стороны королевы-матери Екатерины Медичи, обеспокоенной обострением межконфессиональных противоречий. Под ее влиянием Франциск II издал в мае 1560 г. Роморантенский эдикт, положивший конец религиозным репрессиям. Протестантам была дарована свобода совести, хотя и запрещено публичное отправление культа.

При поддержке Екатерины Медичи пост канцлера занял умеренный и осторожный политик Мишель Лопиталь. Видный правовед, приверженец

гуманистических идей Эразма Роттердамского, он считал, что религиозные споры необходимо решать силой разума, а не оружия. В августе 1560 г. он на собрании нотаблей попытался примирить враждующие стороны, однако его призыв к компромиссу не встретил понимания ни у одной из них.

Волнения гугенотов не только не прекратились, но и вылились в массовое иконоборческое движение. Считая почитание изображений Христа и святых проявлением язычества, протестанты врывались в католические храмы и уничтожали иконы и статуи. Видя, что увещевания не действуют на гугенотских вождей, правительство приказало арестовать принца Конде за соучастие в Амбуазском заговоре. Суд вынес ему смертный приговор. Но смерть Франциска II, последовавшая 5 декабря 1560 г., помешала привести приговор в исполнение.

Регентство Екатерины Медичи и поиски религиозного компромисса

Покойного монарха сменил на троне его 10-летний брат Карл IX. Регентские права и реальную власть получила королева-мать Екатерина Медичи. Воспитанная на идеях итальянских гуманистов, она достаточно гибко подходила к вопросам религии, руководствуясь, прежде всего, соображениями государственной выгоды, которая побуждала ее стремиться к разрешению межконфессионального конфликта путем компромисса. Екатерина покончила с прежним всевластием фанатично настроенных Гизов и в противовес им приблизила к трону Антуана Бурбона, назначив его наместником королевства. Принц Конде был освобожден из тюрьмы.

13 декабря 1560 г. в Орлеане открылись Генеральные штаты, где канцлер Лопиталь вновь попытался примирить католиков и гугенотов, обратившись к ним с призывом проявлять терпимость по отношению друг к другу. Идею веротерпимости депутаты, среди которых большинство составляли умеренные католики и протестанты, не отвергли. Но они отказали правительству в субсидиях, необходимых для покрытия государственного долга. Все сословия попытались воспользоваться ослаблением монархии, чтобы уменьшить свою зависимость от центральной власти. Духовенство предложило вернуться к выборности церковных должностей, на которые, согласно Болонскому

конкордату 1516 г., назначал король. Дворяне-гугеноты подвергли сомнению способность королевы-матери выполнять регентские обязанности и предложили установить над ней контроль Генеральных штатов. Депутаты от третьего сословия выразили недовольство фискальным гнетом. В результате, Штаты так и не приняли решения о выделении правительству запрошенных финансовых средств.

В августе 1561 г. собравшиеся в Понтуазе Генеральные штаты вновь отказались дать согласие на увеличение налогов. Правда, духовенство, испуганное предложением некоторых депутатов использовать для уплаты государственного долга церковные доходы, согласилось погасить часть долга из своих средств.

Продолжая добиваться примирения католиков с гугенотами, Екатерина Медичи организовала в сентябре 1561 г. диспут между ведущими теологами обеих конфессий, а 17 января 1562 г. издала эдикт («Январский эдикт»), разрешивший протестантские богослужения за пределами городов. В городах же кальвинистам было дозволено собираться в частных домах.

Уступки регентши протестантам вызвали возмущение непримиримых католиков и побудили их объединить свои силы. Даже коннетабль Монморанси, чей племянник адмирал* Колиньи был одним из вождей протестантов, переступил через былые разногласия с кланом Гизов и сблизился с ними, чтобы вместе бороться против гугенотской угрозы. Монморанси, герцог Гиз и маршал Сент-Андре составили «триумвират», противодействовать которому Екатерина Медичи не могла. Им также удалось привлечь на свою сторону Антуана Бурбона, которому испанский король Филипп II, активно поддерживавший рьяных католиков, пообещал выделить владения в Италии.

Первая Религиозная война

1 марта 1562 г., когда герцог Гиз проезжал через местечко Васси, люди его свиты напали на собравшихся для богослужения гугенотов, убив 23 человека и ранив около сотни. Весть об этой резне по-разному отзывалась в разных частях

* Это звание свидетельствовало о том, что его обладатель занимает одно из высших мест в воинской иерархии Франции. К морской же службе оно имело в то время скорее номинальное, нежели реальное отношение.

страны, но никого не оставила равнодушным. Париж встретил герцога как героя. Во многих городах, где католики составляли большинство, также начались расправы с гугенотами. Зато на Юге, где в городах преобладало протестантское население, насилию, напротив, подвергались католики.

Протестантские общины Франции, еще в 1560 г. создавшие военный союз, сформировали армию, которую возглавил принц Конде. В «Декларации», выпущенной после резни в Васси, он объявил, что король пленен Гизами, и призвал протестантов к оружию, дабы заставить власти выполнять «Январский эдикт». Весной 1562 г. гугеноты начали наступление, захватив ряд крупных городов – Тур, Блуа, Анжер, Пуатье, Лион, Руан и др. Английская королева пообещала французским кальвинистам финансовую и военную поддержку. Из Германии на помощь им двинулись протестантские наемники.

Осенне-зимняя кампания 1562/63 гг. принесла успех католикам, но стоила жизни большинству их вождей. При осаде Руана погиб Антуан Бурбон. В сражении при Дрё, где в плен попали и Монморанси, и Конде, погиб маршал Сент-Андре. В феврале 1563 г. от руки дворянина-гугенота пал герцог Гиз, чья родня обвинила в организации этого убийства адмирала Колиньи.

Избавившись от опеки «триумvirата» Екатерина Медичи предприняла активные усилия по восстановлению мира. 19 марта 1563 г. вышел Амбуазский эдикт, подтвердивший право протестантов на отправление их культа, хотя и с несколько большими ограничениями, нежели предусматривал «Январский эдикт». Затем, объединив военные силы католиков и протестантов, королева отразила нападение англичан, захвативших Гавр. И наконец, провозгласив совершеннолетие короля Карла IX, она формально завершила регентство, вызывавшее столько нареканий со стороны дворянства. Фактически же она продолжала управлять страной вместе с сыном.

Длительное путешествие по Франции, совершенное в 1564-1566 гг. Карлом IX вместе с королевой-матерью, имело целью поднять престиж королевской власти в провинции. Когда коронованные путешественники находились в Мулене, там в январе 1566 г. было проведено собрание нотаблей, где Екатерина Медичи заставила Гизов публично примириться с Колиньи.

Вторая и третья Религиозные войны

В 1566 г. в принадлежавших испанской короне Нидерландах вспыхнуло иконоборческое движение кальвинистов, вскоре вылившееся в восстание. Летом 1567 г. из итальянских владений Испании против повстанцев выступила армия герцога Альбы. Ее марш вдоль границ Франции привел гугенотов в волнение. Они боялись, что испанцы, действуя в сговоре с французским правительством, повернут оружие против них. В качестве превентивной меры протестантские вожди попытались захватить Карла IX, но добились этим лишь того, что король и Екатерина Медичи отказались от политики компромисса и приняли сторону католической «партии».

Началась вторая Религиозная война. Гугеноты захватили ряд городов – Орлеан, Монпелье, Монтобан, Монтеро и др. – и даже блокировали Париж. 10 ноября 1567 г. коннетабль Монморанси в сражении под Сен-Дени разбил протестантов и снял блокаду столицы, но получил в бою смертельное ранение. После еще нескольких месяцев военных действий стороны заключили мир в Лонжюмо 23 марта 1568 г.

И католики, и протестанты готовились к продолжению борьбы. В сентябре 1568 г. король отстранил от власти канцлера Лопиталья, выступавшего за компромисс, а затем издал эдикт, запретив отправление кальвинистского культа и приказав всем его проповедникам покинуть Францию. Началась третья Религиозная война.

Во главе гугенотов стояли принц Конде, адмирал Колиньи и юный король Наварры Генрих Бурбон, 15-летний сын покойного Антуана Бурбона. Католической армией командовал брат короля герцог Анжуйский. 13 марта 1569 г. протестанты потерпели сокрушительное поражение при Жарнаке. Раненный принц Конде попал в плен и по приказу герцога Анжуйского был застрелен, а его труп подвергся надругательству.

Получив в подкрепление немецких наемников, адмирал Колиньи продолжал сопротивляться в течение всего лета. Вместе отряды протестантов возглавляли два Генриха – король Наваррский и Конде, сын убитого принца, принявший после смерти отца его титул. 3 октября 1569 г. гугеноты вновь были разбиты герцогом Анжуйским при Монконтуре.

Колиньи отступил на юг, собрал новые силы и летом 1570 г., перейдя в наступление, вторгся в долину Луары. Угрожая Парижу, он вынудил правительство пойти на заключение мира. По Сен-Жерменскому договору,

подписанному 8 августа 1570 г., протестанты получили такие же права на отправление своего культа, какими владели до войны, а также четыре крепости, где в течение двух лет могли располагаться их войска.

Варфоломеевская ночь и ее последствия

Колиньи, вернувшийся после заключения мира ко двору Карла IX, был тепло принят королем. Пользуясь расположением монарха, старый адмирал попытался убедить его выступить против Испании и оказать помощь нидерландским кальвинистам. Он утверждал, что такая война сплотит французское дворянство, заставив забыть о религиозной розни. Этим планам решительно воспротивилась Екатерина Медичи, считавшая, что борьбы с Испанией Франция не вынесет. Королева-мать попыталась добиться примирения враждующих конфессий при помощи иного средства - брака своей дочери Маргариты с одним из вождей гугенотов Генрихом Бурбоном, королем Наварры.

Свадьба состоялась 18 августа 1572 г. Для участия в праздничной церемонии в Париже съехался весь цвет протестантского дворянства. Торжества затянулись на несколько дней. В пятницу 22 августа адмирал Колиньи, выходя из Лувра, был ранен в руку выстрелом из аркебуза. Нападавший скрылся, но очевидцы опознали в нем Морвеля, дворянина из окружения Гизов. Дом, откуда был произведен выстрел, также принадлежал одному из людей Гизов. Вожди гугенотов, собравшиеся у постели адмирала угрожали отомстить, о чем заявили королю, когда тот пришел навестить раненого.

В пятницу и в субботу Екатерина Медичи и герцог Анжуйский совещались в Тюильри со своими приближенными, определяя, как действовать в этой критической ситуации. Было решено нанести превентивный удар и уничтожить гугенотских лидеров, пока те не покинули Париж. О том, кому именно принадлежала инициатива данного шага, ни современники, ни авторы исторических работ, к единому мнению так и не пришли. Как бы то ни было, вечером 23 августа королева-мать получила согласие Карла IX на убийство протестантских вождей, убедив короля, что они затевают заговор. Власти города получили соответствующие распоряжения. Ворота Парижа были закрыты, городская милиция приведена в готовность.

В ночь на 24 августа, праздник святого Варфоломея, по сигналу набата началось избиение гугенотов. Сторонники Генриха Гиза (сына покойного Франциска Гиза) и королевские гвардейцы ворвались к Колиньи и убили его. Затем отряды Гиза и герцога Анжуйского, а также городская милиция принялись истреблять гугенотов по всему городу. Жертвами резни стали не только приехавшие в Париж дворяне, но и постоянно жившие здесь протестанты из числа горожан. Генрих Наваррский и принц Конде сохранили свои жизни, лишь приняв католичество. В общей сложности погибло до 2 тыс. человек.

По-видимому, масштабы бойни оказались неожиданны для короля. Уже наутро он отдал приказ прекратить беспорядки, но потом, не имея возможности сопротивляться движению, охватившему практически все католическое население столицы, взял на себя ответственность за происшедшее и заявил, что по его приказу разгромлен протестантский заговор. Вместе с тем, условия Сен-Жерменского мира были подтверждены, за исключением пункта о праве гугенотов иметь свои крепости.

В последующие недели волна погромов прокатилась по многим городам Франции, унеся жизни нескольких десятков тысяч протестантов. Гугеноты ответили восстанием. Началась четвертая Религиозная война. Причем, если раньше французские кальвинисты вели борьбу под лозунгом «освобождения» короля от влияния непримиримых католиков, то после Варфоломеевской ночи появились многочисленные памфлеты, в которых протестантские публицисты-монархомахи («тираноборцы») доказывали, что правитель, нарушивший свой долг блюсти благо подданных, является тираном и подлежит замене.

Правительство попыталось подавить гугенотское восстание, но армии герцога Анжуйского не удалось взять Ла-Рошель. А в июне 1773 г. и сам герцог покинул Францию, чтобы занять на польский престол. В июле Булонский эдикт Карла IX положил конец войне. Протестанты получили право на публичное отправление культа в городах Ним, Монтобан и Ла-Рошель и в частных домах высшей аристократии.

Гугеноты использовали мирную передышку для перегруппировки сил и формирования собственной политической организации. Собравшаяся в декабре 1573 г. в Мило ассамблея депутатов протестантских общин приняла решение о создании конфедерации. Вошедшие в нее города сохраняли традиционные

институты самоуправления и свободы, но каждые три месяца направляли представителей для участия в ассамблее провинции, где избирались генерал и постоянный совет провинции. Последние ведали военными и финансовыми вопросами. Кроме того, советы провинций избирали депутатов в Генеральные штаты, высший государственный орган конфедерации. Таким образом, на Юге Франции, где в городах преобладало протестантское население и куда после Варфоломеевской ночи переселились многие гугеноты из других областей, возникло «государство в государстве», имевшее республиканскую форму правления. Впрочем, несмотря на внешний демократизм конфедерации, реально ведущую роль в ней играло гугенотское дворянство.

Пятая, шестая и седьмая Религиозные войны

Объединив и перегруппировав свои силы, гугеноты в феврале 1574 г. вновь взяли за оружие. Началась пятая Религиозная война. На сей раз вместе с кальвинистами, против королевской власти выступили и умеренные католики, составлявшие так называемую партию «недовольных». Наиболее крупной фигурой среди них был губернатор Лангедока Монморанси-Данвиль. «Недовольные» осуждали Екатерину Медичи и ее окружение, возлагая на них вину за Варфоломеевскую ночь, и выступали за компромиссное решение межконфессионального конфликта.

В разгар кризиса, 30 мая 1574 г., умер Карл IX. Узнав об этом, его брат герцог Анжуйский спешно покинул польский престол и тайком от поляков бежал во Францию, чтобы здесь стать королем Генрихом III. Следуя совету Екатерины Медичи, он занял жесткую позицию по отношению к протестантам и «недовольным».

В июле 1574 г. собрались протестантские Генеральные штаты. «Генерал-губернатором и протектором» гугенотской конфедерации был назначен принц Генрих Конде, накануне бежавший из Парижа, где после Варфоломеевской ночи жил при дворе в качестве почетного пленника. Пока Конде находился в Страсбурге, добываясь помощи от протестантских князей Германии, его на Юге замещал Монморанси-Данвиль.

В 1575 г. позиции противников Генриха III еще больше упрочились. На их сторону перешел герцог Франциск Алансонский, младший брат короля и

наследник престола. Английская королева оказала им финансовую помощь, а курфюрст Пфальца прислал наемников. Правда, Генриху Гизу удалось удержать равновесие, разбив 10 октября одну из протестантских армий при Дормансе, после чего стороны подписали перемирие. В этом сражении Гиз получил шрам, из-за которого его прозвали Меченым.

В феврале 1576 г. Генрих Наваррский покинул Париж и возглавил противников короля. Не имея возможности продолжать борьбу, Генрих III заключил с ними мир в Болье 6 мая 1576 г. По королевскому эдикту, герцог Алансонский получил в управление Турень, Берри и Анжу, став герцогом Анжуйским, Генрих Наваррский - Гиень, Пуату и Ангума, принц Конде – Пикардию. Монморанси-Дамвиль подтвердил свои права на Лангедок. Протестантам разрешалось свободное отправление культа повсюду, кроме Парижа и его пригородов. Им также оставили восемь крепостей и дали право поступать на королевскую службу. Монарх выразил сожаление по поводу событий Варфоломеевской ночи и освободил от налогов вдов и детей погибших.

Эдикт в Болье вызвали недовольство непримиримых католиков. Увидев в нем свидетельство слабости королевской власти и ее неспособности противостоять гугенотскому натиску, они начали объединяться, чтобы самостоятельно бороться против «еретиков». В 1576 г. образовалась общекатолическая лига. Начало ей положили события в Перонне. Дворяне этого пикардийского города отказались признать над собой власть нового губернатора провинции, принца Конде, и призвали единоверцев поддержать их против «еретиков». Это обращение было подхвачено герцогом Гизом. По его призыву, уже существовавшие к тому времени локальные католические союзы объединились в общенациональную организацию, имевшую целью защиту католической веры и королевской власти от посягательств со стороны гугенотов. В Католическую лигу вступали люди всех сословий. Они давали обязательство вместе бороться против врагов веры и беспрекословно повиноваться руководителю Лиги герцогу Гизу.

Чтобы перехватить инициативу у Гиза, Генрих III сам встал во главе Лиги. В ноябре 1576 г. он собрал в Блуа Генеральные штаты, где протестанты не были представлены. Там король объявил, что не признает никакой религии, кроме

католической, и готов бороться против «ереси». Это означало отмену эдикта в Болье.

Началась шестая Религиозная война. На сей раз объединенные силы католиков действовали успешней. Поэтому подписанный в Бережерак 17 сентября 1577 г. мир, а затем изданный в Пуатье эдикт короля были несколько менее благоприятны для гугенотов, чем мир в Болье. Число мест, где разрешались протестантские богослужения, было сокращено. В остальном же, дарованные ранее права гугенотов сохранялись. С завершением войны король распустил Католическую лигу.

В 1580 г. непримиримо настроенная часть протестантов, возглавляемая принцем Конде, вновь взялась за оружие, развязав седьмую Религиозную войну. Генрих Наваррский попытался воспользоваться этим, чтобы присоединить к своим владениям Каор. Однако он не получил поддержки от Монморанси-Данвиля, сохранявшего нейтралитет, и 26 ноября 1580 г. вынужден был заключить мир. Протестанты удержали находившиеся в их руках крепости, но Генриху Наваррскому пришлось отказаться от Каора.

Война трех Генрихов

Генрих III воспользовался мирной передышкой для укрепления государственных финансов, подорванных многолетней смутой. Были приняты меры, направленные на то, чтобы упорядочить взимание налогов и пресечь связанные с ним злоупотребления. В 1583 г. состоялось собрание нотаблей, представившее королю обширные рекомендации относительно необходимых реформ. Одним из следствий этого собрания стало создание трибунала для расследования финансовых нарушений. В результате всех мер правительству уже в 1584 г. удалось получить практически сбалансированный бюджет.

Вместе с тем, усилия Генриха III по увеличению доходов государства, связанные с ростом косвенных налогов, принудительными займами и снижением выплат по государственным рентам, вызывали в обществе широкое недовольство. Проводимая правительством политика экономии плохо сочеталась с вызывающим блеском королевского двора. Генрих III, воспитанный на ценностях ренессансной культуры с ее культом эпикурейства, любил пышные празднества, балы и маскарады. Роскошь, которой окружали

себя король и его близкие друзья («миньоны»), раздражала общественное мнение. Авторитет монарха падал.

10 июня 1584 г. умер младший брат короля, герцог Франциск Алансонский. Поскольку своих детей у Генриха III не было, наследником престола стал первый принц крови Генрих Бурбон, король Наварры. Это обстоятельство вызвало бурный всплеск активности всех «партий». Протестантская ассамблея в декабре 1584 г. решительно высказалась в пользу божественного права королей и необходимости соблюдать традиционный порядок престолонаследия. Напротив, католическая публицистика принялась развивать идеи тираноборцев, доказывая, что еретик утратил право на корону.

Учитывая слабое здоровье Генриха III, перспектива восшествия на престол вождя гугенотов казалась весьма реальной, что заставило непримиримых католиков мобилизовать свои силы. В 1584 г. независимо друг от друга образовались две католические лиги. Одну создали члены клана Гизов, опиравшиеся на северные провинции Франции и Лотарингию. Возглавили ее три брата – герцог Генрих Гиз (Меченый), герцог Карл Майенский и кардинал Людовик Гиз. Вторая лига возникла в Париже и представляло собою тайное общество радикально настроенных католиков всех сословий. Причем, мелкое и среднее бюргерство были представлены даже в большей степени, нежели городские «верхи». В декабре 1584 г. обе лиги слились в одну.

Лигеры отказались признать права Генриха Наваррского на французский престол и объявили наследником его дядю, кардинала Карла Бурбона, единственного католика в этой семье. Однако старый кардинал рассматривался ими как переходная фигура. Гизы, выводившие свою родословную еще от Каролингов, считали, что имеют на французскую корону едва ли не большие права, чем сами Валуа. Помощь Лиге оказывали испанский король Филипп II и римский папа Сикст V, который в 1585 г. отлучил Генриха Наваррского и принца Конде от церкви.

Король, ненавидевший и опасавшийся Гизов, попытался заручиться поддержкой Генриха Наваррского, предложив признать его наследником, если он перейдет в католичество. Получив отказ, Генрих III летом 1585 г. принял сторону Лиги, объявив об утрате Генрихом Наваррским прав на французскую корону и о запрете протестантской религии.

В 1586 г. началась восьмая Религиозная война, получившая название «войны трех Генрихов» (Валуа, Бурбона и Гиза). Она сразу же приобрела международное значение, став одним из важнейших звеньев общеевропейской борьбы между сторонниками католицизма и протестантизма. Финансовую поддержку гугенотам оказывала английская королева Елизавета. Протестантские князья Германии послали им на помощь наемников. В свою очередь, испанский король финансировал Лигу, рассчитывая, что находившиеся под ее контролем северные города Франции станут опорной базой для «Непобедимой Армады» в ее походе против Англии.

В 1587 г. военные действия шли с переменным успехом. 20 октября Генрих Наваррский при Кутра разбил армию под командованием королевского миньона герцога Жуаеза, причем, сам Жуаез погиб. Месяц спустя Генрих Гиз в двух сражениях разгромил немецких наемников недалеко от Парижа.

Воодушевленные этой победой и опираясь на мощь Лиги, распространившей свое влияние практически на всю страну, Гизы в январе 1588 г. потребовали от короля удалить миньонов и доверить Лиге руководство ведением войны. Одновременно лигеры вели активную агитацию против Генриха III. Король запретил герцогу Гизу появляться в столице, но тот, тем не менее, приехал 9 мая под предлогом необходимости срочно встретиться с монархом. Появление Гиза воодушевило его сторонников и, когда король приказал ввести в Париж свою швейцарскую гвардию, горожане восстали. 12 мая Париж покрылся баррикадами, швейцарцы были разоружены, Лувр блокирован. На следующий день король бежал в Шартр. Власть в столице перешла к руководителям Лиги. Оставшаяся в Париже Екатерина Медичи сумела добиться примирения Лиги с королем. 21 июля 1588 г. Генрих III издал эдикт, объявлявший гугенотов вне закона и лишавший принцев-протестантов права на наследование короны. Герцог Гиз был назначен главнокомандующим королевскими войсками.

Гибель «Непобедимой Армады» в августе 1588 г. ослабила испанского короля, союзника Лиги. Генрих III попытался воспользоваться этим, чтобы вырваться из-под контроля Гизов. Он удалил их сторонников из правительства, заменив преданными себе людьми. В октябре король созвал в Блуа Генеральные штаты, рассчитывая с их помощью пересмотреть сделанные ранее уступки Лиге. Однако большинство депутатов были ее членами и потребовали от короля

продолжения непримиримой борьбы с протестантами. Потеряв терпение, Генрих III приказал верным ему дворянам убить Генриха Гиза. 23 декабря 45 гвардейцев, отобранных королевским миньоном герцогом д'Эперноном, убили герцога Гиза в замке Блуа. На следующий день был казнен кардинал Гиз. Наиболее активные лигеры из числа депутатов Генеральных штатов подверглись аресту, а сами Штаты 15 января 1589 г. были распущены. За два дня до этого умерла Екатерина Медичи.

Весть об убийстве вождей Лиги вызвала в Париже антироялистское восстание. Власть перешла в руки «Совета сорока», состоявшего из представителей всех трех сословий. Совет провозгласил герцога Майенского наместником королевства. Это восстание поддержали и многие другие города, где также были сильны позиции Лиги.

Армия герцога Майенского повела успешное наступление против войск короля, и тому не оставалось ничего другого, как заключить союз с Генрихом Наваррским. 14 апреля 1589 г. такое соглашение было подписано, и армии двух Генрихов двинулись к Парижу. Когда они уже приближались к столице, 1 августа в Сен-Клу фанатично настроенный монах Жак Клеман нанес кинжалом смертельную рану Генриху III. Умирая, тот признал Генриха Наваррского своим наследником и просил его принять католичество. На другой день король скончался. С его смертью прервалась династия Валуа.

Глава 4

Генрих IV и замирение Франции

Завершение Религиозных войн

После смерти Генриха III новым королем, согласно салическому праву, по которому во Франции происходило престолонаследие, должен был стать ближайший родственник покойного монарха по мужской линии - Генрих Бурбон, король Наварры. Умелый полководец и правитель, тонкий дипломат, Генрих IV, тем не менее, имел один большой «недостаток» - был протестантом. И этот «недостаток», в глазах французских католиков, составлявших большинство населения страны, перевешивал все достоинства нового монарха. Вот почему в областях, находившихся под контролем Католической лиги, а таковые составляли почти 5/6 территории Франции, Генриха IV королем не признали. Свое королевство ему еще только предстояло завоевать.

Хотя в последние месяцы жизни Генриха III Генрих Наваррский был его союзником, окружение покойного монарха достаточно настороженно отнеслось к преемнику. Некоторые заняли выжидательную позицию, как, например, покинувший двор герцог д'Эпернон, другие попытались договориться с новым королем. По итогам этих переговоров, Генрих IV подписал в Сен-Клу 4 августа 1589 г. Декларацию, в которой обещал уважать католическую веру и ничего не менять в религиозном устройстве Франции. Через шесть месяцев предполагалось созвать Генеральные штаты.

Не обладая достаточными силами для немедленного наступления на столицу, Генрих IV повел армию в Нормандию, чтобы обеспечить коммуникации с Англией, откуда гугеноты получали финансовую и военную помощь. Туда же во главе армии Лиги направился и герцог Майенский. В сентябре 1589 г. Генрих IV в нескольких боях разбил его под Арком. Окрыленный победой он попытался было захватить и Париж, но был выбит из пригородов столицы герцогом Майенским и отступил в долину Луары.

Получив подкрепление из Испании, лигеры весной 1590 г. снова предприняли наступление в Нормандии. Впрочем, уже 14 марта Генрих IV разгромил испанскую кавалерию при Иври, после чего опять двинулся на Париж и в мае осадил столицу. Вскоре в городе начался голод, вспыхнули

болезни, однако фанатично настроенное население, чье религиозное рвение усердно подогревалось монахами-проповедниками, стойко переносило лишения. Тех, кто осмеливался подать голос в пользу примирения, казнили. На помощь осажденным пришли испанские войска. После смерти в мае 1590 г. кардинала Бурбона, католического претендента на корону, король Испании Филипп II решил возвести на французский престол свою дочь от брака с Елизаветой Валуа (дочерью Генриха II) и, дабы поддержать ее права, направил во Францию армию. В сентябре 1590 г. испанцы прорвали блокаду Парижа и вынудили Генриха IV снять осаду.

Из-за прямого вмешательства испанцев, все попытки Генриха IV в 1591 г. добиться решающего перевеса над Лигой не увенчались успехом. Тем не менее, в лагере ее сторонников наметились серьезные противоречия. Ведущая роль в органах городского управления Парижа принадлежала наиболее непримиримо настроенным лигерам, опиравшимся на охваченный фанатизмом плебс. Они с недоверием относились к зажиточным буржуа и, в частности, к судейской аристократии, подозревая их в готовности к компромиссу с королем-гугенотом. В ноябре 1591 г. по такому подозрению фанатики без суда повесили президента и двух советников парламента. Этот акт террора испугал городскую элиту, которую все больше тяготило возросшее политическое влияние «низов». В ее рядах усилились настроения в пользу скорейшего прекращения гражданской уособицы и восстановления сильной центральной власти, способной держать плебс в повиновении. Однако принять короля-иноверца не могли даже умеренные лигеры.

Зная о подобных настроениях в лагере Лиги, католические сторонники Генриха IV все настойчивее требовали от него перехода в католицизм. Весной 1592 г., когда их недовольство достигло угрожающих размеров, король обещал им получить наставление в католической вере. Этим шагом он не только удержал их на своей стороне, но и приобрел новых соратников, таких, как герцог д'Эпернон. Кампания 1592 г. оказалась для короля весьма успешной. Его полководцы Ледигьер, д'Эпернон и герцог Генрих Буйонский одержали победы над союзниками Испании и Лиги – герцогами Савойским и Лотарингским. Армия самого Генриха IV вышла на подступы к Парижу.

В январе 1593 г. в Париже собрались Генеральные штаты, на которых были представлены в основном сторонники Лиги. Депутаты намеревались

избрать нового короля, но не имели единого мнения относительно его кандидатуры. Герцог Майенский предложил в качестве будущего монарха себя или своего сына. Духовенство высказалось в пользу испанского короля Филиппа II. Парижский парламент, напротив, заявил, что корону Франции должен получить потомок Людовика Святого, француз и католик. Сами же испанцы всеми силами старались добиться избрания на престол дочери Филиппа II. Чтобы повлиять на исход выборов, испанский посол щедро осыпал депутатов золотом, а испанская армия вошла в Париж. Однако столь явное давление вызвало у Генеральных штатов негативную реакцию. Они благосклонно восприняли мирные предложения, сделанные им Генрихом IV, и вступили с ним в переговоры, завершившиеся заключением перемирия.

Придя после долгих колебаний к убеждению, что «Париж стоит мессы», Генрих IV объявил 16 мая о своем предстоящем переходе в католичество. Торжественная церемония перемены им веры состоялась 25 июля в Сен-Дени. Когда весть об этом разошлась по стране, многие города отпали от Лиги и признали власть короля. 27 февраля 1594 г. Генрих IV короновался в Шартре, а 22 марта приветствуемый толпами народа вступил в Париж.

Тем не менее, война продолжалась. 5 июня 1595 г. французский король одержал победу над испанцами при Фонтэн-Франсез, весть о которой вызвала в стране бурный всплеск патриотизма. В сентябре римский папа признал права Генриха IV на французскую корону. В ноябре сложил оружие герцог Майенский, а вслед за ним – и другие руководители Лиги, получившие за это от короля весьма круглые суммы. Испанцам, правда, еще удалось добиться некоторого успеха в 1596 г., заняв Кале, но уже год спустя Генрих IV разбил их под Амьеном. 2 мая 1598 г. в Вервене был подписан мир, по которому Филипп II отказался от всех завоеваний, сделанных им во Франции за время последней религиозной войны. В том же году Генрих IV, подчинив Бретань, погасил последний очаг гражданской смуты.

Религиозные войны закончились.

Политика гражданского примирения

Установление прочного мира было невозможно без компромиссного решения межконфессионального конфликта. Таким компромиссом стал

Нантский эдикт, изданный королем 13 апреля 1598 г. после достижения соответствующей договоренности с представителями «гугенотской конфедерации». Признавая католицизм государственной религией, Нантский эдикт, в то же время, разрешал протестантам свободное отправление их культа повсюду, где это открыто делалось к августу 1597 г., а также во владениях крупных сеньоров, если на то будет их воля. На остальной же территории кальвинистские богослужения допускались лишь в строго определенных местах, а в Париже, при дворе и в армии не разрешались вовсе. Протестанты получили равные с католиками права на занятие государственных должностей. Секретные статьи эдикта предусматривали предоставление гугенотам на 8 лет 144 крепостей, где они могли за счет государственной казны держать свои гарнизоны. Государство также брало на себя выплату жалования протестантским проповедникам и преподавателям коллежей. Нантский эдикт вызвал недовольство римского папы и радикально настроенных католиков внутри Франции, но Генрих IV давлению не уступил и лично добился регистрации закона парламентом.

Состав новой свиты короля также олицетворял собой политику компромисса. Генрих IV приблизил ко двору своих прежних врагов, сделав Главным камергером герцога Майенского, а герцога Гиза (сына Меченого) – адмиралом. Правда, это были скорее почетные должности. На ключевые же посты в правительстве король поставил старых соратников. Герцога Сюлли, командовавшего в его армии артиллерией, он назначил сюринтедантом финансов, а Монморанси-Данвиля – коннетаблем. Впрочем, Генрих IV использовал также в правительстве и способных администраторов из числа своих бывших противников. Вильруа, некогда приближенный Екатерины Медичи, стал государственным секретарем по иностранным делам, а бывший лигер Жаннен – интендантом финансов.

Финансовая и экономическая политика

Одной из сложнейших проблем, с которой столкнулось правительство Генриха IV, была проблема огромного дефицита бюджета. Продолжительные военные расходы, а затем щедрые выплаты вождям Лиги в обмен на замирение, привели государственные финансы в катастрофическое состояние. В 1596 г.

государственный долг составлял 200 млн. ливров, при годовых доходах в 10 млн. и расходах в 16 млн.

Сюлли, руководивший финансовой политикой, предпринял энергичные и решительные меры по наполнению казны и экономии средств. Поставив зарубежных кредиторов перед угрозой государственного банкротства Франции, он добился от них списания большей части ее внешнего долга. Внутренние ренты также подверглись пересмотру.

Не имея в казне средств на выкуп находившихся под залогом земель королевского домена, Сюлли заключил соглашение с финансистами о том, что они за свой счет осуществят эту операцию, будут пользоваться в течение 16 лет выкупленным имуществом, а затем передадут его государству. При этом деятельность самих финансистов была поставлена под строгий контроль. В 1601-1602 и 1605-1607 гг. специально созданные палаты правосудия расследовали их злоупотребления, накладывая на провинившихся большие штрафы. Одного из финансистов за махинации даже повесили.

Сюлли упорядочил взимание талли, обеспечив ее более равномерное распределение среди податного населения. Общий размер прямых налогов был существенно сокращен, а разница компенсирована за счет увеличения косвенных налогов. Важным источником пополнения казны стала введенная в 1604 г. полетта – ежегодно вносимая плата оффисье за право передавать свою должность по наследству. Совокупность мер, предпринятых сюринтендантом финансов, обеспечила регулярное пополнение казны и положительное сальдо бюджета. В 1610 г. в казначействе находилось 11,5 млн. ливров. Кроме того, существовал еще особый фонд в размере 5 млн., хранившийся в Бастилии.

Прекращение войн, установление стабильного порядка и снижение налогового бремени способствовали быстрому экономическому возрождению Франции. Хотя на правление Генриха IV пришлось несколько суровых зим, страна при нем не знала ни голода, ни эпидемий. Сам король еще в 1600 г. заявил: «Если Бог даст мне еще пожить, я сделаю так, что не будет крестьянина, который не мог бы иметь курицу в своем горшке». Причем, забота монарха о земледельцах проявлялась не только на словах, но и на деле. Так, одним из эдиктов короля войскам было запрещено передвигаться по крестьянским полям, вытаптывая посевы.

Сюлли, любивший повторять, что «земледелие и скотоводство это два сосца, питающие Францию, настоящие рудники Перу», активно содействовал улучшениям в области агрикультуры и торговли. В частности, при поддержке государства в это время широко культивировалось разведение шелковичных червей и производство шелка. Для сокращения торговых путей прокладывались судоходные каналы.

Прямым следствием экономического подъема стал бурный рост населения Франции в начале XVII в.

Внешняя политика Генриха IV

Хотя Вервенский мир положил конец войне между Испанией и Францией, соперничество двух держав продолжалось в иных, более завуалированных формах. Борьба с попытками австрийских и, особенно, испанских Габсбургов установить свою гегемонию в Европе, была лейтмотивом внешней политики Франции на протяжении всего царствования Генриха IV.

Традиционным театром франко-испанского соперничества оставалась Италия. В 1599 г. брак Генриха IV с Марией Медичи, племянницей герцога Тосканы, укрепил французское влияние на Апеннинах. В 1600 г. небольшая победоносная война с Савойей позволила Франции присоединить к себе стратегически важные территории и перерезать кратчайший путь между испанскими владениями в Северной Италии и Нидерландах.

В 1602 г. Генрих IV оказал помощь кальвинистской Женеве, подвергшейся нападению савойского герцога. В Германии французский король поддерживал дружеские отношения с протестантскими князьями, объединенными с 1608 г. в Евангелическую лигу, а в Нидерландах тайно субсидировал повстанцев, сражавшихся против испанцев. В свою очередь, испанский король поддерживал во Франции заговорщиков, конспирировавших против Генриха IV. В 1602 г. один из таких заговоров был разоблачен, а руководивший им маршал Бирон, губернатор Бургундии, обезглавлен.

В 1610 г. французский король принял решение вмешаться на стороне протестантских князей в конфликт между императором и Евангелической лигой. Три французские армии уже были готовы начать вторжение в Нидерланды, Северную Италию и Испанскую Наварру. Однако накануне

отъезда в армию, 14 мая 1610 г. Генрих IV был убит католическим фанатиком Равальяком.

Глава 5

Генрих IV и замирение Франции

Завершение Религиозных войн

После смерти Генриха III новым королем, согласно салическому праву, по которому во Франции происходило престолонаследие, должен был стать ближайший родственник покойного монарха по мужской линии - Генрих Бурбон, король Наварры. Умелый полководец и правитель, тонкий дипломат, Генрих IV, тем не менее, имел один большой «недостаток» - был протестантом. И этот «недостаток», в глазах французских католиков, составлявших большинство населения страны, перевешивал все достоинства нового монарха. Вот почему в областях, находившихся под контролем Католической лиги, а таковые составляли почти 5/6 территории Франции, Генриха IV королем не признали. Свое королевство ему еще только предстояло завоевать.

Хотя в последние месяцы жизни Генриха III Генрих Наваррский был его союзником, окружение покойного монарха достаточно настороженно отнеслось к преемнику. Некоторые заняли выжидательную позицию, как, например, покинувший двор герцог д'Эпернон, другие попытались договориться с новым королем. По итогам этих переговоров, Генрих IV подписал в Сен-Клу 4 августа 1589 г. Декларацию, в которой обещал уважать католическую веру и ничего не менять в религиозном устройстве Франции. Через шесть месяцев предполагалось созвать Генеральные штаты.

Не обладая достаточными силами для немедленного наступления на столицу, Генрих IV повел армию в Нормандию, чтобы обеспечить коммуникации с Англией, откуда гугеноты получали финансовую и военную помощь. Туда же во главе армии Лиги направился и герцог Майенский. В сентябре 1589 г. Генрих IV в нескольких боях разбил его под Арком. Окрыленный победой он попытался было захватить и Париж, но был выбит из пригородов столицы герцогом Майенским и отступил в долину Луары.

Получив подкрепление из Испании, лигеры весной 1590 г. снова предприняли наступление в Нормандии. Впрочем, уже 14 марта Генрих IV разгромил испанскую кавалерию при Иври, после чего опять двинулся на Париж и в мае осадил столицу. Вскоре в городе начался голод, вспыхнули

болезни, однако фанатично настроенное население, чье религиозное рвение усердно подогревалось монахами-проповедниками, стойко переносило лишения. Тех, кто осмеливался подать голос в пользу примирения, казнили. На помощь осажденным пришли испанские войска. После смерти в мае 1590 г. кардинала Бурбона, католического претендента на корону, король Испании Филипп II решил возвести на французский престол свою дочь от брака с Елизаветой Валуа (дочерью Генриха II) и, дабы поддержать ее права, направил во Францию армию. В сентябре 1590 г. испанцы прорвали блокаду Парижа и вынудили Генриха IV снять осаду.

Из-за прямого вмешательства испанцев, все попытки Генриха IV в 1591 г. добиться решающего перевеса над Лигой не увенчались успехом. Тем не менее, в лагере ее сторонников наметились серьезные противоречия. Ведущая роль в органах городского управления Парижа принадлежала наиболее непримиримо настроенным лигерам, опиравшимся на охваченный фанатизмом плебс. Они с недоверием относились к зажиточным буржуа и, в частности, к судейской аристократии, подозревая их в готовности к компромиссу с королем-гугенотом. В ноябре 1591 г. по такому подозрению фанатики без суда повесили президента и двух советников парламента. Этот акт террора испугал городскую элиту, которую все больше тяготило возросшее политическое влияние «низов». В ее рядах усилились настроения в пользу скорейшего прекращения гражданской уособицы и восстановления сильной центральной власти, способной держать плебс в повиновении. Однако принять короля-иноверца не могли даже умеренные лигеры.

Зная о подобных настроениях в лагере Лиги, католические сторонники Генриха IV все настойчивее требовали от него перехода в католицизм. Весной 1592 г., когда их недовольство достигло угрожающих размеров, король обещал им получить наставление в католической вере. Этим шагом он не только удержал их на своей стороне, но и приобрел новых соратников, таких, как герцог д'Эпернон. Кампания 1592 г. оказалась для короля весьма успешной. Его полководцы Ледигьер, д'Эпернон и герцог Генрих Буйонский одержали победы над союзниками Испании и Лиги – герцогами Савойским и Лотарингским. Армия самого Генриха IV вышла на подступы к Парижу.

В январе 1593 г. в Париже собрались Генеральные штаты, на которых были представлены в основном сторонники Лиги. Депутаты намеревались

избрать нового короля, но не имели единого мнения относительно его кандидатуры. Герцог Майенский предложил в качестве будущего монарха себя или своего сына. Духовенство высказалось в пользу испанского короля Филиппа II. Парижский парламент, напротив, заявил, что корону Франции должен получить потомок Людовика Святого, француз и католик. Сами же испанцы всеми силами старались добиться избрания на престол дочери Филиппа II. Чтобы повлиять на исход выборов, испанский посол щедро осыпал депутатов золотом, а испанская армия вошла в Париж. Однако столь явное давление вызвало у Генеральных штатов негативную реакцию. Они благосклонно восприняли мирные предложения, сделанные им Генрихом IV, и вступили с ним в переговоры, завершившиеся заключением перемирия.

Придя после долгих колебаний к убеждению, что «Париж стоит мессы», Генрих IV объявил 16 мая о своем предстоящем переходе в католичество. Торжественная церемония перемены им веры состоялась 25 июля в Сен-Дени. Когда весть об этом разошлась по стране, многие города отпали от Лиги и признали власть короля. 27 февраля 1594 г. Генрих IV короновался в Шартре, а 22 марта приветствуемый толпами народа вступил в Париж.

Тем не менее, война продолжалась. 5 июня 1595 г. французский король одержал победу над испанцами при Фонтэн-Франсез, весть о которой вызвала в стране бурный всплеск патриотизма. В сентябре римский папа признал права Генриха IV на французскую корону. В ноябре сложил оружие герцог Майенский, а вслед за ним – и другие руководители Лиги, получившие за это от короля весьма круглые суммы. Испанцам, правда, еще удалось добиться некоторого успеха в 1596 г., заняв Кале, но уже год спустя Генрих IV разбил их под Амьеном. 2 мая 1598 г. в Вервене был подписан мир, по которому Филипп II отказался от всех завоеваний, сделанных им во Франции за время последней религиозной войны. В том же году Генрих IV, подчинив Бретань, погасил последний очаг гражданской смуты.

Религиозные войны закончились.

Политика гражданского примирения

Установление прочного мира было невозможно без компромиссного решения межконфессионального конфликта. Таким компромиссом стал

Нантский эдикт, изданный королем 13 апреля 1598 г. после достижения соответствующей договоренности с представителями «гугенотской конфедерации». Признавая католицизм государственной религией, Нантский эдикт, в то же время, разрешал протестантам свободное отправление их культа повсюду, где это открыто делалось к августу 1597 г., а также во владениях крупных сеньоров, если на то будет их воля. На остальной же территории кальвинистские богослужения допускались лишь в строго определенных местах, а в Париже, при дворе и в армии не разрешались вовсе. Протестанты получили равные с католиками права на занятие государственных должностей. Секретные статьи эдикта предусматривали предоставление гугенотам на 8 лет 144 крепостей, где они могли за счет государственной казны держать свои гарнизоны. Государство также брало на себя выплату жалования протестантским проповедникам и преподавателям коллежей. Нантский эдикт вызвал недовольство римского папы и радикально настроенных католиков внутри Франции, но Генрих IV давлению не уступил и лично добился регистрации закона парламентом.

Состав новой свиты короля также олицетворял собой политику компромисса. Генрих IV приблизил ко двору своих прежних врагов, сделав Главным камергером герцога Майенского, а герцога Гиза (сына Меченого) – адмиралом. Правда, это были скорее почетные должности. На ключевые же посты в правительстве король поставил старых соратников. Герцога Сюлли, командовавшего в его армии артиллерией, он назначил сюринтедантом финансов, а Монморанси-Данвиля – коннетаблем. Впрочем, Генрих IV использовал также в правительстве и способных администраторов из числа своих бывших противников. Вильруа, некогда приближенный Екатерины Медичи, стал государственным секретарем по иностранным делам, а бывший лигер Жаннен – интендантом финансов.

Финансовая и экономическая политика

Одной из сложнейших проблем, с которой столкнулось правительство Генриха IV, была проблема огромного дефицита бюджета. Продолжительные военные расходы, а затем щедрые выплаты вождям Лиги в обмен на замирение, привели государственные финансы в катастрофическое состояние. В 1596 г.

государственный долг составлял 200 млн. ливров, при годовых доходах в 10 млн. и расходах в 16 млн.

Сюлли, руководивший финансовой политикой, предпринял энергичные и решительные меры по наполнению казны и экономии средств. Поставив зарубежных кредиторов перед угрозой государственного банкротства Франции, он добился от них списания большей части ее внешнего долга. Внутренние ренты также подверглись пересмотру.

Не имея в казне средств на выкуп находившихся под залогом земель королевского домена, Сюлли заключил соглашение с финансистами о том, что они за свой счет осуществят эту операцию, будут пользоваться в течение 16 лет выкупленным имуществом, а затем передадут его государству. При этом деятельность самих финансистов была поставлена под строгий контроль. В 1601-1602 и 1605-1607 гг. специально созданные палаты правосудия расследовали их злоупотребления, накладывая на провинившихся большие штрафы. Одного из финансистов за махинации даже повесили.

Сюлли упорядочил взимание талы, обеспечив ее более равномерное распределение среди податного населения. Общий размер прямых налогов был существенно сокращен, а разница компенсирована за счет увеличения косвенных налогов. Важным источником пополнения казны стала введенная в 1604 г. полетта – ежегодно вносимая плата оффисье за право передавать свою должность по наследству. Совокупность мер, предпринятых сюринтендантом финансов, обеспечила регулярное пополнение казны и положительное сальдо бюджета. В 1610 г. в казначействе находилось 11,5 млн. ливров. Кроме того, существовал еще особый фонд в размере 5 млн., хранившийся в Бастилии.

Прекращение войн, установление стабильного порядка и снижение налогового бремени способствовали быстрому экономическому возрождению Франции. Хотя на правление Генриха IV пришлось несколько суровых зим, страна при нем не знала ни голода, ни эпидемий. Сам король еще в 1600 г. заявил: «Если Бог даст мне еще пожить, я сделаю так, что не будет крестьянина, который не мог бы иметь курицу в своем горшке». Причем, забота монарха о земледельцах проявлялась не только на словах, но и на деле. Так, одним из эдиктов короля войскам было запрещено передвигаться по крестьянским полям, вытаптывая посевы.

Сюлли, любивший повторять, что «земледелие и скотоводство это два сосца, питающие Францию, настоящие рудники Перу», активно содействовал улучшениям в области агрикультуры и торговли. В частности, при поддержке государства в это время широко культивировалось разведение шелковичных червей и производство шелка. Для сокращения торговых путей прокладывались судоходные каналы.

Прямым следствием экономического подъема стал бурный рост населения Франции в начале XVII в.

Внешняя политика Генриха IV

Хотя Вервенский мир положил конец войне между Испанией и Францией, соперничество двух держав продолжалось в иных, более завуалированных формах. Борьба с попытками австрийских и, особенно, испанских Габсбургов установить свою гегемонию в Европе, была лейтмотивом внешней политики Франции на протяжении всего царствования Генриха IV.

Традиционным театром франко-испанского соперничества оставалась Италия. В 1599 г. брак Генриха IV с Марией Медичи, племянницей герцога Тосканы, укрепил французское влияние на Апеннинах. В 1600 г. небольшая победоносная война с Савойей позволила Франции присоединить к себе стратегически важные территории и перерезать кратчайший путь между испанскими владениями в Северной Италии и Нидерландах.

В 1602 г. Генрих IV оказал помощь кальвинистской Женеве, подвергшейся нападению савойского герцога. В Германии французский король поддерживал дружеские отношения с протестантскими князьями, объединенными с 1608 г. в Евангелическую лигу, а в Нидерландах тайно субсидировал повстанцев, сражавшихся против испанцев. В свою очередь, испанский король поддерживал во Франции заговорщиков, конспирировавших против Генриха IV. В 1602 г. один из таких заговоров был разоблачен, а руководивший им маршал Бирон, губернатор Бургундии, обезглавлен.

В 1610 г. французский король принял решение вмешаться на стороне протестантских князей в конфликт между императором и Евангелической лигой. Три французские армии уже были готовы начать вторжение в Нидерланды, Северную Италию и Испанскую Наварру. Однако накануне

отъезда в армию, 14 мая 1610 г. Генрих IV был убит католическим фанатиком Равальяком.

Глава 5

Кризис власти в начале царствования Людовика XIII

Регенство Марии Медичи

За годы своего правления Генрих IV сумел привести страну к гражданскому миру и добиться консолидации политической элиты вокруг трона. Однако достигнутая стабильность была достаточно хрупкой, ибо во многом покоилась на личном авторитете монарха. Его неожиданная смерть ввергла Францию в затяжной политический кризис, активизировав те центробежные силы, которые Генриху IV в свое время удалось подавить, но не устранить. Аристократические кланы еще имели достаточно возможностей – многочисленные клиентелы, обширные земельные владения и влияние в провинциях – для возобновления борьбы за власть в случае ослабления центрального правительства. Да и гугеноты, сохранившие в соответствии с секретными статьями Нантского эдикта вооруженные силы и крепости, по-прежнему представляли собою «государство в государстве». Они признавали авторитет своего бывшего вождя Генриха Наваррского, ставшего королем Франции, но из этого отнюдь не следовало, что они проявят такую же покорность по отношению к его преемнику.

Преемником же Генриха IV стал его сын – Людовик XIII, которому тогда шел всего лишь девятый год. Готовясь отправиться на войну, Генрих за день до смерти, 13 мая 1710 г., объявил на время своего отсутствия регентшей королеву Марию Медичи. И уже на следующий день после убийства короля, 15 мая, его министры – канцлер Силлери, генеральный контролер финансов Жаннен и государственный секретарь по иностранным делам Вильруа – при поддержке герцога д'Эпернона, командующего пехотой, провели через Парижский парламент решение о регентстве Марии Медичи. Ей предстояло исполнять эти обязанности до совершеннолетия сына, каковое наступало в 13 лет. Сторонники королевы так спешили, что, вопреки традиции, вопрос о регентстве был решен еще до похорон покойного монарха.

Вставшая во главе Франции 37-летняя Мария Медичи ранее не разделяла государственных забот супруга и не имела политического опыта. Недалекая и капризная, жадная до удовольствий, она рассматривала казну как собственное

достояние и беззастенчиво расходовала в личных целях. Истовая католичка, она ненавидела протестантов, искренне симпатизируя контрреформации. В ближайшее окружение королевы входили папский нунций и посол Испании. Однако, опасаясь потерять власть и связанные с нею преимущества, Мария Медичи избегала рискованных шагов, способных вызвать далеко идущие, а потому непредсказуемые последствия. Отсутствие стратегической дальновидности отчасти компенсировалось у нее тонкой интуицией, которая позволяла ей нередко принимать оптимальные решения по тактическим вопросам.

Одним из таких удачных тактических ходов стало сближение с Испанией, позволившее предотвратить большую войну, которая при отсутствии сильного монарха и единства в обществе могла бы оказаться для Франции роковой. В 1611 г. испано-французский договор в Фонтенбло разрешил спорные проблемы, едва не ставшие причиной военного конфликта. В начале 1612 г. было объявлено о предстоящих браках Людовика XIII с инфантой Анной Австрийской и его сестры Елизаветы с наследником испанского престола.

Сумела Мария Медичи избежать и конфронтации с гугенотами. Хотя в 1611 г. протестант Сюлли был отправлен в отставку с поста сюринтенданта, в целом гугенотская партия сохранила привилегии, дарованные ей Нантским эдиктом.

Главная опасность королевской власти исходила от вновь поднявшей голову аристократической оппозиции. Принц крови Генрих II Конде, герцоги Буйонский, Неверский, Лонгвиль, побочные сыновья Генриха IV Цезарь и Александр герцоги Вандомские, а также другие аристократические гранды, предъявляли претензии на участие в государственном управлении. Как отмечал современник, «каждый хотел быть приобщенным к самым секретным и важным государственным делам, хотел распоряжаться в управлении, располагать должностями, назначениями, званиями и заведовать финансами». Первое время Марии Медичи удавалось откупаться от этих притязаний. Миллионы, скопленные Сюлли в подвалах Бастилии для будущей войны, пошли на подарки и пенсии лидерам оппозиции. Но к власти грандов не допускали. Политику правительства определяли старые министры Генриха IV, а также – фаворит королевы флорентиец Кончино Кончини, носивший с 1613 г. титул маршала д'Анкара, и его жена Леонора Галигаи.

Когда государственная казна оскудела и поток жалований иссяк, гранды покинули Париж и в феврале 1614 г. подняли мятеж в провинциях. Возглавивший их принц Конде издал манифест, потребовав созвать Генеральные штаты и отложить испанские браки. После продолжительных дипломатических и военных маневров в мае было заключено мирное соглашение в Сент-Мену, по которому королева обязалась созвать Генеральные штаты и уступила грандам ряд крепостей.

Однако правительству удалось оттянуть созыв Штатов до совершеннолетия короля, чтобы не допустить обсуждения на них вопроса о регентстве. 2 октября Людовик XIII на заседании Парижского парламента официально вступил в должность и тут же объявил о назначении своей матери главой Королевского совета. Регентство закончилось. Фактическое правление Марии Медичи продолжалось.

Генеральные штаты 1614-1615 гг.

На состоявшихся летом 1614 г. выборах депутатов Генеральных штатов развернулась острая борьба между «королевской партией» и «партией Конде». Правительству удалось взять избирательную кампанию под свой контроль и не допустить избрания прямых ставленников грандов. Вместе с тем, представители каждого из трех сословий имели и собственные, весьма серьезные претензии к центральной власти и готовились предъявить их в ходе работы Штатов. Правительству надо было максимально ослабить это недовольство и не позволить, чтобы им воспользовалась аристократическая оппозиция для расширения своей опоры в обществе. Впрочем, эта задача существенно облегчалась тем, что разные сословия часто выдвигали прямо противоположные требования.

Генеральные штаты открылись 27 октября. Формально их функция заключалась в подготовке и представлении королю от каждого из трех сословий сводных наказов, составленных на основе соответствующих наказов провинций. По ходу работы депутаты внимательно следили за действиями других палат и в случае необходимости активно реагировали, пытаясь нейтрализовать их враждебные поползновения. Реакция эта проявлялась в обращениях к королю и в памфлетных выступлениях.

Первое сословие, представленное верхушкой церковной иерархии, рекомендовало правительству для возрождения былого могущества церкви принять постановления Тридентского собора. Это, помимо активизации борьбы с протестантизмом, привело бы к усилению влияния папского престола на внутренние дела Франции. Напротив, депутаты третьего сословия, преимущественно оффисье, выступив в духе воинствующего галликанства, заявили о полной независимости французского короля от любой власти, в том числе духовной. Дебаты между первым и третьим сословием по этому пункту достигли такой остроты, что королю пришлось положить конец дискуссии, взяв вопрос на рассмотрение в своем Совете. В конечном счете, правительство не поддержало ни одну из взаимоисключающих друг друга точек зрения.

Наибольшие противоречия возникли между вторым и третьим сословиями. Депутаты второго сословия, представленные в основном провинциальным родовым дворянством, предложили ряд мер, направленных на прекращение практики приобретения дворянского звания через покупку земли или должности. Более того, запрет на продажу должностей и отмена полетты стали их главным требованием. Дворяне также добивались для себя новых привилегий.

Напротив, депутаты третьего сословия заявили о недопустимости предоставления дворянству новых прав и осудили бесчинства аристократической вольницы в ходе ее недавнего конфликта с правительством. Дабы ограничить возможности дворян сопротивляться власти, было предложено разрушить внутри страны принадлежавшие им замки и крепости. Не решаясь открыто отстаивать сохранение полетты, оффисье добивались увязывания этой меры со снижением налогов и с сокращением пенсий дворянству.

Взаимоисключающие требования второго и третьего сословий стали причиной острого конфликта между ними. С большим трудом духовенству удалось примирить противоборствующие стороны. Правительство же попыталось учесть мнение обоих и одновременно с отменой полетты сократило пенсии на 25%. Остальные требования наказов король обещал рассмотреть позднее.

23 февраля 1615 г. состоялось последнее заседание Генеральных штатов. Аристократической оппозиции так и не удалось использовать их в своих целях.

Однако последствия принятых в ходе их работы решений оказались для правительства негативными. Отмена полетты вызвала бурное возмущение парламентов и верховных судов. Отстаивая право распоряжаться своими должностями как собственностью, судейские пошли на сближение с «партией Конде». Парижский парламент выступил с ремонстрацией, потребовав ввести принцев в Королевский совет. Стремясь воспрепятствовать подобному союзу, правительство отменило прежнее решение и продлило срок действия полетты до 1618 г. Слабость власти стала очевидной для всех.

Гражданские войны 1615-1624 гг.

Летом 1615 г. принц Конде, герцоги Буйонский и Лонгвиль вместе со своими сторонниками подняли новый мятеж. Они осудили происпанскую внешнюю политику министров, потребовали их отставки, особенно Кончини, и включения принцев в состав Королевского совета. Многие родовитые дворяне, недовольные восстановлением полетты, примкнули к армии мятежников, обеспечив ей перевес в кавалерии.

Королевские войска, состоявшие в основном из пехоты, не только уступали противнику в маневренности, но и вынуждены были разделить свои силы. Основная их часть преследовала Конде, тщетно пытаясь навязать ему сражение. Остальные сопровождали двор и правительство в их поездке в Бордо, где должен был состояться обмен принцессами с испанской стороной. Несмотря на вспыхнувшую гражданскую войну, далее откладывать испанские браки было невозможно.

Конные отряды Конде, успешно уклоняясь от генерального сражения, совершили стремительный марш из Пикардии в Пуату, сумев по пути практически без потерь форсировать крупнейшие реки Франции. С продвижением Конде на юг его поддерживали гугенотские гранды Сюлли и герцог Роган. Но хотя мятежники и приблизились к Бордо на расстояние 30 лье, сорвать обмен принцессами им не удалось. 25 ноября брак Людовика XIII с Анной Австрийской состоялся.

Впрочем, для ведения затяжной войны у правительства не было ни войск, ни денег. Тем более что к мятежникам примкнул губернатор Бретани герцог Цезарь Вандомский, после чего их силы удвоились. В январе 1616 г. начались

мирные переговоры, завершившиеся в мае подписанием Луденского договора, согласно которому Конде вставал во главе Королевского совета. Кроме того, принц и его союзники получили большие территориальные и денежные пожалования.

Судьба старых министров Генриха IV – Силлери, Жаннена и Вильруа, чьей отставки давно добивался Конде, была решена. Им пришлось покинуть правительство. Однако на освободившиеся места верных себе людей провел маршал д'Анкр. Одним из них был Ришелье, в то время – епископ Люсонский.

1 сентября 1616 г. гвардейцы королевы арестовали Конде и препроводили в Венсенский замок. Прочие гранды бежали в Суассон и начали готовиться к войне. Ришелье, занимавший с ноября пост государственного секретаря по иностранным и военным делам, за короткий срок сумел собрать и вооружить три армии, которые зимой-весной 1617 г. повели успешное наступление на мятежников.

Однако конец войне был положен не событиями на поле боя, а государственным переворотом в Париже. В окружении Людовика XIII, фактически отстраненного от власти королевой-матерью и маршалом д'Анком, созрел заговор под руководством фаворита короля Люиня. 24 апреля королевские мушкетеры убили д'Анка. Его жену арестовали, позднее осудили как ведьму и сожгли. Мария Медичи была сослана в Блуа. Верные ей министры, в т.ч. Ришелье, отправлены в отставку, а на их место возвращены Силлери, Жаннен и Вильруа. Мятежные принцы, которые больше не могли оправдывать свои действия борьбой против непопулярного иностранца-«узурпатора», сложили оружие и выразили покорность.

Усобица привела финансы королевства в плачевное состояние. Для их восстановления правительству пришлось пойти на меры, затрагивающие интересы элит. Пытаясь разделить ответственность за непопулярные шаги, оно созвало в декабре 1618 г. собрание нотаблей и представило ему свою программу действий. Нотабли, больше чем наполовину представленные судейскими, одобрили сокращение пенсий дворянству на 50%, но не поддержали вновь объявленную отмену полетты. В результате, недовольными остались и дворяне, и оффисье.

В начале 1619 г. Мария Медичи бежала в Ангулем, где вместе с герцогом д'Эперноном подняла антиправительственный мятеж, поддержанный герцогом

Буйонским и некоторыми другими грандами. Не получив, однако, помощи от гугенотов, на которую рассчитывали, мятежники пошли на мировую. Ришелье, представлявший интересы королевы на переговорах с правительством, добился предоставления ей губернаторства Анжу и возмещения военных расходов. Подписанный в Ангулеме мирный договор показал слабость власти и воодушевил аристократическую оппозицию. К тому же правительство, возглавлявшееся Люинем, за два года своего существования лишилось той поддержки в обществе, которую получило после свержения д'Анкара. Люинь, присвоивший себе собственность и часть титулов предшественника, вскоре стал столь же непопулярен, как и он, в среде дворянства. Поэтому едва ли не сразу после заключения мира гранды принялись готовить новое выступление. Их не останавливало даже то, что король приказал освободить и ввести в свой Совет принца Конде.

В мае 1620 г. аристократическая оппозиция с Марией Медичи во главе подняла новый мятеж. В нем приняли участие юный принц крови граф Суассон (кузен Конде), оба герцога Вандомских, герцоги д'Эпернон, Лонгвиль, а также Роган со всеми гугенотскими грандами. Ришелье руководил Советом королевы. Движение охватило Нормандию, Пикардию, Лангедок, Гиень, Ангумуа, центр его находился в Анжу. На помощь правительству пришли города. Уставшие от междоусобиц горожане изгоняли гарнизоны принцев, не дожидаясь подхода королевских войск. Поддержка правительства со стороны оффисье была обеспечена восстановлением полетты. Генеральное сражение состоялось 7 августа у Пон-де-Се, на подступах к Анжеру. Отряды принцев бились храбро, но разрозненно, и потерпели сокрушительное поражение. Король, чтобы не затягивать гражданскую распрю, не стал преследовать побежденных и заключил с королевой-матерью почетный мир, разрешив ей вернуться ко двору и даровав ее союзникам прощение.

После разгрома аристократической оппозиции власть повернула оружие против гугенотской вольницы. Королевская армия, пополнив свои ряды дворянами, ранее сражавшимися на стороне принцев, продолжила поход на юг и вторглась в Беарн. Решение о присоединении к Франции этого бывшего домена Генриха Наваррского было принято еще в 1617 г., но местные гугеноты отказывались принять королевских уполномоченных. Теперь их силой заставили подчиниться. События в Беарне встревожили протестантов по всей

стране. В конце 1620 г. в Ла-Рошели собралась общегугенотская конференция, разработавшая программу мер по подготовке к войне. Гугенотские отряды возглавил герцог Роган.

Кампания 1621 г. началась успешно для королевских войск. После осады пала гугенотская крепость Сен-Жан-д'Анжели, штурмом был взят Клерак. А вот осада Монтобана затянулась. Правительственные войска, понеся большие потери от неприятеля и болезней, ушли на зимние квартиры, так и не взяв крепость. Во время отступления заболел и умер Люин. И хотя в следующем году королевская армия сумела взять один из главных гугенотских городов Монпелье, активизация испанских и австрийских Габсбургов в Северной Италии, наносившая ущерб французским интересам, вынудила правительство заключить с гугенотами мир, чтобы развязать себе руки для внешней политики.

После смерти Люина король попытался сам руководить правительством, но без успеха. Упорный в достижении поставленных целей, храбрый на поле боя, Людовик XIII, однако, не обладал способностями ни государственного деятеля, ни полководца и нуждался в мудром, дальновидном советчике. Таковым для него стал кардинал Ришелье.

Глава 6

Правление кардинала Ришелье

Путь к власти

Арман Жан дю Плесси, будущий кардинал и герцог Ришелье, родился в 1585 г. Его отец сделал успешную государственную карьеру при Генрихе III и Генрихе IV, заслужив высокий пост главного прево Франции. Хотя Арман Жан получил блестящее гуманитарное и военное образование, ему пришлось в 1607 г. принять духовный сан, чтобы сохранить за своей семьей принадлежавшее ей место епископа Люсона. На Генеральных Штатах 1614-1615 гг. он, возглавляя депутацию духовенства Пуату, своей активностью обратил на себя внимание Марии Медичи. В 1615 г. его назначили духовником Анны Австрийской, а год спустя – членом Королевского совета и государственным секретарем. После переворота 1617 г. он лишился этих постов и вслед за опальной королевой-матерью отправился в ссылку.

Проведя больше года в Авиньоне, епископ Люсонский был возвращен в 1619 г. ко двору опальной Марии Медичи и возглавил ее Совет. В 1620 г. участвовал в мятеже принцев, а после примирения короля с матерью вернулся в Париж. Благодаря поддержке Марии Медичи, Ришелье в 1622 г. получил шляпу кардинала, а в апреле 1624 г. – место в Королевском совете. В августе того же года король назначил Ришелье первым министром.

Планы Ришелье

Перед правительством Ришелье стояли те же самые стратегические задачи, которые пытался решить еще Генрих IV. Позднее Ришелье так определил их в своем «Политическом завещании»: 1) ликвидация гугенотского «государства в государстве», 2) подавление аристократической оппозиции, 3) активная внешняя политика против гегемонии Габсбургов.

Однако французская монархия не могла вступить в борьбу с Габсбургами, пока не была упрочена централизованная власть внутри страны и сохранялась угроза новой гражданской смуты. Поэтому первое время внешняя политика Ришелье носила оборонительный характер: Франция дипломатическими и

военными средствами боролась за сохранение своих позиций в Северной Италии, откуда ее старались вытеснить испанцы и австрийцы, но большой войны избегала. Основные усилия правительства были направлены против внутренних врагов. В борьбе против гугенотов и грандов Ришелье пользовался активной поддержкой Марии Медичи и ее окружения – «партии святош» (кардинал Берюль, братья Марильяки).

Борьба с внутренними врагами

Гранды, потерпев в 1620 г. поражение на поле боя, не осмеливались на новое открытое выступление и плели тайные заговоры. Первым из таких заговоров, направленных против Ришелье, стало «дело Шале» 1626 г. В нем приняли участие брат короля, дофин Гастон, королева Анна Австрийская, оба герцога Вандомских, принц Конде, граф Суассон, воспитатель дофина маршал Орнано, вдова Люиня герцогиня де Шеврез. Они планировали убить первого министра (на это вызвался маркиз Шале) и заменить Людовика XIII на троне его братом. Узнав о существовании заговора, Ришелье надавил на дофина и тот выдал сообщников. Всеобщий любимец, обаятельный и элегантный Гастон был человеком слабовольным и вероломным. Мечтая о троне, он в дальнейшем примет участие еще во многих заговорах, но каждый раз, как в «деле Шале», при малейшей опасности для себя будет не задумываясь отрекаться от единомышленников. Впрочем, ему как дофину серьезное наказание не грозило, чего не скажешь о тех, кто ему доверился. Шале был казнен, Орнано брошен в тюрьму, где вскоре умер, герцоги Вандомские арестованы, герцогиня Шеврез выслана из страны. Гастон же в знак примирения с королем получил титул герцога Орлеанского.

В 1625 г. вновь напомнили о себе и гугеноты, захватившие стратегически важные острова у Ла-Рошели. Правительственные войска острова отбили, но на длительную войну не было денег казне. Прежде чем начинать решительные действия Ришелье требовалось восстановить подорванные его предшественниками финансы. Для этого он разработал программу реформ.

Реформы

В декабре 1626 – феврале 1627 г. в Париже состоялось собрание нотаблей, на обсуждение которого Ришелье вынес ряд проектов. Он заявил, что видит два основных пути повышения государственных доходов без увеличения налогового бремени: 1) выкуп королевского домена, 2) развитие торговли и мореплавания. Для осуществления первой меры привилегированные сословия должны были создать экстраординарный фонд и передать его королю в качестве ссуды под относительно небольшой процент. Монарх и первый министр своим словом гарантировали, что все эти средства пойдут исключительно на выкуп заложенных коронных земель. После продолжительных размышлений нотабли фактически ответили отказом, посоветовав правительству выкупить домен без создания экстраординарного фонда, выплачивая его держателям ренту в течение 16 лет.

Предложения о создании флота и торговых компаний нотабли поддержали, но не указали, из каких средств должны финансироваться подобные меры. В целом итог собрания нотаблей оказался для правительства скорее негативным. Руководствуясь корпоративными соображениями, и духовенство, и родовитое дворянство, и оффисье сопротивлялись любым нововведениям, затрагивающим их частные интересы. Вот почему в дальнейшем монархи более не созывали подобные собрания вплоть до конца XVIII в.

Потерпев неудачу в проведении финансовой реформы, Ришелье, однако, сумел достаточно успешно реализовать свои планы по строительству флота и созданию торговых компаний. В 1626 г., когда король назначил его Начальником и сюринтендантом торговли и мореплавания, Франция не имела военного флота в Атлантике и обладала лишь 10 галерами в Средиземном море, портовые сооружения находились в полуразрушенном состоянии. По инициативе Ришелье была произведена реконструкция портов Бреста, Гавра и Тулона, являющихся с тех пор главными военно-морскими базами Франции. Развернулось широкое строительство новых кораблей. К 1635 г. Франция имела уже 3 эскадры в Атлантике, а также эскадру и 20 галер в Средиземном море. При непосредственной поддержке кардинала, в том числе финансовой, создавались кампании для освоения Квебека и островов Вест-Индии.

Укрепляя королевскую власть, Ришелье предпринимал решительные меры против дворянской вольницы. По его совету, в феврале 1626 г. Людовик XIII

издал эдикт о запрете дуэлей под страхом смертной казни, а в июле предписал разрушить укрепленные замки по всей стране, кроме приграничных областей.

Первый министр, считавший, что жизнь дворянина принадлежит только королю, строго следил за соблюдением запрета на поединки. В 1627 г. нарушение этого закона стоило жизни известному бретеру графу Бутвиллю и его секунданту.

Разгром гугенотов

Хотя ликвидация гугенотского «государства в государстве» рассматривалась Ришелье как одна из важнейших стратегических задач, инициатива по развязыванию новой войны с протестантами принадлежала не ему. В июле 1627 г. английский флот под командованием лорда Бэкингема высадил десант на французский остров Ре, прикрывавший с моря подступы к Ла-Рошели. Но осада англичанами расположенного на острове французского форта Сен-Мартен затянулась, что дало Ришелье время для формирования армии. Казна была пуста: меры по наведению порядка в финансовой сфере еще не успели дать результатов. Пришлось для набора войск прибегнуть к экстренным займам у финансистов. Воспользовавшись трудностями правительства, гугеноты Ла-Рошели потребовали за свой нейтралитет ряд стратегически важных укрепленных пунктов в окрестностях города. Получив отказ, ларошельцы в сентябре открыли боевые действия против королевской армии. Началась знаменитая осада Ла-Рошели.

Англичане понесли большие потери при неудачных штурмах форта Сен-Мартен и в ноябре покинули остров Ре, обещав ларошельцам придти на помощь следующей весной. Всю зиму французская армия под руководством Людовика XIII и Ришелье строила гигантскую плотину, чтобы перекрыть подход к крепости с моря. В апреле 1628 г. Ла-Рошель оказалась полностью блокирована. Осажденные отчаянно сражались, надеясь на помощь Англии и своих единоверцев с юга Франции. Но тщетно. Гугенотские отряды герцога Рогана были скованы в Лангедоке армией принца Конде, а флот англичан потерпел в мае неудачу при попытке прорваться к Ла-Рошели. В городе начался жестокий голод, население вымирало. В сентябре-октябре английский флот опять попытался разрушить дамбу и оказать помощь ларошельцам, но после новой

неудачи английский адмирал посоветовал им помириться с королем и увел свои корабли. 28 октября Ла-Рошель сдалась. К этому времени из 28 тыс. населения в живых оставалось лишь 5 тыс. Король, по совету Ришелье, простил побежденных и даровал им свободу вероисповедания. В город были направлены обозы с продовольствием. Однако Ла-Рошель отныне лишалась своих привилегий и автономии, ее укрепления подлежали сносу.

Мантуанский кризис в Италии (см. ниже), отвлекший основные французской армии, позволил Рогану продержаться еще 8 месяцев. Впрочем, в июне 1629 г. гугеноты были разгромлены и в Лангедоке. 28 июня король издал в Але «эдикт милости», в котором подтвердил основные статьи Нантского эдикта, даровавшие свободу вероисповедания протестантам. Дополнительные же статьи, гарантировавшие им политическую и военную самостоятельность, были отменены. Гугенотское «государство в государстве» прекратило свое существование.

Борьба с аристократической оппозицией

Убедив короля проявить милость по отношению к побежденным гугенотам, Ришелье вызвал недовольство ранее поддерживавшей его «партии святош», которая требовала сурово покарать мятежных «еретиков». Еще больше усугубила противоречия между первым министром и окружением королевы-матери Мантуанская война.

Избавление от гугенотской опасности внутри государства развязало Ришелье руки для более активной внешней политики, направленной против гегемонии Габсбургов. В 1629 г. он лично возглавил французскую армию, вторгшуюся в Италию, чтобы поддержать претензии герцога Неверского на наследование Мантуи и Монферрата, оспоренные Испанией и Пьемонтом. В результате кампаний 1629-1630 гг. Франция отстояла права герцога Неверского и приобрела стратегически важную крепость Пиньероль. Однако на долгую войну сил и средств она пока не имела и пошла на мир, заключенный в 1631 г. при посредничестве папского легата Мазарини.

Антииспанская политика окончательно поссорила первого министра с Марией Медичи, которая стала настойчиво добиваться его устранения. 10 ноября 1630 г. ей, казалось, удалось склонить Людовика XIII к отставке

Ришелье, о чем она тут же объявила, потребовав от кардинала передать руководство Королевским советом канцлеру Марильяку. Однако король несколько часов спустя дезавуировал ее действия и подтвердил полномочия Ришелье. Результатом этого политического кризиса, известного в литературе как «день одураченных», стали высылка королевы-матери в Компьен и арест наиболее видных фигур «партии святош» – канцлера Мишеля Марильяка и его брата Луи, командовавшего Итальянской армией. Первый два года спустя умер в тюрьме, второй был обвинен в измене и казнен. В июле 1631 г. Мария Медичи бежала за границу, лишив себя тем самым возможности реально влиять на политическую ситуацию во Франции. В 1642 г. она умерла в Кельне забытая всеми

Гораздо более серьезные последствия имело бегство из страны в январе 1631 г. Гастона Орлеанского, являвшегося наследником тогда еще бездетного Людовика XIII. В июне 1632 г. дофин во главе отряда своих сторонников и наемников вторгся во Францию из Лотарингии. В его поддержку выступил губернатор Лангедока, талантливый военачальник герцог Монморанси. 1 сентября королевские войска разбили армию мятежников при Кастельнодари. За попавшего в плен Монморанси ходатайствовали многие аристократы. Крестник Генриха IV и зять Конде, он принадлежал к одному из древнейших дворянских родов Франции. Тем не менее, его, по настоянию Ришелье, осудили и казнили. Гастон Орлеанский вновь эмигрировал, но в 1634 г. в очередной раз покаялся и был прощен.

Дабы упрочить влияние центральной власти на местах и поставить под контроль губернаторов, Ришелье в 30-е годы стал широко использовать институт интендантов – королевских уполномоченных в провинции, подчинявшихся непосредственно первому министру. Это не было его собственным изобретением: подобные уполномоченные назначались королями для выполнения разовых поручений еще в XVI в., но только при Ришелье их деятельность приобрела постоянный характер.

Вступление Франции в Тридцатилетнюю войну

Тщательно готовясь к открытой борьбе против гегемонии Габсбургов, Ришелье, тем не менее, старался как можно дольше отсрочить вступление

Франции в Тридцатилетнюю войну, продолжавшуюся с 1618 г. Пока была возможность, он предпочитал воевать чужими руками, оказывая с 1630 г. финансовую помощь антигабсбургской коалиции (Швеция и протестантские княжества Германии). Однако гибель в 1632 г. шведского короля Густава Адольфа и поражение в 1634 г. шведских войск под Нердлингеном поставили коалицию на грань гибели. Помешать окончательному триумфу австрийских и испанских Габсбургов могло лишь вступление в войну Франции. 1 апреля 1635 г. на Королевском совете было принято решение объявить войну Испании. В мае французская армия вошла в Испанские Нидерланды.

Но после кратковременных успехов наступила длительная полоса неудач. В первую же кампанию испанцы вытеснили французскую армию из своих владений, а в 1636 году, вошедшем в историю как «год Корби», испанские и австрийская армии вторглись на территорию Франции. Когда испанцы в августе взяли крепость Корби, прикрывавшую с севера подступы к французской столице, в Париже началась паника, многие жители бежали на юг. Даже Ришелье предложил королю отступить за Луару. Но Людовик XIII, проявив мужество и хладнокровие, остался в Париже и объявил набор добровольцев в ополчение. Собранная в короткое время 30-тысячная армия остановила наступление неприятеля и в ноябре отбила Корби. Армия же австрийского императора, встретив ожесточенное сопротивление французов, завязла в Бургундии.

После этого война приняла затяжной, изнурительный характер. Боевые действия, состоявшие преимущественно в осаде крепостей, велись с переменным успехом на нескольких фронтах: в Нидерландах, на Рейне, в Италии и Руссильоне. Лишь к 1640 г. наметился перелом в пользу антигабсбургской коалиции. Но за него Франция заплатила невиданным обнищанием населения и тяжелейшим кризисом экономики.

Антифискальные восстания

Хотя основные боевые действия разворачивались не на территории Франции, война легла тяжелым бременем на французов. Оплата армий, субсидии союзникам привели к гигантскому росту государственных расходов. Если в 1630 г. последние составляли около 42 млн. ливров, то в 1641 г. – 117

млн. Для изыскания этих сумм правительство многократно увеличивало налоги. Если в 1630 г. талья составляла около 7,5 млн. ливров, а габель – 1,6 млн., то в 1641 г. – 32,5 и 7 млн. соответственно. На столь беспрецедентное усиление фискального гнета население ответило невиданными со времен Жакерии восстаниями. Наиболее крупными из них стали движения «кроканов» в Перигоре (1637) и «босоногих» в Нормандии (1639).

Поводом для *восстания «кроканов»* стали экстраординарные добавки к талье, увеличившие ее на треть. 22 апреля 1637 г. крестьяне убили двух сборщиков налогов и стали вооружаться. Через неделю повстанческая армия насчитывала уже до 10 тыс. человек. Движение носило всеобщий характер. Хотя основную массу восставших составляли крестьяне, в их военный совет входили также дворяне, священники, судейские, купцы, ремесленники. «Генералом» повстанческой армии стал родовитый дворянин Ламот Лафоре. После неудачной попытки взять Периге повстанцы в начале мая заняли крупный город Бержерак, не имевший укреплений. «Восставшие коммуны Перигора» – так они себя сами называли, воспринимая данную им кличку «кроканы» («грызуны») как бранную – в своих обращениях к населению и в письме королю объясняли, что требуют лишь уничтожения «притеснений» и возвращения к «справедливым» налогам 1610 г.

Армия Ламота Лафоре была хорошо дисциплинирована и не допускала ни малейшего насилия по отношению к жителям Бержерака. В конце мая она двинулась к Ажену. Правительство вынуждено было отозвать с испанского фронта большой отряд герцога Лавалета и бросить его на подавление восстания. 1 июня герцог в упорном бою под Ла Совта разбил авангард повстанческой армии, а затем блокировал ее основные силы в Бержераке. Не имея артиллерии, а, значит, и шансов на успешный исход обороны, Ламот капитулировал с условием, что бывшим повстанцам будет позволено разойтись по домам, а Лавалет постарается добиться для них помилования. И хотя несколько сотен восставших не захотели сложить оружие и до конца июня участвовали в антифискальном движении в соседней провинции Керси, Лавалет сдержал слово и добился решения Королевского совета о помиловании перигорских повстанцев. Были отменены и надбавки к талье, вызвавшие протест.

Поводом для *восстания «босоногих»* стал слух о том, что правительство готовится распространить габель на Нижнюю Нормандию, ранее

освобожденную от этого налога. Подобная мера оставила бы без работы 10-12 тыс. рабочих солеварен и разорила бы многих горожан, занятых производством и контрабандой соли. Восстание началось 16 июля 1639 г. с убийства в Авранше судьи, которого по ошибке заподозрили в том, что он привез указ о введении габели. На следующий день солевары разгромили учреждения, связанные со сбором налогов. Движение так же, как и в Провансе, носило антифискальный и всесословный характер. Руководили им два дворянина, два священника и два судейских от имени таинственного Жана Босоногого. В разгар боевых действий на фронтах Тридцатилетней войны правительство не имело свободных войск для быстрого подавления восстания, а местные власти, заинтересованные в сохранении провинцией налоговых привилегий, попустительствовали «босоногим». С июля по ноябрь те регулярно совершали походы в близлежащие от Авранша поселения, где громили дома фискальных чиновников. По всей провинции распространялись воззвания с призывом уничтожить все налоги, введенные после 1610 г. В августе произошли антиналоговые восстания в Руане и Кане. В сентябре «босоногие» создали «Армию страдания», насчитывавшую до 5 тыс. человек.

С завершением кампании на фронте королевские войска прибыли в Нижнюю Нормандию и 30 ноября разгромили «Армию спасения». Участники восстания подверглись жестоким репрессиям. Десятки людей были казнены или сосланы на галеры, их дома разрушены, семьи изгнаны. Строго были наказаны и местные власти за попустительство восставшим. Однако правительство не стало вводить в провинции габель.

Оживление аристократической оппозиции

Тяготы войны, от которых страдало население Франции, общественное мнение связывало с именем Ришелье, ставшего крайне непопулярным. Когда в «год Корби» Париж охватила паника, толпа на улицах кричала «Да здравствует король! Смерть Ришелье!». Подобными настроениями попыталась в своих интересах воспользоваться родовитая аристократия, влияние которой в военное время возросло, поскольку именно из ее рядов набирался командный состав армии. Гранды организовали ряд заговоров с целью устранить первого министра и заключить мир с Габсбургами.

Осенью 1636 г., во время контрнаступления на Корби, группа офицеров из окружения Гастона Орлеанского и графа Суассона планировала убить Ришелье при посещении тем действующей армии. Заговор не удался лишь из-за того, что Гастон в последний момент струсил и не решился подать условленный сигнал.

Весной 1641 г. аристократическая оппозиция впервые после казни Монморанси осмелилась на открытый военный мятеж. Граф Суассон и герцог Фредерик Буйонский на испанские деньги собрали вооруженный отряд в Седане и выступили в поход на Париж. По дороге к ним присоединились многие дворяне, недовольные Ришелье. 9 июля Суассон разгромил высланную против него королевскую армию, но в тот же день погиб из-за нелепой случайности. Поправляя забрало шлема стволом пистолета, он нечаянно нажал на курок. Оставшись без предводителя, армия мятежников рассеялась. Герцог Буйонский покаялся и получил прощение.

Осенью 1641 г. при дворе сложился новый заговор против Ришелье. В центре интриги находился фаворит короля маркиз Сен-Мар, заручившийся поддержкой Анны Австрийской, Гастона Орлеанского, герцога Буйонского и командира королевских мушкетеров да Тревиля. Они собирались убить Ришелье и заключили тайное соглашение с испанцами об установлении мира и союза между двумя странами в случае успеха заговора. Узнав в июне 1642 г. от Анны Австрийской о планах заговорщиков, уже смертельно больной Ришелье предпринял активные контрмеры. Припугнув Гастона Орлеанского, он вновь заставил его выдать сообщников. Герцог Буйонский был арестован и купил себе прощение, лишь передав французской короне принадлежавший ему Седан. Ответили же за всех Сен-Мар и советник Парижского парламента де Ту. После недолгого расследования их казнили в сентябре 1642 г.

4 декабря того же года умер и сам Ришелье.

Ришелье и культура

Ришелье считал, что государство должно заниматься активной поддержкой культуры и тем самым направлять ее развитие в нужную для себя сторону. Придавая большое значение идеологическому обоснованию своей политики, кардинал щедро покровительствовал литераторам, чьи сочинения служили этой цели. Будучи сам ярким публицистом и политическим

мыслителем, автором ряда пьес, Ришелье выступил инициатором создания в 1634 г. Французской академии, которая объединила в своих стенах крупнейших писателей того времени и была призвана следить за чистотой французского языка.

В 1631 г. при поддержке Ришелье во Франции впервые появляется еженедельное издание «Газет» (до того существовал лишь ежегодник «Меркюр франсэ»). Кардинал широко использовал первую французскую газету для формирования общественного мнения по различным вопросам политики и сам не раз анонимно выступал на ее страницах в качестве автора.

По заказу Ришелье был осуществлен ряд крупных архитектурных проектов. Наиболее известные из них – великолепный дворец кардинала в центре Парижа, известный ныне как Пале-Руаяль, и часовня Сорбонны, где Ришелье завещал себя похоронить. Сорбонне он оставил и свою богатейшую библиотеку, насчитывавшую несколько тысяч томов.

Глава 7

Фронда

Регенство Анны Австрийской

Умирая, Ришелье рекомендовал Людовику XIII в качестве своего преемника кардинала Мазарини.

Карьера Джулио Мазарини начиналась при дворе римского папы. Сын мелкого сицилийского землевладельца, благодаря тонкому уму и недюжинным способностям, успешно продвигался на дипломатическом поприще. Будучи легатом во Франции, он обратил на себя внимание Ришелье и, по его приглашению, в 1639 г. перешел на французскую службу. Благодаря покровительству первого министра, он получил в 1641 г. кардинальскую шляпу, хотя и никогда не был священником. Следуя рекомендации Ришелье, Людовик XIII после его смерти, приблизил к себе Мазарини, которого не только ввел в Королевский совет, но и сделал крестным отцом наследника престола.

14 мая 1643 г. умер и сам Людовик XIII. Регентшей при пятилетнем Людовике XIV стала королева-мать Анна Австрийская. Правда, ее полномочия существенно ограничивались Регентским советом, указ о создании которого покойный король подписал за две недели до смерти. Председательствовать в Совете должен был Гастон Орлеанский, а в его отсутствие – принц Конде и кардинал Мазарини. Однако уже 18 мая Парижский парламент по просьбе королевы кассировал завещание монарха, и регентша обрела всю полноту власти. В тот же день она назначила первым министром кардинала Мазарини. Впрочем, за этот успех ей пришлось заплатить дорогую цену: парламенты, чье влияние на государственные дела кардинал Ришелье сумел существенно ослабить, теперь вновь обрели былой политический вес и высокую степень независимости от центральной власти.

Оживилась аристократическая оппозиция. После смерти Ришелье ко двору вернулись прежде опальные гранды, участники былых заговоров. Будучи иностранцем и к тому же не слишком высокого происхождения, Мазарини не мог позволить себе в общении с аристократией того властного тона, которым разговаривал с ней его предшественник, сам принадлежавший к старинному дворянскому роду Франции. Поэтому там, где Ришелье действовал резко и

напористо, Мазарини использовал хитрость и обходительность. Такая манера ведения дел создавала у его политических противников впечатление о слабости первого министра. Но видимость была обманчива: Мазарини проводил ту же политику, что и Ришелье, хотя и другими методами. В 1643 г. он решительно пресек попытку нового аристократического заговора, отправив герцога Бофора, сына Цезаря Вандомского в Венсенский замок, а герцогиню Шеврез – в ссылку.

Во внешней политике Мазарини столь же последовательно, как Ришелье, продолжал войну против Габсбургов. Военное счастье было на стороне Франции. 19 мая 1643 г. юный герцог Энгиенский, сын принца Конде, разгромил испанцев при Рокруа. В 1644-1647 гг. французские армии успешно действовали в Нидерландах и на Рейне под командованием лучших полководцев своего времени – герцога Энгиенского, унаследовавшего после смерти отца в 1646 г. титул принца Конде, и виконта Тюренна, младшего брата герцога Буйонского.

Война стоила дорого. Вместе с военными расходами росли и налоги. Только талья с 1635 по 1643 г. увеличилась в 8 раз. Причем, основная тяжесть фискального гнета ложилась на провинцию, поскольку власти, стараясь не раздражать жителей столицы, создали для Парижа льготный податный режим. Однако возможности дальнейшего усиления налогового пресса на провинцию были исчерпаны. Военные действия, постой войск и подати опустошили даже самые богатые области Франции. Все чаще в разных частях страны протест против фискального гнета выливался в восстания. В этих условиях правительство вынуждено было обращаться к экстраординарным способам пополнения казны, прежде всего – к займам. Финансисты, которым покровительствовал генеральный контролер (с 1647 г. сюринтендант) финансов Эмери, получали огромные барыши, субсидируя государство на крайне выгодных для себя условиях.

Впрочем, по долгам тоже надо было платить, и власти в поиске новых доходов решились посягнуть на фискальные привилегии парижан, на что не осмеливались предшествовавшие правительства. Летом 1644 г. Эмери предложил ввести налог на владельцев домов в пригородах Парижа. Это вызвало недовольство населения столицы, вылившееся в уличные беспорядки. Другая инициатива Эмери – обложить налогом наиболее богатых горожан – была погребена парламентом в юридической казуистике. В 1645 г. новая попытка

ввести налог на домовладельцев опять вызвала конфликт правительства с парламентом. В 1646 г. парламент вновь стал рупором недовольных, протестуя против взимания пошлин на ввозимое в столицу продовольствие. Осенью 1647 г. во время уличных беспорядков в Париже, которые устроили возмущенные ростом налогов горожане, парламент фактически солидаризировался с бунтующими и подверг критике фискальную политику правительства.

В конце 1647 г. истек срок полетты. Эмери, рассчитывая, что накануне пересмотра ее условий судебские станут более покладистыми, отправил на регистрацию в парламент шесть новых фискальных эдиктов. 15 января 1648 г. эти законы были зарегистрированы на королевском заседании, хотя по ходу процедуры финансовая политика правительства и подверглась резкой критике. Но уже на другой день парламент под формальным предлогом вновь вернулся к рассмотрению ранее принятых эдиктов.

В мае 1648 г. правительство объявило новые условия полетты. Пытаясь заручиться поддержкой парламента, оно продлило для него полетту на прежних основаниях, зато для других суверенных судов Парижа – Большого совета, Счетной палаты и Палаты косвенных сборов – условия были ужесточены. Однако расколоть судебскую корпорацию властям не удалось. 13 мая Парижский парламент издал «акт единства», предложив другим суверенным судам прислать свои делегации для совместного заседания в палате св. Людовика во Дворце правосудия, чтобы обсудить общее положение дел в государстве.

Так началась Фронда.

Что такое Фронда?

Во французском языке слово «фронда» (la fronde) имеет двойное значение: это и «рогатка», то есть безделица, игрушка, хотя и опасная, и «праща» – боевое оружие. Широкое антиправительственное движение во Франции 1648-1653 гг., получившее подобное название, также имело двойственную природу. С одной стороны, оно представляло собою последнюю попытку аристократии, в том числе судебской, вооруженным путем вернуть себе доминирующее положение в государстве, все более утрачиваемое по мере укрепления абсолютной монархии. Преследуя исключительно эгоистические цели, лидеры крупных

аристократических кланов с необыкновенной легкостью меняли свою политическую позицию и в зависимости от политической конъюнктуры поочередно поддерживали то правительство, то Фронду. Происходившее в те годы на вершине общественной иерархии весьма напоминало некое театральное действо с быстро меняющимися мизансценами или своеобразный калейдоскоп, поочередно соединявший основных действующих лиц в самых причудливых сочетаниях.

Однако была у Фронды и другая сторона. В отличие от предшествующих аристократических мятежей XVII в., в движение оказались вовлечены широкие слои общества. Значительная часть населения, уставшего от тягот Тридцатилетней войны, приняла за чистую монету демагогические лозунги аристократической оппозиции и поддержала ее, надеясь добиться ослабления налогового гнета. Таким образом, при взгляде «снизу» Фронда видится как широкое антифискальное восстание, ставшее прямым продолжением налоговых бунтов 30-40-х годов XVII в.

Историки традиционно делят события Фронды на два периода: «парламентская Фронда» (1648-1649) и «Фронда принцев» (1650-1653). Впрочем, деление это несколько условно. Хотя на первом этапе инициатива в антиправительственном движении, действительно, принадлежала суверенным судам и, прежде всего, парламентам, крупные аристократы («принцы») тоже принимали в нем активное участие. А на втором этапе, хотя тон Фронде задавали уже «принцы», роль парламента также оставалась весьма существенной.

Парламентская Фронда

После принятия «акта единства» правительство какое-то время пыталось помешать совместному заседанию представителей столичных суверенных судов, но 11 июня все же его разрешило. Мазарини не хотел обострять положение внутри страны в тот момент, когда шедшие в Мюнстере мирные переговоры с Империей близились к успешному завершению.

Начав свою работу 30 июня, «Палата св. Людовика» в течение десяти дней подготовила и представила королеве программу реформ, получившую название «27 статей», где провозглашалась неприкосновенность имущества и личности;

предлагалось заключение без следствия ограничить 24 часами, отозвать всех интендантов из провинции, отменить систему откупов, сократить талью на $\frac{1}{4}$, освободить из тюрем арестованных за неуплату налогов, создать палату правосудия для расследования злоупотреблений финансистов, не вводить без согласия парламента новые должности и налоги.

Стремясь выиграть время, правительство пошло на уступки. 9 июля был отправлен в отставку Эмери, 11-го отозваны все интенданты из округа Парижского парламента, объявлено о сокращении тальи на $\frac{1}{8}$ и отмене недоимок по налогам. 31 июля король принял «27 статей», за исключением запрета на аресты по распоряжению монарха, но потребовал роспуска «Палаты св. Людовика». 1 августа парламент приступил к обсуждению королевской декларации. Все это происходило на фоне массовых антифискальных выступлений по всей стране. Крестьяне нередко переставали платить вообще какие бы то ни было налоги и требовали дальнейшего понижения тальи.

20 августа принц Конде разбил испанцев при Лансе. Мазарини решил воспользоваться охватившей столицу победной эйфорией, чтобы перейти в наступление на своих политических противников. 26-го во время праздничных торжеств гвардейцы королевы арестовали двух лидеров оппозиции, в том числе Пьера Брусселя, который не только пользовался среди парижан широкой популярностью, но и был офицером городского ополчения. Этим неосторожным шагом власть привела в действие механизм внутригородской солидарности: сначала на защиту Брусселя поднялся квартал, где он жил и отрядом ополчения которого командовал, затем восстание охватило весь Париж.

27 августа сотни баррикад перекрыли улицы. Толпа напала на канцлера Сегье, который спасся только благодаря подоспевшему к нему на выручку отряду гвардейцев. Пале-Руаяль, где находились юный король, королева-мать и Мазарини, окружили тысячи вооруженных горожан. Парламент послал во дворец делегацию с просьбой освободить арестованных. Королева согласилась при условии, что палаты парламента прекратят объединенные заседания. Делегация отправилась обратно, однако по пути подверглась нападению горожан, недовольных тем, что Брюссель еще не освобожден. Тогда королева приказала отпустить арестованных без каких-либо условий. После их возвращения восстание прекратилось.

Последующие два месяца шли переговоры между королевой и парламентом о возможности принятия к исполнению «27 статей». Наконец, 22 октября королевская декларация закрепила достигнутый компромисс: большинство требований «Палаты св. Людовика» было принято, но запрет на аресты по распоряжению монарха распространялся только на судебных, а талья сокращалась лишь на 1/5.

24 октября был подписан Вестфальский мир с Империей. Война с Испанией продолжалась, но, как обычно, с наступлением осени активные боевые действия прекратились. Правительство получило возможность использовать высвободившиеся войска против внутренней оппозиции. К концу года армия принца Конде из Фландрии переместилась в окрестности Парижа. Находившаяся в Германии армия Тюренна с наступлением мира отошла на Рейну, поближе к границам Франции.

В ночь на 6 января 1649 г. Анна Австрийская, юный король, Мазарини и двор тайно покинули столицу, перебравшись в Сен-Жермен. Оттуда все суверенные суды Парижа получил предписание выехать в различные провинциальные городки. На совместном заседании членов судов и городских властей Парижа было принято решение не повиноваться. Парламент объявил Мазарини «смутьяном», приказал ему в недельный срок покинуть страну и наложил секвестр на его имущество. На сторону парламента встал ряд крупных аристократов: принц Конти (брат Конде), герцог Лонгвиль (муж их сестры), герцог Буйонский, герцог Бофор и некоторые другие. Они и возглавили армию Фронды. Душой и одним из наиболее активных организаторов сопротивления стал коадьютор (заместитель) парижского архиепископа Поль де Гонди.

Не имея достаточно сил для штурма столицы, принц Конде перекрыл идущие к ней дороги. Его наемники вели себя в центре Франции, как в завоеванной стране, грабя, насилая и убивая мирных жителей. Крестьяне боялись ехать в Париж, и там вскоре начались перебои с продовольствием. Участвовавшие волнения городских «низов» напугали парламент. Некоторое время он еще рассчитывал на помощь, втайне обещанную ему Тюренном. Однако армия отказалась вслед за полководцем перейти на сторону Фронды, и Тюренну пришлось бежать за границу. Пришедшее в феврале из Англии известие о казни короля Карла I окончательно убедило судебскую аристократию в необходимости искать мира с правительством, пока и во

Франции в оппозиционном движении не возобладали радикальные элементы и оно не вышло из-под контроля парламента. Анна Австрийская и Мазарини, не имея возможности силой подавить оппозицию, также проявили готовность к компромиссу, поскольку с началом весны испанцы возобновили боевые действия. 1 апреля королева и парламент заключили соглашение о мире: судейские отказались от требования изгнать Мазарини и обещали до конца года не проводить совместных заседаний палат.

Таким образом, в ходе конфликта ни правительству, ни парламенту не удалось добиться желаемого. Единственной выигравшей стороной оказался клан Конде. Бывшие противники, теперь примирившиеся между собой, Конде, Конти и Лонгвиль диктовали свою волю правительству, добиваясь для себя новых земельных владений, должностей и денежных пожалований. Королева и Мазарини вынуждены были идти на уступки, чтобы выиграть время для замирения провинций.

В Гиени и Провансе продолжались локальные фронды. В обеих провинциях противостояние между губернаторами и местными парламентами приняло форму гражданской войны. Мазарини сумел погасить конфликты, проявив гибкость опытного дипломата. В Провансе центральная власть заняла нейтральную позицию и выступила посредником, не дав, в конечном счете, ни одной из противоборствующих сторон добиться решающего преимущества. В Гиени же, напротив, правительство поддержало губернатора и силой принудило парламент Бордо к миру, который был заключен 26 декабря 1749 г.

Парламентская Фронда завершилась.

4. Фронда принцев

Покончив с оппозиционным движением в провинции, Анна Австрийская и Мазарини втайне начали готовить удар по клану Конде. В этом их союзниками оказались герцог Бофор и коадьютор Гонди. Бывшие фрондеры из ненависти к Конде вступили в альянс с королевской властью, рассчитывая на солидное вознаграждение. Гонди, например, был обещан сан кардинала.

18 января 1650 г. Конде, Конти и Лонгвиль были арестованы в Пале-Руаяле и отправлены в Венсеннский замок. Принцесса Конде, герцогиня

Лонгвиль, герцог Буйонский, Тюренн и их сподвижники бежали в провинцию, чтобы поднять на восстание свою клиентелу. Фронда принцев началась.

Первое время правительству удавалось относительно легко справляться с сопротивлением. Однако в июне восстал недавно замиренный Бордо, где сторонники Конде встретили теплый прием. Мазарини лично возглавил подавление мятежа. Но и в Париже было неспокойно. То и дело происходили стихийные демонстрации против Мазарини и в поддержку принцев, порой выливавшиеся в беспорядки. Оставшемуся в столице Гастону Орлеанскому с большим трудом удавалось удерживать ситуацию под контролем, да и то лишь благодаря помощи Бофора и Гонди. 1 октября правительство подписало с властями Бордо мирное соглашение, сделав им существенные политические уступки. По условиям договора, фрондеры смогли покинуть город и продолжить борьбу в других местах.

В декабре 1650 г. правительственные войска разбили Тюренна, который возглавил отряды фрондеров в северо-восточных областях и пытался при поддержке испанцев начать наступление на Париж. Казалось, правительство сумело овладеть ситуацией. Однако та снова резко изменилась из-за распада коалиции Мазарини и партии Гонди – Бофора. Первый министр нарушил свои обещания. В частности, коадьютор не получил обещанный ему сан кардинала. В начале 1651 г. Бофор и Гонди вступили в сговор со сторонниками Конде. Их также поддержал Гастон Орлеанский, командовавший всеми правительственными войсками. Оказавшись в полной политической изоляции, Мазарини 6 февраля 1651 г. тайно бежал из Парижа. Поселившись в прирейнских землях Германии в замке Брюль, он через свою разветвленную агентуру внимательно следил за происходившим во Франции и через секретную переписку руководил действиями королевы.

Конде и другие принцы торжественно вернулись в Париж. Впрочем, борьба партий не утихала. С новой силой обострился непрекращающийся конфликт между родовитым дворянством и оффисье. Недовольные усилением роли парламентов, провинциальные дворяне устраивали в Париже собрания, требуя созвать Генеральные штаты и ограничить права судейских, в частности, отменить полетту. Противостояние представителей дворянства и парламента грозило перейти в вооруженное столкновение. Собрание духовенства высказалось в поддержку требований родовитого дворянства. Чтобы разрядить

обстановку, королева обещала собрать Генеральные штаты в сентябре 1651 г., но это, в действительности, ее ни к чему не обязывало: с наступлением 5 сентября совершеннолетия Людовика XIV обещание регентши теряло свою силу.

С официальным вступлением короля в свои права вокруг него объединились и сторонники Мазарини. В оппозиции остался лишь Конде, демонстративно отсутствовавший на торжественной церемонии провозглашения совершеннолетия монарха. Вскоре попытка королевских войск разоружить приверженцев Конде привела к новой вспышке гражданской войны. Как и прежде, Конде опирался на Бордо, а также на ряд принадлежавших ему крепостей. Однако число его союзников сократилось: на стороне короля выступили Лонгвиль, герцог Буйонский и Тюренн. К зиме в руках фрондеров остались лишь провинция Гиень да крепость Монрон. Казалось, мятеж вот-вот будет подавлен.

Ситуация резко изменилась с приездом Мазарини во Францию 25 декабря 1651 г. Месяц спустя кардинал прибыл в ставку короля в Пуатье, где был встречен с распростертыми объятиями. Парижский же парламент, ранее осудивший мятеж Конде, теперь объявил вне закона и Мазарини. Война вспыхнула с новой силой. Во главе собранной по распоряжению городских властей Парижа армии был поставлен герцог Гастон Орлеанский. Ему предписывалось сражаться против Мазарини, но не пускать в город и отряды Конде. Однако герцог вступил в тайный союз с Конде и фактически встал на его сторону.

Весной 1652 г. центр военных действий переместился к столице. Тюренн нанес несколько поражений сторонникам Конде, и от полного разгрома тех спасло лишь вторжение по их просьбе на территорию Франции наемной армии лотарингского герцога Карла IV. Мирное население подвергалось самому разнузданному насилию со стороны солдатни всех армий, но мало что могло сравниться со зверствами лотарингцев. Герцог даже хвастался тем, что его воинство, проходя через опустошенные области, за недостатком провианта питалось местными жителями. Лишь в начале июня Тюренн вынудил Карла IV увести его головорезов.

Боевые действия в окрестностях Парижа продолжались. Снабжение столицы продовольствием оказалось нарушено. Жители города страдали от

дороговизны, обвиняя во всех бедах Мазарини. Авторитет парламента и городских властей, стремившихся держаться в стороне от Конде, быстро падал, а симпатии городских «низов» к фрондирующим принцам, напротив, росли. В свою очередь, теряя поддержку городской элиты, мятежные гранды активно заигрывали с плебсом. В Париже герцог Орлеанский откровенно попустительствовал нападкам «низов» на городских магистратов, которые неоднократно подвергались оскорблениям и даже прямому насилию. Герцог Бофор даже набрал себе отряд из городских нищих и открыто призывал деклассированные элементы к расправе над действительными и предполагаемыми сторонниками Мазарини. В Бордо летом 1652 г. власть и вовсе перешла в руки плебейского союза «Ормэ», пользовавшегося поддержкой принца Конти.

Оказавшись между двух огней, парламент и городские «верхи» были готовы на примирение с королем, но не могли согласиться с тем, чтобы у власти остался Мазарини. Приняв 16 июня делегацию парламента, Людовик XIV дал ей понять, что Мазарини может быть удален, если мятежные принцы сложат оружие. Однако 25 июня после обсуждения парламентом мирных предложений короля толпа, подстрекаемая сторонниками Конде, устроила беспорядки. В столице воцарилась анархия.

2 июля в ожесточенном сражении у Сент-Антуанских ворот королевская армия под командованием Тюренна нанесла поражение войскам Конде, от полного уничтожения которых спасло лишь то, что сторонники Фронды впустили их в Париж. 4 июля принцы фактически произвели переворот, захватив власть в городе. Когда в Ратуше собрались парижские нотабли, чтобы обсудить мирные предложения короля, принц Конде, герцог Орлеанский и герцог Бофор демонстративно покинули заседание, после чего люмпены и переодетые в штатское солдаты устроили резню именитых горожан, убив сотни человек. Новый муниципалитет возглавил Брюссель, поддерживавший Конде.

Однако популярность фрондеров быстро сходила на нет. Солдаты бесчинствовали, грабили парижан и понемногу дезертировали. Приверженцы различных политических «партий» ссорились между собою.

После того, как король 12 августа дал почетную отставку Мазарини, роялистские настроения в Париже стали преобладающими. 23 сентября Людовик XIV издал прокламацию, приказывая восстановить прежний

муниципалитет. В Пале-Руаяле состоялась многолюдная манифестация сторонников короля, поддержанная городским ополчением. Бруссель ушел в отставку. 13 октября Конде бежал во Фландрию к испанцам. 21 октября состоялся торжественный въезд короля в столицу. Всем участникам Фронды, за исключением поименно перечисленных ее лидеров, была дарована амнистия. Парламент зарегистрировал распоряжение короля, запрещающее судейским вмешиваться в государственные дела и финансовые вопросы. 3 февраля 1653 г. к власти вернулся Мазарини.

Последним оплотом фрондеров оставался Бордо. Однако и здесь власть «Ормэ», поддерживавшегося принцем Конти, вызвала недовольство городских «верхов». Конфликты между «партиями» порой выливались в вооруженные столкновения с применением артиллерии. В июле 1653 г. союз «Ормэ» был распущен по требованию городских нотаблей. 3 августа в город вступили королевские войска.

Это стало концом Фронды.

Глава 8

Век Людовика XIV

Правление Мазарини

Хотя правительству удалось одержать верх над Фрондой, затяжная смута нанесла серьезный ущерб французской монархии как во внешней, так и во внутренней политике. Война с Испанией, уже близкая в 1648 г. к победоносному завершению, затянулась еще на годы. Более того, воспользовавшись гражданской войной во Франции, испанцы перехватили стратегическую инициативу и в 1652 г. перешли в наступление по всем фронтам, захватив Дюнкерк и потеснив французские войска в Каталонии и Северной Италии. Внутри самой Франции следствием смуты стало существенное ослабление центральной власти, что создало благоприятную обстановку для возникновения различного рода оппозиций, движимых узкокорпоративными интересами. Преодоление этих долгосрочных последствий Фронды стало лейтмотивом политики кардинала Мазарини в последние годы его правления (1653-1661).

Ликвидация в 1653 г. последних очагов гражданской войны позволила Мазарини сосредоточить все силы на борьбе с внешним противником. Назначенный в том же году сюринтендантом финансов Николя Фуке сумел завоевать доверие финансистов и получить у них кредиты, необходимые для продолжения войны. Основные боевые действия развернулись в северо-восточных областях Франции. Здесь друг другу противостояли два лучших французских военачальника своего времени: Тюренн, командовавший французскими войсками, и возглавивший испанскую армию принц Конде. Некоторое время борьба шла с переменным успехом. В 1654 г. Тюренн разбил своего соперника при Аррасе, в 1656 г. Конде одержал победу при Валансьене. В 1657 г. Франция заручилась поддержкой Англии, заключив союзный договор с лордом-протектором Кромвелем, и на следующий год английские и французские войска вместе осадили Дюнкерк. Испанская армия под командованием Конде попыталась прорваться на помощь городу, но в жестоком сражении была наголову разгромлена Тюренном. Дюнкерк пал. Испании ничего не оставалось, как признать свое поражение в войне.

Мирные переговоры завершились подписанием в 1659 г. Пиренейского договора. По его условиям, Франция присоединила к себе Артуа и Руссильон, Испания признала власть французского короля над Эльзасом, но Людовик XIV вынужден был, скрепя сердце, даровать амнистию принцу Конде и его сторонникам. Кроме того, в соответствии с соглашением, Людовик XIV вступал в брак с инфантой Марией-Терезией. По испанским законам, в отличие от французских, женщины могли наследовать престол, а потому мадридский двор, чтобы обезопасить себя на будущее от французских притязаний, обязал Марию-Терезию при вступлении в брак отказаться от прав на испанскую корону. Она так и поступила, однако ее отказ, согласно договору, вступал в силу только после получения супругом ее приданого. Ну а поскольку денег в опустевшей испанской казне на обещанное приданое так и не нашлось, это создало предлог для последующих претензий Бурбонов на испанскую корону.

Внутри страны Мазарини неуклонно укреплял вертикаль центральной власти, серьезно ослабленную за годы смуты. Не решаясь немедленно восстановить институт интендантов, в период Фронды ликвидированный на большей части территории Франции, первый министр делал это постепенно, направляя в провинции королевских комиссаров сначала с разовыми поручениями, потом – на определенный отрезок времени и, уж когда население свыклось с присутствием на местах представителей правительства, – постоянно.

Потребовало времени и «приручение» парламентов, попытавшихся было вновь занять независимую от короны позицию. Мазарини использовал политику кнута и пряника. Наиболее влиятельные члены суверенных судов просто подкупались, по отношению же к упорствующим монархия порою прибегала к демонстрации силы. Так, 20 апреля 1655 г., когда парламент возобновил обсуждение законов, ранее зарегистрированных на королевском заседании, разгневанный Людовик XIV пришел в парламент и в резкой форме отчитал судейских. Позднее именно в связи с этим эпизодом монарху приписали фразу, ставшую позднее крылатой, но, в действительности, совершенно несовместимую с правовыми реалиями Старого порядка: «Государство – это я».

Пришлось правительству столкнуться и с оппозицией власти в среде провинциального дворянства. Если во время Фронды его представители собирались в Париже, требуя созыва Генеральных штатов, то с упрочением королевской власти, подобные собрания продолжались уже на местах, приняв

конспиративный характер. Особенно широкий размах движение приобрело в Анжу и Нормандии. После того, как король под страхом наказания запретил все несанкционированные собрания, оппозиционеры в начале 1659 г. взяли за оружие. Однако желающих принять участие в восстании оказалось немного, и к концу лета оно было подавлено. Суд приговорил руководителей мятежа к смертной казни.

Имели также место различного рода оппозиционные движения, носившие религиозную окраску. Из них наибольшую опасность для правительства представляла «партия святош». Появившаяся еще в эпоху Ришелье, она включала в себя членов многих влиятельных аристократических семей и группировалась вокруг «Общества святых даров», которое формально ставило себе целью благотворительную деятельность и заботу об исправлении нравов. Однако, в действительности, это общество было центром хорошо законспирированной сети тайных организаций, покрывших практически всю страну. Целью «партии святош» было радикальное изменение государственной политики, придание ей происпанской и проримской направленности, активное проведение в жизнь принципов Контрреформации. «Святоши» осуждали Мазарини за войну с католической Испанией и, особенно, за союз с пуританином Кромвелем. В 1660 г. парламент, по инициативе Мазарини, запретил деятельность любых объединений, не имеющих на нее разрешения короля. Эта мера была направлена прежде всего против «Общества святых даров», хотя формально оно и не называлось. (Король окончательно запретит его в 1665 г.).

В правление Мазарини впервые приобрело широкий размах и движение янсенистов. Последователи теологических взглядов Янсения, епископа города Ипр (Испанские Нидерланды), выступали за укрепление авторитета католической церкви посредством восстановления строгих этических принципов отцов церкви и отказа от «излишне свободной» иезуитской морали. Они вели активную пропаганду своих идей в печати и через сеть созданных ими школ. В 1653 г. римский папа издал буллу, осуждавшую янсенизм. Однако к тому времени под влиянием янсенистских идей находилась уже значительная часть французского духовенства. Равнодушный в принципе к религиозным спорам, Мазарини видел в церкви одну из важнейших опор престола, а потому весьма негативно отнесся к начавшимся внутри нее раздорам между

сторонниками янсенистов и иезуитов. Исходя из политических соображений, он предпринял ряд мер против янсенистов, существенно ограничив возможности проведения ими просветительской деятельности и в 1660 г. добился осуждения их доктрины общим собранием французских епископов.

Мазарини, таким образом, в целом удалось успешно преодолеть долгосрочные последствия Фронды. Затянувшаяся война завершилась выгодным миром, оппозиционные движения внутри страны оппозиции были подавлены, власть монарха упрочена.

9 марта 1661 г. кардинал Мазарини скончался.

«Переворот» 1661 г. и реформы Кольбера

После смерти Мазарини Людовик XIV не стал назначать ему преемника, заявив, что отныне сам будет своим первым министром. Соответственно, порядок деятельности правительства претерпел существенные изменения: если раньше основные вопросы управления обсуждались на заседаниях Высшего совета, то теперь король отдавал предпочтение индивидуальной работе с государственными секретарями.

Впрочем, первое время реальные возможности молодого монарха править самостоятельно были ограничены тем, что государственные финансы находились вне его личного контроля. Ими безраздельно заведовал сюринтендант финансов Фуке, который, занимая эту должность, составил громадное состояние и приобрел большой политический вес. Ему принадлежали великолепный замок Во-ле-Виконт в окрестностях Парижа и крепость на острове Бель-Иль, обширные владения в Бретани и хорошо вооруженная флотилия. Обладая фактически государством в государстве, сюринтендант разработал план, согласно которому его многочисленная клиентела в случае его опалы должна была поднять вооруженный мятеж в приморских провинциях. Кроме того, имея больше свободных денежных средств, чем сам король, Фуке тайно выплачивал субсидии крупным военачальникам, влиятельным судейским и наиболее известным литераторам, обеспечивая себе их разностороннюю поддержку. Одним словом, Людовику XIV в его стремлении к подлинному единовластию пришлось столкнуться с весьма серьезным противником.

В течение четырех месяцев король в глубокой тайне готовил низвержение Фуке, в чем ему активно помогал Жан-Батист Кольбер, прежде служивший управляющим у кардинала Мазарини. 5 сентября 1661 г. Фуке был арестован. Король, наконец, реально обрел всю полноту власти. Его правой рукой в осуществлении финансовой политики стал Кольбер, получивший сначала пост интенданта финансов (1661), затем – генерального контролера финансов (1665) и государственного секретаря по делам королевского дома и флота (1669).

Созданная для процесса над Фуке и состоявшая из наиболее влиятельных оффисье Палата правосудия приговорила бывшего сюринтенданта к изгнанию из страны, хотя король добивался смертного приговора. Разгневанный монарх своей властью заменил бывшему сюринтенданту изгнание на пожизненное заточение в крепости. Вместе с тем, суд над Фуке позволил Кольберу обвинить финансистов в многочисленных злоупотреблениях, дав повод приступить к политике «выжимания губок». Палата правосудия принялась изучать кредитные операции финансистов, начиная с 1635 г. Тех, кого признавали виновными в махинациях, она штрафовала. Только в 1661-1665 гг. Палата взыскала штрафов более чем на 117 млн. ливров. Кроме того, такими же расследованиями и взиманием штрафов занимались особые правительственные комиссии. Наконец, крупных вельмож, уличенных в аналогичных злоупотреблениях, штрафовал сам король.

В рамках кампании борьбы с финансовыми злоупотреблениями Кольбер произвел пересмотр условий ранее выпущенных государственных рент. Проценты по многим из них были снижены, часть рент государство выкупило в принудительном порядке, а одну и вовсе аннулировало. Все это позволило значительно сократить государственный долг.

Ревизии подверглась и фискальная политика государства. Существенно снизив процент комиссионных, получаемых откупщиками, Кольбер сумел увеличить размеры поступлений в казну при общем сокращении объема прямых налогов. Так, если в 1661 г. из 42 млн. ливров персональной тали в казну попало лишь 16,1 (остальные пошли на комиссионные), то в 1671 г. это соотношение составило 33,8 и 24,6 млн. ливров. Откупщикам, многие из которых были привлечены Палатой правосудия к ответственности за финансовые махинации, ничего не оставалось, как согласиться на новые условия сотрудничества с правительством. Решительные меры Кольбера в

области финансовой политики позволили сделать государственный бюджет бездефицитным, каковым он и оставался вплоть до начала войны в 1672 г.

С именем Кольбера также связана проводившаяся в те годы государственная политика меркантилизма, французская разновидность которой получила название «кольбертизм». Согласно меркантилистским принципам, богатство страны составляют драгоценные металлы, а потому государство должно поддерживать положительный торговый баланс, обеспечивая приток в страну звонкой монеты. Для решения этой задачи Кольбер предпринял ряд мер, призванных стимулировать развитие торговли: строились новые дороги и каналы, была отменена часть внутренних таможенных сборов, повышались пошлины на импортируемую готовую продукцию и, напротив, понижались на сырье, создавались при поддержке и участии государства крупные монопольные компании для ведения заморской торговли. Чтобы сократить импорт, Кольбер учреждал «королевские мануфактуры», производившие оружие и предметы роскоши. Однако, в конечном счете, результаты этой политики оказались довольно скромными: созданные «сверху» компании и мануфактуры не могли без постоянной помощи государства на равных конкурировать с английскими и голландскими предприятиями, движимыми частной инициативой.

«Золотой век» культуры

Забываясь о политическом и экономическом укреплении государства, Людовик XIV уделял также немало внимания тому, чтобы придать своей монархии внешний лоск и привлекательность. Этой цели служила государственная политика поддержки литературы, изобразительного искусства и науки, которые, в свою очередь, должны были способствовать формированию позитивного образа королевской власти.

Именно в царствование Людовика XIV были основаны такие, сохранившиеся до наших дней, центры науки и культуры, как Академия надписей и изящной словесности, Академия наук, Академия живописи и скульптуры, Музыкальная академия, Обсерватория, Королевская (ныне – Национальная) библиотека. Что касается уже существовавшей в то время Французской академии, то в 1772 г. Людовик XIV лично принял на себя

обязанности ее покровителя (ранее им был кардинал Ришелье, потом – канцлер Сегье). По инициативе монарха, Ботанический сад стал государственным учреждением.

Большой любитель литературы, музыки и театра, Людовик XIV собрал при своем дворе целое созвездие талантов: драматург Расин, поэт Буало, композитор Люлли, автор и постановщик комедий Мольер. В произведениях литераторов, художников и скульпторов нашел отражение культ «короля-солнце», как называли Людовика XIV.

Поистине рукотворным чудом стала новая королевская резиденция – Версаль. Здесь, на месте небольшого охотничьего замка, Людовик XIV в 1661 г. приказал создать грандиозный дворцово-парковый ансамбль, который продолжал развиваться на протяжении всего его царствования. Архитекторы Лево, Дорбе и Мансар возвели огромный дворцовый комплекс, во внутреннем убранстве которого были использованы произведения лучших художников и скульпторов того времени. Продолжением дворца стал созданный Ленотром обширный (около 100 га) парк, украшенный многочисленными фонтанами.

В 1682 г. Людовик XIV, питавший со времен Фронды неприязнь к Парижу, перевел двор в Версаль. Стремясь держать высшую аристократию под присмотром, Людовик XIV обязал ее проводить большую часть года при дворе, где постоянно устраивались балы, спектакли и прочие развлечения. Жизнь рядом с монархом, протекавшая по детально разработанному этикету, рассматривалась дворянством как высшая честь, однако она требовала и больших затрат. Расходы на роскошные платья, украшения, экипажи оказывались разорительными для многих придворных, что ставило их в зависимость от милостей и щедрот короля.

Территориальные приобретения Франции

Мирная передышка, последовавшая за окончанием войны с Испанией в 1659 г., позволила французскому правительству приступить к реформе вооруженных сил, направленной на повышение их боеспособности. Под руководством государственного секретаря по военным делам Летелье, а затем - Лувуа, его сына и преемника, предпринимались меры по улучшению управляемости войск, укреплению их дисциплины, унификации и

модернизации вооружения, установлению четкого порядка назначения и продвижения по службе командного состава. Кольбер занимался строительством военно-морского флота, а выдающийся теоретик и практик военной инженерии Вобан – реконструкцией старых и возведением новых крепостей. Обладая практически лучшей армией в Европе, опытными полководцами и хорошо сбалансированным бюджетом, Людовик XIV приступил к завоеваниям, которые могли бы прославить его царствование и, в тоже время, дать занятие многочисленному и воинственному французскому дворянству.

В 1665 г. умер испанский король Филипп IV. Трон перешел к его малолетнему сыну от второго брака Карлу II. Однако Людовик XIV также предъявил права на часть испанских владений, поскольку неуплата покойным королем приданого Марии-Терезии лишила ее отказ от отцовского наследства юридической силы. В качестве предлога французская сторона воспользовалась существовавшим в ряде областей испанских Нидерландов правом деволуции, согласно которому дети от первого брака имели преимущество в наследовании. Произвольно распространив эту норму частного права на межгосударственные отношения, Людовик XIV потребовал передачи Испанских Нидерландов во владение Марии-Терезии, дочери Филиппа IV от первого брака. Соответственно, начавшаяся в 1667 г. война получила название «деволюционной».

Военные действия, решающую роль в руководстве которыми играл Тюренн, развивались успешно для французов. Всего за две недели Вобан правильной осадой взял Лилль, а в начале 1668 г. армия принца Конде оккупировала принадлежавший испанцам Франш-Конте. Однако усиление Франции испугало морские державы – Англию, Голландию и Швецию, которые заключили антифранцузский союз. Под угрозой войны с коалицией Людовик XIV вынужден был 2 мая 1668 г. подписать Ахенский мирный договор, по которому из завоеванного смог сохранить за собой лишь ряд стратегически важных крепостей на юге Фландрии, включая Лилль.

Едва ли не на следующий день после заключения мира началась подготовка к новой войне. На сей раз в качестве главного противника была избрана Голландия, которая особенно активно препятствовала присоединению к Франции Испанских Нидерландов. В результате продолжительных переговоров

дипломатам Людовика XIV удалось заручиться поддержкой Англии, Швеции и Баварии. В марте 1672 г. англичане объявили Голландии войну, в апреле это же сделали французы. В июне французская армия, с юга обогнув Испанские Нидерланды, форсировала Рейн и вторглась на голландскую территорию. Всего за 22 дня французы захватили сорок городов и уже подходили к Амстердаму, когда голландцы, открыв шлюзы и затопив морской водой обширную территорию, превратили этот город в неприступный остров. Крепнувшее день ото дня сопротивление оккупантам возглавил принц Оранский, сосредоточивший в результате государственного переворота всю полноту власти в республике. Помимо руководства военными действиями, он предпринимал активные дипломатические демарши по созданию антифранцузской коалиции. Его усилия дали свои плоды: в войну против Людовика XIV вступили Испания, австрийский император и ряд германских государей. К концу 1673 г. французские войска оказались вынуждены покинуть Голландию.

В 1674 г. Англия заключила сепаратный мир. Франция в борьбе против мощной коалиции могла теперь рассчитывать лишь на помощь Швеции. Весной армия под командованием Людовика XIV, которому помогал Вобан, заняла Франш-Конте. Однако из прирейнских областей французские войска под напором превосходящих сил неприятеля вынуждены были отступить. Уходя из Пфальца, они применили принцип «выжженной земли», разоряя мирные поселения и убивая их жителей.

Несмотря на численное превосходство неприятеля, французам во второй половине 1674 г. все же удалось перехватить инициативу. В августе принц Конде при Сенеффе (Французская Фландрия) разгромил союзную армию принца Оранского, двигавшуюся на Париж. Осенью и зимой Тюренн разбил противника в Эльзасе. Впрочем, уже в следующем году Франция лишилась обоих своих лучших полководцев. В июне 1675 г. Тюренн был убит шальным ядром. Принц Конде, принявший после его смерти командование армией в Эльзасе, сумел к осени остановить неприятеля, после чего удалился от дел, уединившись в своем замке. Тем не менее, в дальнейшем боевые действия складывались для французов благоприятно. Они заняли ряд городов в Испанских Нидерландах, а молодой французский флот одержал в Средиземном море победы на испанской и голландской эскадрах.

По Нимвегенскому миру, заключенному в 1678 г. Франция получила Франш-Конте и ряд городов Испанских Нидерландов. Этот договор стал высшим достижением внешней политики Людовика XIV, которого с этого времени стали именовать Великим.

Религиозная политика Людовика XIV

Если в начале единоличного правления Людовика XIV в центре его внимания находились, прежде всего, организация государственного управления, финансы и военное дело, то с 80-х годов XVII в. все большее значение для него приобретают вопросы религии. Политика короля в этой области шла в русле общего курса на административную централизацию государства. Видя в католической церкви важнейшую опору трона, Людовик XIV считал, что любое разномыслие в религиозных вопросах, будь то протестантизм или янсенизм, ослабляет государство, а потому должно быть пресечено.

Кроме общеполитических соображений, возросший с годами интерес Людовика XIV к религии был обусловлен переменами в его личном мировосприятии. В молодости «король-солнце» достаточно вольно обращался с нормами традиционной морали, практикуя многочисленные внебрачные связи. Результатом его долголетнего адюльтера с герцогиней Лавальер было рождение четырех бастардов, с маркизой Монтеспан – восьми. Половина из этих побочных детей умерли в младенческом возрасте, остальных же король официально признал, приравняв к принцам крови. Однако с приближением старости Людовик XIV стал терзаться раскаянием за грехи молодости. После смерти в 1683 г. королевы Марии-Терезии он покончил с адюльтерами и заключил тайный брак со своей последней фавориткой маркизой Ментенон. Пышные празднества в Версале сменились молитвами и постами. Стремясь заслужить посмертное прощение, король усилил борьбу с «еретиками».

Политику постепенного принуждения гугенотов к принятию католичества посредством экономического давления и юридических ограничений правительство целенаправленно проводило еще с середины 60-х годов XVII в. Протестантов не принимали на государственную службу, запрещали им вступать в браки с католиками, хоронить своих покойников в дневное время и т.д. Зато те из них, кто переходил в католичество, получали денежные субсидии

и налоговые льготы. Однако с 80-х годов действия властей по отношению к гугенотам приобрели характер откровенного насилия. Военный министр Лувуа, ставший после смерти Кольбера в 1683 г. наиболее влиятельным членом правительства, использовал для обращения протестантов армию. В протестантских селениях на постой ставились драгуны, чинившие разнузданный произвол и насилие над местными жителями. Те, кто принял католичество, освобождались от такого постоя. Подобные «драгонады» получили столь печальную известность, что при одном только слухе о приближении «миссионеров в сапогах» население некоторых местностей в массовом порядке переходило в католическую веру.

Своего апогея религиозные гонения достигли после издания королем 17 октября 1685 г. эдикта Фонтенбло, отменявшего Нантский эдикт Генриха IV. Отныне протестантам вообще запрещалось исповедовать их веру. Тех, кто посещал тайные богослужения, отправляли на галеры, тем же, кто их совершал, грозила смертная казнь. Столь жестокие преследования вызвали массовую эмиграцию французских протестантов. Только с 1680 по 1700 г. страну покинуло от 150 до 200 тыс. человек, многие из которых были преуспевающими коммерсантами, искусными ремесленниками, опытными военными. Большинство из них поселилось в Англии, Голландии, протестантских государствах Германии, существенно усилив их экономический и военный потенциал. Часть оставшихся во Франции протестантов приняла католичество, часть продолжала тайно исповедовать свою религию.

В 1702 г. лангедокские гугеноты подняли восстание, участников которого прозвали «камизарами» (от «camisa» – белая рубашка, форма повстанцев). Скрываясь в труднодоступном скалистом массиве Севенны, камизары вели успешную партизанскую войну против королевских войск, нанося им значительный урон. Только в 1704 г. маршал Виллар, умело сочетая военные действия и переговоры, сумел положить конец движению. В дальнейшем власти воздерживались от насильственного обращения в католицизм жителей этого региона и сквозь пальцы смотрели на сохранявшиеся здесь остатки протестантизма.

В последние годы своего правления Людовик XIV предпринял решительные меры и против янсенизма. Плохо разбиравшийся в теологических вопросах и в конце жизни находившийся под сильным духовным влиянием

иезуитов, старый король считал янсенизм такой же «ересью», как и протестантизм. В 1709 г. по распоряжению монарха был закрыт, а в следующем году разрушен знаменитый монастырь Пор-Рояль, главный духовный центр янсенизма. В 1713 г. римский папа по просьбе Людовика XIV издал буллу *Unigenitus*, осуждающую янсенизм. Однако этот акт был весьма негативно встречен значительной частью населения Франции, причем не только янсенистами, чье влияние к тому времени распространилось уже на широкие слои общества, но и всеми приверженцами галликанизма, поскольку подобное обращение к папе, по их мнению, ставило французского короля в недопустимую зависимость от Рима.

Стремясь к укреплению государства путем установления религиозного единства нации, Людовик XIV, в действительности, дал толчок религиозным и политическим спорам, которые будут раздирать и ослаблять французскую монархию на протяжении всего XVIII в.

Война за пфальцское наследство

После заключения Нимвегенского мира Людовик XIV продолжал политику территориального расширения Франции, но уже не военными, а правовыми средствами. Специально созданные палаты юристов тщательно исследовали нормы феодального права, относящиеся к сопредельным с Францией землям. Если оказывалось, что какое-либо из княжеств некогда находилось в вассальной зависимости от сюзерена, чьи владения и, соответственно, феодальные права перешли позднее к французскому королю, эту территорию присоединяли к Франции. Кульминацией подобной мирной экспансии стала аннексия в 1681 г. формально нейтрального Страсбурга.

Попытка Людовика XIV в 1683 г. аналогичным путем присоединить Люксембург заставила испанцев объявить Франции войну. Силы, однако, были неравны. Французы имели подавляющий перевес на суше, а их флот господствовал в Средиземном море. Австрийский же император не мог оказать Испании действенную помощь, так как в тот момент сражался с турками, дошедшими до самой Вены. В 1684 г. Франция заключила в Регенсбурге на 20 лет перемирие с Испанией и императором, сохранив на этот срок все присоединенные территории.

Однако новый конфликт вспыхнул гораздо раньше. В 1685 г. умер курфюрст Пфальца, не оставивший наследника. Его сестра была женой Филиппа Орлеанского, брата Людовика XIV, что дало французскому королю повод предъявить права на пфальцское наследство. Чтобы противостоять французской экспансии, в 1686 г. была создана оборонительная Аугсбургская лига, куда вошли Империя, Испания, Швеция, Голландия и ряд германских государств. А после того, как в результате Славной революции 1688 г. голландский штатгальтер Вильгельм Оранский стал также и английским королем, к Лиге присоединилась Англия.

Осенью 1688 г., воспользовавшись тем, что его наиболее опасный противник, Вильгельм Оранский, занят борьбой за английский престол, Людовик XIV двинул свою армию в Пфальц. Участники Аугсбургской лиги объявили Франции войну. Пытаясь запугать неприятеля, Лувау приказал войскам применить в Пфальце тактику «выжженной земли», что, однако, привело к противоположному результату: германские государи, возмущенные бесчинствами французов, теснее сплотились вокруг императора. Франция оказалась в полной политической изоляции. Значительно уступая объединенным силам коалиции в численности войск, Людовик XIV и его министры приняли решение придерживаться оборонительной стратегии на суше и оказать помощь свергнутому английскому королю Якову II Стюарту в борьбе против Вильгельма Оранского.

В 1689 г. Яков II при содействии французского флота и войск высадился со своими сторонниками в Ирландии, где был поддержан католическим населением. Однако в 1690 г. Вильгельм нанес ему сокрушительное поражение, заставив бежать во Францию. Впрочем, на других фронтах успех был на стороне французов. Герцог Люксембургский разбил под Флерюсом голландско-имперскую армию, обезопасив Париж с северо-востока. Французский флот у мыса Бевезье одержал победу над английским. И даже вступление в войну на стороне коалиции Савойи привело лишь к ее оккупацию французскими войсками.

Новые решительные попытки переломить ситуацию были предприняты сторонами в 1692 г. Объединенные силы всех французских эскадр должны были обеспечить высадку на южном побережье Англии Якова II. Однако Средиземноморская эскадра не успела подойти к назначенному времени, и в

морском сражении при Барфлере более чем двукратное численное преимущество оказалось на стороне англо-голландского флота. Французские моряки храбро сражались, но потерпели поражение, потеряв при отступлении 15 кораблей. От планов высадки пришлось отказаться. Впрочем, попытка Вильгельма Оранского перехватить инициативу на континенте завершилась поражением объединенных сил англичан, голландцев, испанцев и немцев при Стейнкерке, которое им нанес герцог Люксембургский.

Война приняла затяжной характер и велась обеими сторонами в расчете на изнурение неприятеля. 1693 и 1694 годы выдались во Франции неурожайными. Начался голод. В этой обстановке особая ответственность легла на военно-морской флот, который занимался сопровождением транспортных судов с зерном, закупленным в Польше, и перехватом продовольственных конвоев противника. С обеими задачами ему в целом удалось справиться. В то же время французские корсары нанесли серьезный ущерб торговому судоходству морских держав. Акции английских и голландских компаний все больше падали в цене.

От войны устали все. В 1696 г. Савойя заключила с Францией сепаратный мир на почетных условиях, а в начале 1697 г. при шведском посредничестве начал работу мирный конгресс в Рисвике. Осенью стороны подписали мирный договор, по которому Франции из всех территориальных присоединений мирного времени удалось сохранить лишь Страсбург, но и то при условии, что будет снесена мощная крепость, построенная там Вобаном. Кроме того, Людовику XIV пришлось признать права Вильгельма Оранского на английский престол.

Война за испанское наследство

Сразу после заключения Рисвикского мира великие державы начали сложные дипломатические маневры в ожидании скорой кончины тяжело больного и бездетного испанского короля Карла II. Наследников по мужской линии он не имел, но поскольку законы Испании допускали наследование короны и по женской линии, наибольшие права на трон имели внук Людовика XIV герцог Филипп Анжуйский и австрийский эрцгерцог Карл. Чтобы избежать новой войны и мирным путем урегулировать проблему испанского наследства,

Людовик XIV предложил другим державам заранее договориться о его разделе. В марте 1700 г. Франция подписала такое соглашение с Англией и Голландией. Однако Карл II, не желая, чтобы Испанское королевство подверглось после его смерти разделу, завещал корону Филиппу Анжуйскому и 1 ноября скончался.

После нескольких дней напряженного обсуждения сложившейся ситуации со своими министрами Людовик XIV заявил о том, что его внук принимает наследство и становится испанским королем Филиппом V, сохраняя права и на французскую корону. Ведущие державы Европы начали готовиться к войне. Уже в 1701 г. имперская армия под командованием одного из лучших полководцев того времени принца Евгения Савойского вторглась без объявления войны в Северную Италию. 7 сентября 1701 г. император, Англия и Голландия подписали договор о союзе, а 15 мая 1702 г. официально объявили войну Франции и Испании. На стороне бурбонских монархий сначала выступили Савойя и Португалия, но затем обе покинули коалицию и некоторое время спустя перешли на сторону противника.

Первое время боевые действия развивались с переменным успехом. В Италии франко-испанская армия под командованием герцога Вандомского успешно противостояла Евгению Савойскому и одержала над имперскими войсками ряд побед. Зато в Испанских Нидерландах французы вынуждены были отступать под натиском коалиционной армии герцога Мальборо, а у берегов Испании англо-голландский флот нанес поражение испанской эскадре при Виго (23 октября 1702 г.). В 1704 г. англичане захватили Гибралтар. На западном направлении маршал Виллар успешно вторгся в пределы Империи и 20 сентября 1703 г. разбил неприятеля при Хехштедте, но затем был отозван во Францию для подавления восстания камизаров, после чего в августе 1704 г. Мальборо и Евгений Савойский при том же Хехштедте нанесли французской армии сокрушительное поражение.

Год 1706 оказался для Франции роковым. 23 мая в Испанских Нидерландах Мальборо при Рамии наголову разгромил французскую армию. Чтобы удержать фронт на северо-востоке, Людовик XIV направил туда герцога Вандомского. Но после отъезда того из Италии Евгений Савойский 7 сентября нанес жестокое поражение французской армии у Турина. В Испании эрцгерцог Карл вошел в Мадрид, где его провозгласили испанским королем Карлом III. Правда, вскоре он был изгнан оттуда Филиппом V, а в следующем году разбит

французскими войсками под командованием маршала Бервика, побочного сына Якова II Стюарта.

В 1707 г. австрийские войска заняли принадлежавший Испании Неаполь, а Евгений Савойский даже пытался взять Тулон. В 1708 г. французов вновь преследовали неудачи. 11 июля Мальборо и Евгений Савойский в Нидерландах при Ауденарде нанесли поражение герцогу Вандомскому. Мальборо хотел идти маршем на Париж, но Евгений Савойский настоял на осаде Лилля, которая пролилась до декабря.

Зимой 1709 г. ударили страшные морозы. Только в Париже за один лишь январь от холода умерло более 24 тыс. человек. В большинстве областей вымерзли озимые, погибло много скота и домашней птицы. Резко выросли цены на продовольствие, начался голод. Военные неудачи и природные катаклизмы вынудили Людовика XIV весной 1709 г. предложить противнику огромные уступки в обмен на мир. Франция соглашалась вернуться к условиям Мюнстерского договора 1648 г. и отказаться от испанского наследства, сохранив лишь Неаполь в качестве компенсации для Филиппа V. Однако союзники, опьяненные победами, потребовали от французского короля невыполнимого – послать свою армию, чтобы помочь им силой сместить его внука с испанского престола. На такое унижение Людовик XIV пойти не мог.

12 июня «король-солнце» совершил беспрецедентный шаг, напрямую обратившись к своему народу. По всей стране было разослано письмо короля, где он откровенно объяснял подданным, почему оказались сорваны мирные переговоры. Обращение Людовика XIV произвело сильное впечатление на французов, высоко подняв боевой дух нации. 11 сентября у Мальплаке (Фландрия) 70-тысячная французская армия Виллара встретила со 110-тысячной союзной армией Мальборо и Евгения Савойского. Несмотря на численное превосходство неприятеля, французы оказали ожесточенное сопротивление. Лишь к вечеру, после того, как был ранен Виллар, они отступили, чтобы занять позицию для нового сражения. Однако потери армии союзников были столь велики, что она не смогла продолжать наступление.

В 1710 г. стратегическая ситуация начинает понемногу меняться в пользу Франции. В Англии к власти пришло правительство тори, настроенных в пользу скорейшего заключения мира. Лидер вигов герцог Мальборо был отстранен от командования.

В Испании герцог Вандомский в течение одной декабрьской недели 1710 г. одержал две сокрушительные победы над армиями коалиции, что окончательно упрочило положение Филиппа V. В октябре 1711 г. Англия и Франция подписали прелиминарии мирного договора, а в начале 1712 г. открылся мирный конгресс в Утрехте. Военные действия, однако, продолжались, и 24 июля маршал Виллар под Дененом захватил врасплох и разгромил часть армии Евгения Савойского. Успех французского оружия облегчил работу французских дипломатов. 11 апреля 1713 г. Франция заключила Утрехтский мир со всеми своими противниками, кроме Империи. По этому договору Людовик XIV уступил ряд крепостей во Фландрии и Ньюфаундленд в Америке. Зато Филипп V сохранил испанскую корону, хотя и был вынужден отказаться от прав на французскую.

Война с Империей продолжалась еще год и завершилась лишь 6 марта 1714 г. подписанием Раштадтского мира. Франция удержала Эльзас со Страсбургом, но потеряла ряд крепостей на правом берегу Рейна. Император отказался от прав на испанскую корону, получив в качестве компенсации Нидерланды, Неаполь, Сардинию и Тоскану.

Таким образом, несмотря на крайне неудачный ход войны, Людовику XIV удалось с минимальными издержками выйти из затруднений. Бурбоны все же воцарились на испанском троне, а Франция избежала серьезных территориальных потерь. Однако страна была настолько ослаблена этой войной, что о французской гегемонии в Европе больше не могло идти и речи.

1 сентября 1715 г. Людовик XIV скончался.

Глава 9

Век Людовика XV

Регентство Филиппа Орлеанского

После смерти Людовика XIV в 1715 г. корона перешла к его пятилетнему правнуку Людовику XV. До совершеннолетия юного монарха обязанности регента, согласно традиции, предстояло исполнять его ближайшему родственнику – герцогу Филиппу Орлеанскому, который был племянником Людовика XIV и мужем его побочной дочери. Впрочем, при жизни «король-солнце» относился к будущему регенту с большим подозрением. Обладая несомненными способностями государственного мужа и военачальника, проявленными, в частности, во время Войны за испанское наследство, Филипп Орлеанский своим равнодушием к делам религии и любовью к мирским наслаждениям являл собою полную противоположность Людовику XIV, отличавшемуся на склоне лет истовой набожностью и аскетизмом. В своем завещании старый король постарался ограничить полномочия регента, поручив воспитание и охрану Людовика XV своему побочному сыну герцогу Мэну. Однако Филипп Орлеанский, вступая в должность, сумел заручиться поддержкой Парижского парламента, который, изменив завещание короля, наделил регента всей полнотой власти. В качестве ответной услуги парламент вновь получил право ремонстраций, фактически сведенное на нет предыдущим монархом.

После смерти «короля-солнце» его преемнику досталось незавидное наследство – огромный государственный долг, пустая казна, недовольство подданных непомерными налогами, религиозные разногласия в обществе, внешнеполитическая изоляция. Все эти проблемы и пришлось решать правительству Регенства, что в целом ему достаточно неплохо удалось.

При Филиппе Орлеанском двор покинул Версаль и перебрался в Париж, приблизившись к народу, который мог отныне едва ли не ежедневно лицезреть юного короля. Были снижены налоги. Религиозные преследования прекратились. Суровое благочестие последних лет царствования Людовика XIV сменилось модой на веселые праздники и галантные нравы, что пришлось

французам гораздо больше по вкусу. Все это способствовало популярности новой власти.

Правительству удалось также существенно оздоровить финансы. В результате проведенной в 1715 г. перерегистрации находившихся в обороте ценных бумаг, часть которых была девальвирована, а наиболее сомнительные и вовсе аннулированы, значительно уменьшились выплаты по государственному долгу. Созданная в 1717 г. Палата правосудия «выжимала губки», штрафуя финансистов за злоупотребления предшествовавших лет. Сократились государственные расходы.

Наиболее радикальные меры в сфере денежного обращения были связаны с именем Джона Лоу. Этот перешедший на французскую службу шотландский банкир увлек Филиппа Орлеанского грандиозными проектами финансовых реформ и получил поддержку регента в их осуществлении. В 1716 г. Лоу основал банк с правом выпуска кредитных билетов, который в 1718 г. получил статус государственного. В 1717 г. Лоу создал и возглавил Западную компанию, имевшую целью освоение Луизианы. Поглотив ряд других монополий, эта компания в 1718 г. стала называться Индийской и получила огромные привилегии. Ее акции многократно подскочили в цене. Общество охватила спекулятивная лихорадка, подогреваемая быстрым увеличением денежной массы за счет введения в оборот бумажных денег. Началась инфляция, от которой выигрывало не только правительство, чьи долги в реальном измерении сокращались, но и производители, поскольку кредит дешевел, а цены на товары росли. Экономика вышла из кризиса и находилась на подъеме.

Во внешней политике правительство регента также достигло заметных успехов, выведя страну из той изоляции, в которой она оказалась по вине Людовика XIV. В 1717 г. аббат Дюбуа, руководивший французской дипломатией, добился заключения Тройственного союза в составе Англии, Голландии и Франции, который в 1718 г. с присоединением к нему Австрии превратился в Четверной союз. Это вызвало обострение отношений с Испанией, находившейся с Австрией в состоянии войны. Испанский король Филипп V, внук Людовика XIV, попытался задействовать своих сторонников во Франции, чтобы изменить ее внешнеполитический курс. В конце 1718 г. в Париже был разоблачен заговор, организованный испанским послом Селламаром. Участвовавший в нем герцог Мэн был отправлен в крепость, его жена – в

ссылку, а маркиз Понткалле – на эшафот. В январе 1719 г. Франция объявила Испании войну. Французская армия маршала Бервика и английский флот быстро разгромили испанцев, и уже год спустя был заключен мир. В 1721 г. на смену Четверному союзу пришел новый альянс – Англия, Франция и Испания. Договор о его создании предусматривал брак Людовика XV с испанской инфантой, что должно было укрепить отношения между родственными династиями.

Пожалуй, только в религиозной сфере усилия регента по разрешению проблем, накопившихся в предыдущее царствование, с самого начала столкнулись с непреодолимыми преградами. Равнодушный к религиозным спорам, Филипп Орлеанский попытался снизить их накал, придерживаясь нейтралитета по отношению к участвовавшим в них сторонам. Янсенистов даже включили в состав Королевского совета. Однако полемика не только не ослабела, а еще более ожесточилась. В 1717 г. Сорбонна отвергла папскую буллу *Unigenitus*, направленную против янсенистов. Протесты против буллы поддержали и парламенты, поскольку среди оффисье было особенно много янсенистов. Это привело к обострению отношений с папой, и с 1720 г. регент занял по отношению к янсенистам достаточно жесткую позицию.

Год 1720 в целом оказался для регентства кризисным. Спекулятивный ажиотаж, порожденный «системой Лоу», вышел из-под контроля государства. Индийская компания, чьи акции шли на рынке по цене в 40 раз (!) превышавшей номинал, не принесла ожидаемой прибыли и превратилась в «финансовую пирамиду». Летом 1720 г. наступил крах. Государство фактически признало свое банкротство. Протестовавший против этого решения Парижский парламент был отправлен в ссылку. Толпы акционеров, потерявших вложенные деньги, устраивали на улицах беспорядки. Лоу вынужден был тайком бежать из страны. В 1722 г. двор опять перебрался в Версаль подальше от беспокойного Парижа..

16 февраля 1723 г. было объявлено о совершеннолетию Людовика XV. 2 декабря герцог Орлеанский умер.

Правление кардинала Флери

После смерти Филиппа Орлеанского юный король хотел видеть в должности первого министра своего бывшего наставника, кардинала Флери. Однако претензии на этот пост предъявил первый принц крови Бурбон-Конде. Кардиналу пришлось уступить ему руководство правительством.

Впрочем, правление герцога Бурбона оказалось недолгим и было отмечено рядом серьезных стратегических ошибок. Опасаясь, что в случае возможной смерти бездетного Людовика XV корона перейдет к конкурировавшей с кланом Конде Орлеанской ветви, первый министр решил ускорить вступление короля в брак. Ну а поскольку испанская инфанта, на которой тот должен был жениться, была еще слишком юна, ее отослали обратно в Мадрид, чем смертельно оскорбили испанского короля. Он разорвал отношения с Францией и начал сближение с ее соперником Австрией. Кроме того, среди всех коронованных невест Европы герцог Бурбон выбрал едва ли не наименее родовитую – Марию Лещинскую, дочь бывшего польского короля. Ее отец Станислав Лещинский был возведен на польский трон шведским королем Карлом XII, но после Полтавской битвы уступил корону саксонцу Августу II, союзнику Петра I. Таким образом, французской королевой стала дочь не наследного, а выборного и к тому же свергнутого монарха, что вызвало недовольство общественного мнения Франции. И, наконец, угроза войны с Испанией побудила правительство на крайне непопулярную меру – введение нового прямого налога, после чего репутация первого министра была окончательно подорвана. В июне 1726 г. Людовик XV заявил, как некогда его предшественник, что сам будет своим первым министром и лишил герцога Бурбона этого поста. Фактическим же руководителем правительства стал 73-летний кардинал Флери.

Успешную карьеру – от простого каноника до кардинала – сын сборщика налогов Флери сделал, благодаря своим незаурядным способностям. Мудрый политик, тонкий дипломат, человек просвещенного ума и блестящего образования, член Французской академии, он обладал удивительной работоспособностью и, несмотря на почтенный возраст, твердо держал бразды правления государством в течение почти 17 лет. Лейтмотивом его политической деятельности было стремление гасить конфликты внутри страны и, насколько возможно, избегать их в межгосударственных отношениях.

Наиболее острой внутривнутриполитической проблемой по-прежнему оставалась религиозная. Флери усилил нажим на янсенистов, начатый еще в период

Регентства. Он добился признания буллы *Unigenitus* всеми французскими епископами и Сорбонной, лишив тем самым янсенистов опоры в высшей церковной иерархии. Главным политическим оплотом янсенизма оставались парламенты, и Флери повел наступление против них. В 1730 г. правительство принудило Парижский парламент зарегистрировать буллу *Unigenitus* на королевском заседании. Однако борьба не прекратилась. Страна оказалась наводнена множеством янсенистских памфлетов, направленных против папы и приверженцев ультрамонтанства (от латинского *ultra montes* – за горами, т.е. в Риме). Авторы этих сочинений ставили под сомнение право светских властей вмешиваться в религиозные споры. Правительство преследовало издателей и распространителей оппозиционной литературы, парламент, напротив, брал их под защиту и, в свою очередь, постановлял сжигать наиболее радикальные ультрамонтанские памфлеты. Дискуссия наносила серьезный ущерб авторитету короля и церкви. Лишь в 1733 г. Флери, применив самые решительные меры воздействия на парламент – от ограничения права ремонстраций до ссылки наиболее несговорчивых оффисье, заставил его прекратить открытую поддержку янсенистов.

В сфере финансового управления правительство Флери добилось обеспечения стабильных поступлений, передав сбор основных косвенных налогов компании из сорока генеральных откупщиков, которые за это обязывались ежегодно вносить в казну фиксированную сумму. Разумеется, как и любые откупа, подобная система не была свободна от злоупотреблений, однако, по сравнению с предшествующим временем, это был важный шаг к созданию унифицированной системы сбора налогов.

Большое внимание Флери уделял развитию путей сообщения. Правительство установило для податного населения специальную повинность – корве, по которой каждый мужчина должен был шесть дней в году отработать на дорожном строительстве. Для подготовки соответствующих инженерных кадров была создана Школа дорог и мостов. По инициативе и при поддержке государства проводились обширные картографические исследования. Для установления точных размеров Земли были организованы научные экспедиции к экватору и в Лапландию.

Во внешней политике кардинал Флери преследовал традиционную для французской дипломатии двух предшествующих столетий цель – ограничение

влияния австрийских Габсбургов. Путем сложных маневров он сумел расстроить союз Австрии с Испанией и подготовить почву для сближения с последней. В 1733 г. Франция и Испания заключили «фамильный пакт» и вместе выступили против России и Австрии в *Войне за польское наследство*. Поддержав претензии своего тестя Станислава Лещинского на польскую корону, Людовик XV двинул в Германию и в Италию войска под командованием восьмидесятилетних полководцев «короля-солнца» маршалов Бервика и Вилара. Армия первого захватила крепость Филиппсбург, но сам маршал погиб при осаде. Вилар взял Милан, где и умер от старости. Впрочем, исход войны решился в Польше. Там русские войска разгромили сторонников Станислава Лещинского, после чего польская корона досталась союзнику России и Австрии, саксонцу Августу III. По заключенному в 1735 г. мирному договору, Станислав отрекся от польского престола и получил в качестве компенсации Лотарингию, которая после его смерти должна была перейти к французской короне. Таким образом, хотя Франция и не достигла главной цели, ради которой вступила в войну, в целом итог для нее оказался достаточно благоприятным.

Война за австрийское наследство

В октябре 1740 г. умер австрийский император Карл VI. Еще при жизни он получил согласие ведущих европейских держав на то, чтобы его наследницей стала дочь Мария-Терезия. Однако после смерти императора некоторые из соседей поспешили воспользоваться ослаблением Австрии. Уже в декабре прусский король Фридрих II аннексировал принадлежавшую ей Силезию.

При французском дворе мнения о том, какую позицию следует занять в начавшемся конфликте, разделились. Кардинал Флери был против прямого вмешательства в германские дела, но симпатии Людовика XV оказались на стороне тех, кто предлагал ему воспользоваться благоприятной ситуацией для возведения на императорский престол своего родственника и союзника, баварского курфюрста Карла-Альберта. Во главе этой партии стоял внук знаменитого Фуке, маршал Бель-Иль. Именно ему король поручил подписание в июне 1741 г. союзного договора с Пруссией.

На первом этапе войны Франция формально в ней не участвовала, а лишь предоставила баварскому курфюрсту вспомогательный корпус. Французско-баварская армия вторглась в Чехию и в ноябре 1741 г. заняла Прагу. 24 января 1742 г. имперский сейм избрал Карла-Альберта императором под именем Карла VII. Однако уже в феврале австрийские войска захватили столицу Баварии Мюнхен. Фридрих II вступил в тайные переговоры с Марией-Терезией и фактически предал своих союзников. В результате, к концу 1742 г. французская армия оказалась блокирована в Праге, и только благодаря решительности маршала Бель-Иля сумела в тяжелых зимних условиях выйти из окружения. Но в 1743 г. положение Франции еще больше осложнилось. 29 января умер кардинал Флери. В июне высадившаяся в Австрийских Нидерландах английская армия под командованием Георга II нанесла французам жестокое поражение.

В 1744 г. Франция официально объявила войну Англии и Австрии. Правительство предприняло энергичные меры по реорганизации вооруженных сил и повышения их боеспособности. Во главе армии был поставлен маршал Мориц Саксонский. Находившийся на французской службе с 1720 г. этот побочный сын Августа II, польского короля и саксонского курфюрста, уже имел к тому времени славу опытного полководца и крупного теоретика военного искусства. С его назначением инициатива на главном театре военных действий – в Нидерландах – окончательно перешла к французам. В апреле 1745 г. Мориц Саксонский наголову разгромил англичан при Фонтенуа, в 1746 г. нанес поражение австрийцам и занял Брюссель, а в 1747 г. разбил англичан у Маастрихта и в 1748 г. взял этот важный город.

Правда, на других фронтах события складывались неблагоприятно для Франции. В последние дни 1745 г. англичане нанесли удар по Дюнkerку, сорвав готовившийся французами бросок через Ла-Манш. Потерпела крах и организованная Францией высадка в Шотландии принца Стюарта, претендента на английский престол. В Северной Америке неожиданный рейд английского отряда привел к падению стратегически важной французской крепости Луисбург. Австрийские же войска не только выбили французов из Италии, но и вторглись в Прованс, откуда их с большим трудом вытеснил маршал Бель-Иль.

Один за другим отпадали и союзники. После смерти в 1745 г. Карла VII его сын отказался от претензий на императорскую корону и на сейме поддержал кандидатуру мужа Марии-Терезии, ставшего императором под именем Франца

I. Прусский король Фридрих II также пошел на сепаратное соглашение с Австрией.

В 1748 г. участвовавшие в войне страны заключили в Аахене мирный договор, ставший крупным провалом французской дипломатии. Франция отказалась от всех своих завоеваний в Нидерландах, полностью оккупированных армией Морица Саксонского, и в Индии, где губернатор Дюпле одержал над англичанами ряд побед. Взамен она получила лишь восстановление статус-кво в Северной Америке. Зато Фридрих II, не раз предававший союзников-французов, благополучно удержал за собой аннексированную Силезию. Французское общество, обнаружив, что Франция «воевала для прусского короля», крайне негативно восприняло Аахенский договор. Огромные материальные и людские ресурсы оказались потрачены напрасно. Появилась даже поговорка «глуп, как мир».

В определенном смысле Война за австрийское наследство стала поворотным пунктом царствования Людовика XV. Она привела к резкому падению популярности правительства и к росту государственного долга, во многом сведя на нет усилия по нормализации финансов, предпринимавшиеся ранее Филиппом Орлеанским и Флери. Обе эти негативные тенденции получат развитие в последующие годы: престиж власти будет и дальше падать, государственный долг – увеличиваться.

Рост оппозиционных настроений

Годы 1747 и 1748 выдались неурожайными. Высокие цены на продовольствие вызвали социальное напряжение, искавшее выхода. Недовольство Аахенским миром еще больше усилило оппозиционные настроения в широких слоях общества, ждавших только предлога, чтобы придти в движение. Таким предлогом стали вновь вспыхнувшие распри между епископатом католической церкви и янсенистами.

После того, как парижский архиепископ запретил причащать тех прихожан, кто не мог предъявить свидетельство об исповеди за подписью священника, признающего буллу *Unigenitus*, похороны людей, лишенных последнего причастия за свои янсенистские убеждения, стали выливаться в многотысячные демонстрации. В защиту янсенистов выступили также

парламенты, которые начали привлекать к суду священнослужителей, отказывавших верующим в причастии. Между епископатам и парламентами разгорелась настоящая «война деклараций». Даже такой, казалось бы, сугубо частный вопрос, как реформа системы общественных госпиталей, находившихся в ведении церкви, выливался в затяжной юридический конфликт с ярко выраженным политическим подтекстом. В 1752 г. парламент даже попытался отдать под суд самого парижского архиепископа.

Власти старались удерживать обе стороны от крайностей, однако чаще все же брали под защиту церковь. Это создало в народе парламентам репутацию борцов против «тирании» правительства и епископата. Городские «низы» плохо разбирались в теологических и юридических тонкостях дебатов и думали, будто парламенты защищают интересы бедняков. Чувствуя широкую поддержку общественного мнения, оффисье предъявляли все более далеко идущие претензии на участие в управлении. Они утверждали, что суды королевства являются частями единой политической корпорации, которая служит главным хранителем законности. Отказы парламентов в регистрации постановлений Королевского совета стали постоянной практикой. В своих ремонстрациях, издаваемых нередко по достаточно частным вопросам, суверенные суды критиковали действия светской власти и церкви в целом. Попытки правительства применить традиционные способы давления на судейских должностных лиц – от ареста наиболее строптивых из них до высылки в провинцию парламента в целом – вызывали негативную реакцию общественного мнения, после чего министры шли на попятную. Власть не имела политической воли, чтобы довести до конца принимаемые решения, а бесконечные метания из стороны в сторону лишь подрывали ее авторитет.

40-е – 50-е годы XVIII в. стали также временем расцвета рационалистической философии Просвещения. В 1746 г. Дидро опубликовал свои «Философские мысли», в 1748 г. вышел трактат Монтескье «О духе законов», в 1749 г. – первый том «Естественной истории» Бюффона, в 1750 г. – «Рассуждение о науках и искусствах» Руссо и «Век Людовика XIV» Вольтера, в 1751 г. – первый том «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, в 1755 г. – «Рассуждение о происхождении неравенства» Руссо и «Экономическая таблица» Кенэ. Эти и другие сочинения просветителей подрывали основы христианского мировоззрения, ставили под сомнение «разумность» реально

существовавших государственных институтов. И хотя произведения представителей философии «высокого Просвещения» оставались преимущественно достоянием образованной элиты, множество мелких памфлетистов занимались популяризацией высказанных в них критических идей, нелегально издавая для широкой публики грошовые антиправительственные и антицерковные брошюры. Время от времени подобные сочинения осуждались как церковью, так и парламентом, однако это лишь возбуждало общественный интерес к запрещенным писаниям.

Кульминацией антиправительственной кампании стало покушение на короля в январе 1757 г. Некий Дамьен, ранее работавший слугой в домах ряда советников парламента, настолько попал под впечатление от звучавшей там тираноборческой риторики, что попытался ножом заколоть Людовика XV. Власти опасались, что это может стать сигналом к всеобщему восстанию. Однако при известии о покушении маятник общественных настроений качнулся в обратную сторону. Люди повсеместно радовались чудесному спасению короля, а возглавлявший антиправительственную оппозицию Парижский парламент в подтверждение своей лояльности осудил Дамьена на мучительную казнь.

Реформы Машо д'Арнувиля

Несмотря на временные трудности в неурожайные годы, в целом XVIII век был для Франции временем устойчивого и довольно быстрого экономического роста. Однако из-за несовершенства налоговой системы, перегруженной привилегиями, французская монархия представляла собою «бедное государство в богатой стране». Особенно неравномерным было распределение прямых налогов. Наиболее богатые слои общества – дворянство и духовенство – персональную талью в силу традиционных привилегий вообще не платили, реальную талью платили лишь с приобретенных ими ротюрных (непривилегированных) земель и даже от нового налога, капитации, в большинстве своем (а духовенство целиком) откупились. Соответственно, главным ресурсом упорядочения финансовой системы становилось более справедливое перераспределение прямых налогов. Сразу по окончании Войны за австрийское наследство инициативу в проведении реформ, направленных на

сокращение привилегий, взял на себя генеральный контролер финансов Ж.Б. Машо д'Арнувиль, умелый и жесткий администратор, «стальной учтивец», как его называли.

В мае 1749 г. правительство отменило десятину – прямой налог, временно введенный для покрытия военных расходов. Взамен вводился новый постоянный налог – двадцатина. Поступления с него должны были идти в специальную кассу погашения государственного долга. В преамбуле особо подчеркивалось, что налог носит всеобщий характер: «ничто не может быть более правильным и справедливым, чем распределение налога между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров доходов». Причем, основная тяжесть двадцатины ложилась на имущие слои населения, так как обложению подлежал лишь «чистый доход» – от земельной собственности, от торговли и промышленности, от движимого имущества, от должностей, но не плата наемных работников. Эдикт предусматривал подачу всеми налогоплательщиками декларации о доходах в течение 15 дней с установленного срока. Для проверки деклараций назначались контролеры, имевшие право штрафовать уклоняющихся от уплаты.

В августе 1749 г. было ограничено право духовенства приобретать недвижимость, поскольку, переходя к нему, она выпадала из фонда земель, облагаемых персональной тальей.

Реформы Машо вызвали ожесточенное сопротивление традиционных государственных институтов – парламентов, провинциальных штатов, а также – церкви. Ну а поскольку преобразования были предприняты в крайне неблагоприятной обстановке широкого распространения оппозиционных настроений и падения авторитета власти, они не получили поддержки даже тех слоев общества, которые в перспективе должны были выиграть от более равномерного перераспределения фискального гнета.

В авангарде борьбы против налоговой реформы вновь оказались парламенты и, прежде всего, Парижский. Последний в своих ремонстрациях заявлял, что двадцатина приведет к разорению дворянства – «души королевства». Приводились демагогические ссылки на общественное мнение: «Не начнет ли Ваш народ, Сир, – обращался Парламент к королю, – думать, что полученные в результате этого сурового налога средства будут использованы не по назначению?» Лишь прибегнув к мерам самого жесткого давления,

правительство заставило парламенты зарегистрировать соответствующие эдикты. Протестовали против введения двадцатины и провинциальные штаты Бретани, Прованса, Лангедока и Артуа. Чтобы сломить их сопротивление, королю пришлось даже распустить штаты Лангедока.

Но особенно неожиданной для власти оказалась оппозиция со стороны церкви. Правительство, постоянно оказывавшее поддержку епископату против янсенистов, рассчитывало на его уступчивость в вопросе о двадцатине. Однако духовенство категорически отказалось поступиться своим фискальным иммунитетом и начало упорную борьбу, увенчавшуюся в 1751 г. подтверждением его привилегий. Таким образом, хотя Машо и удалось добиться введения двадцатины, этот налог лишился своего принципиального преимущества – всесословности, поскольку церковь – крупнейший земельный собственник – под него не попадала.

Правительственная карьера Машо д'Арнувиля закончилась в 1757 г., когда король, напуганный покушением Дамьена, отправил в отставку двух своих наиболее ярких министров – поссорившегося с епископатам Машо и графа д'Аржансона, руководившего полицией, а потому ненавидимого янсенистами.

Семилетняя война

Аахенский мир не разрешил существовавшие противоречия между европейскими державами. В частности, колониальное соперничество Франции и Англии не только продолжалось, но и усилилось. Особенно острую форму оно приобрело в Северной Америке, где неоднократно происходили столкновения между французскими и английскими поселенцами в районе озера Онтарио. Метрополии вели между собою трудные переговоры о разграничении владений и одновременно оказывали военную помощь своим колонистам. В июне 1755 г. английская эскадра захватила шедшие в Квебек французские суда с оружием и припасами. В декабре того же года французское правительство предъявило ультиматум, требуя их освободить. В январе 1756 г. Англия ультиматум отклонила. Война стала неизбежной.

Спешно готовясь к ней, обе державы стремились заручиться поддержкой союзников. Однако ни той, ни другой не удалось сохранить альянсы времен Войны за австрийское наследие. Пришлось искать друзей среди прежних

противников. Эта радикальная перемена союзов получила в исторической литературе название «дипломатической революции». Уже в январе англичане заключили союзный договор с Пруссией. Узнав об этом, французы 1 мая 1756 г. подписали Версальский пакт с Австрией, которая, в свою очередь, находилась в союзных отношениях с Россией. И в том же месяце Франция объявила Англии войну.

Первое время боевые действия развивались для французов и их союзников вполне успешно. В 1756 г. они заняли принадлежавший англичанам остров Минорка в Средиземном море и большой форт Освего в Канаде. По соглашению с Генуей, французские войска высадились на Корсике. И хотя Фридрих II оккупировал Саксонию, та продержалась достаточно долго, чтобы Австрия смогла подготовиться к войне. В августе 1757 г. русские войска нанесли пруссакам поражение при Гросс-Егерсдорфе и заняли Восточную Пруссию. Фридрих II вынужден был также оставить Силезию. В сентябре основные силы французской армии заставили капитулировать английский корпус в Ганovere.

Однако, попав, казалось бы, в безвыходное положение, прусский король энергичными действиями сумел переломить ситуацию. Сначала в Саксонии он 5 ноября разгромил при Росбахе вспомогательную армию союзников, состоявшую из французских частей и войск германских государств, совершил марш-бросок в Силезию и 5 декабря разбил австрийцев при Лейтене.

Поражение при Росбахе положило начало длительной полосе неудач, преследовавших французов уже до самого конца войны. 23 июня 1758 г. союзник Пруссии герцог Брауншвейгский разбил французскую армию при Крефельде, после чего Франция практически прекратила активное участие в войне на континенте. Отныне французы пытались, прежде всего, защитить свои колонии и морские границы, но и это, увы, безуспешно. В 1758 г. англичане выбили их из Сенегала, в Северной Америке взяли Луисбург и не раз атаковали с моря побережье самой Франции. В 1759 г. английский флот разгромил французскую эскадру, предназначенную для высадки десанта в Шотландии, а французская армия в Германии потерпела поражение при Миндене. В том же году англичане захватили французские колонии в Вест-Индии, а в 1760 – в Канаде и в Индии.

Из всех этих потерянных заморских владений Франция по заключенному в 1762 г. Парижскому мирному договору смогла вернуть себе лишь часть вест-индских островов.

Семилетняя война еще больше углубила политический кризис во Франции. Неудачи на фронтах, министерская чехарда – за семь лет сменилось пять генеральных контролеров финансов – демонстрировали слабость государства. Общественное мнение не оказывало поддержки правительству: прямой угрозы для французской территории со стороны неприятеля, что могло бы заставить нацию сплотиться, не было, а борьба за колонии воспринималась народом как малопонятное, но дорогостоящее предприятие.

Парламенты во время войны не только продолжали оппозиционную деятельность, но даже активизировали ее, стремясь воспользоваться ослаблением правительства для расширения своих полномочий. В Безансоне, Бордо и Руане местные парламенты при поддержке подчиненных им судов развернули кампании за устранение неугодных им представителей центральной власти в своих провинциях.

Наиболее же крупной победой парламентской оппозиции стало изгнание из Франции иезуитов, являвшихся самыми решительными противниками янсенистов. Решение об этом принял сначала парламент Руана в феврале 1762 г., после чего оно было поддержано всеми остальными парламентами. Король, не желая нового затяжного конфликта с судейской корпорацией в военное время и рассчитывая взамен получить с ее стороны поддержку правительственных мер по упорядочению финансов, пошел навстречу и в ноябре 1764 г. подписал эдикт о прекращении деятельности Ордена на территории Франции.

Борьба правительства за реформы

Семилетняя война убедительно продемонстрировала низкую боеспособность французской армии и флота. Требовалась радикальная реформа вооруженных сил. Ее душой стал герцог Шуазель, занимавший посты государственного секретаря по иностранным (1758-1761, 1766-1770), военным (1761-1770) и военно-морским (1761-1766) делам, а фактически возглавлявший правительство. Создание знаменитой Военной школы в Париже и Школы

военных инженеров в Мезьере позволило существенно улучшить подготовку командных кадров. Радикальной реорганизации подверглась артиллерия. Был значительно усовершенствован процесс обучения рядового состава, приняты меры по укреплению дисциплины, в частности, войска переводились на казарменное содержание, создана система социального обеспечения ветеранов. Все эти преобразования заложили основу тех блестящих побед, которые французская армия одержит в годы Революции и наполеоновской Империи.

Не столь успешными оказались очередные попытки министров усовершенствовать систему налогообложения путем более равномерного распределения фискального бремени. В 1763 г. по инициативе генерального контролера финансов Бертена король издал эдикт о подготовке общего кадастра земель, включая владения короны, церкви и дворянства, что было необходимо для последующего введения единого поземельного налога. Однако, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением суверенных судов и, прежде всего, парламентов при регистрации этого закона, правительство его отозвало.

Бертен, после этой неудачи покинувший пост генерального контролера, но оставшийся в правительстве, добился в 1763 г. принятия эдикта о ликвидации ограничений в циркуляции зерна внутри страны и разрешении его свободного импорта и экспорта. Эти меры, ставшие важным шагом к созданию свободного рынка, действовали до 1770-1771 гг., пока очередной неурожай не заставил их отменить.

Успехи в изгнании иезуитов и в недопущении принятия земельного кадастра вдохновили парламенты на новые активные действия по расширению своих полномочий. В 1764-1768 гг. внимание всей страны оказалось приковано к конфликту в Бретани между королевским интендантом и парламентом Ренна. Дело дошло даже до временного роспуска парламента, в поддержку которого выступили местные штаты, а также суверенные суды всей Франции. Любопытно, что в своей борьбе против предпринимавшихся королевской властью попыток модернизации государственного строя такие консервативные, архаические институты, как парламенты, широко использовали новейшие разработки философии Просвещения, в частности, естественноправовую теорию. Напротив, правительство в стремлении к обновлению государства апеллировало к традиционным ценностям, напоминая о священном праве королей.

В 1770 г. Людовик XV отправил в отставку герцога Шуазеля из-за разногласий по вопросам внешней политики. Шуазель хотел воспользоваться обострением отношений между Англией и французским союзником Испанией, чтобы взять у англичан реванш за Семилетнюю войну. Король же предпочитал сконцентрировать усилия на стабилизации обстановки внутри страны. В проведении этой политики ведущие роли отводились канцлеру Мопу и генеральному контролеру финансов аббату Террэ.

Рене-Николя Мопу, решительный и жесткий администратор, неутомимый труженик, хорошо знал своего будущего противника, поскольку до назначения в 1768 г. канцлером сам занимал пост первого президента Парижского парламента. Хотя предпринятая им реформа системы судопроизводства носила столь радикальный характер, что в устах современников даже получила название «революции Мопу», по уровню проработки и исполнения многие историки признают ее едва ли не образцовой.

Канцлер начал с того, что дал парламентам шанс на достижение компромисса ценой отказа от их претензий на политическую власть. В декабре 1770 г. король издал и внес на регистрацию в Парижский парламент «дисциплинарный эдикт», содержащий три статьи: 1) парламентам запрещалось использовать термины «единство», «неделимость», «класс» для обозначения своей общности, поддерживать контакты друг с другом и обсуждать на заседаниях ремонстрации других палат; 2) судебским должностным лицам запрещалось прерывать судопроизводство и коллективно выходить в отставку, чем они нередко пользовались в качестве меры давления на правительство; 3) право ремонстраций сохранялось, но воспрещалось противодействовать исполнению любого нормативного акта после его регистрации. Эдикт вызвал негодование Парижского парламента, немедленно ушедшего в коллективную отставку и приготовившегося к привычной затяжной борьбе. Однако ответ Мопу оказался беспрецедентно жестким. Советники Парижского парламента были высланы в провинцию, а их должности конфискованы. 23 февраля 1771 г. вышел эдикт, согласно которому округ Парижского парламента сокращался, а сам он подлежал реорганизации. На вышедших из-под его юрисдикции территориях создавались принципиально новые виды судов – Высшие советы. Их состав назначался королем, продажность должностей и денежные поборы судебных должностных с

участников тяжб отменялись. Эти суды не имели права ремонстраций. Должностные лица реорганизованного парламента были назначены из числа советников Большого совета и Палаты косвенных сборов, а те ликвидированы.

Во второй половине 1771 г. аналогичным преобразованиям подверглись и провинциальные парламенты. Причем, сильнее других пострадали наиболее оппозиционные, например, Руанский, на месте которого были созданы два новых суда. Частичную реорганизацию претерпели и суды низших инстанций. Мопу столь быстро и решительно провел реформу, что парламенты не успели оказать организованного сопротивления. И хотя их сторонники развернули против правительства памфлетную войну, обвиняя его в «деспотизме», уже в 1772 г. она постепенно сошла на нет.

Реформа Мопу не только сделала судопроизводство более дешевым и эффективным, но также избавила центральную власть от постоянного противника любых нововведений. Воспользовавшись сложившейся благоприятной ситуацией, аббат Террэ в 1771-1773 гг. провел ряд мер по упорядочению финансов и сокращению государственного долга. В частности, он усовершенствовал контроль за доходами и соответственно собираемость двадцатины, а также пересмотрел в пользу государства соглашение с генеральными откупщиками по сбору косвенных налогов.

Наметившаяся стабилизация была нарушена неожиданной смертью Людовика XV от оспы 10 мая 1774 г.

Глава 10

Людовик XVI: последние попытки реформ Старого порядка

Реформы Тюрго

После смерти Людовика XV трон унаследовал его внук Людовик XVI. Двадцатилетний юноша, очень набожный и искренне желавший стать для своих подданных отцом-благодетелем, был, однако, слабоволен и слишком подвержен влиянию окружения, особенно жены – Марии-Антуанетты. К тому же он совсем не имел политического опыта, поскольку дед не посвящал его в государственные дела. Французы, уставшие от долгого царствования Людовика XV, с симпатией отнеслись к молодому королю, на которого, как нередко бывает при смене власти, они возлагали большие надежды. Введенный в заблуждение видимостью всеобщего согласия и стремясь отмежеваться от непопулярной политики предшественника, Людовик XVI восстановил парламенты и другие суверенные суды. Узнав об этом, отправленный в отставку канцлер Мопу заметил: «Я выиграл для короля процесс, продолжавшийся триста лет. Но если он хочет его проиграть, это – его право». Действительно, одним росчерком пера оказались сведены на нет многолетние усилия предыдущих правительств сломить сопротивление наиболее сильного и последовательного противника модернизации государственного строя.

Впрочем, необходимость реформ была очевидна даже юному монарху. Именно для их осуществления он в августе 1774 г. назначил генеральным контролером финансов Анна-Робера-Жака Тюрго. Известный экономист-физиократ, автор трудов по философии, истории и экономике, участник знаменитой «Энциклопедии», Тюрго не только пользовался уважением просвещенной части общества, но и проявил себя к тому времени способным администратором на посту интенданта Лимузена.

Сторонник либерализации экономики, Тюрго в сентябре 1774 г. ввел свободную торговлю хлебом по всей территории Франции. Это вызвало недовольство местных властей, лишившихся возможности спекулировать теми запасами зерна, которые традиционно создавались государством в провинциях на случай неурожая. К скрытому противодействию противников реформы, тайно подстрекавших против нее население, добавились неблагоприятные природные условия. Урожай в 1774 г. выдался скудный, что привело зимой-

весной 1775 г. к резкому росту цен на хлеб. Общественное мнение сочло дороговизну следствием реформы. По Франции прокатилась волна продовольственных волнений, получивших название «мучной войны». Тюрго предпринял решительные действия по наведению порядка. Некоторые участники стихийных выступлений были казнены.

Тем не менее, на протяжении 1775 г. политика Тюрго сталкивалась со все более активной оппозицией со стороны восстановленных парламентов. Оффисье, демагогически объявляя себя защитниками народа, требовали возврата к регламентации торговли. Король, в силу мягкого характера питавший отвращение к любого рода конфликтам и стремившийся по возможности их избегать, начал тяготиться министром, доставлявшим ему столько хлопот. Чувствуя приближение отставки, Тюрго поспешил провести новые преобразования. 5 марта 1776 г. вышли эдикты о ликвидации цехов в промышленности и о замене дорожной барщины всеобщим денежным налогом на земельных собственников. Эти реформы так же вызвали сопротивление парламентов, выступивших от имени всех привилегированных сословий против нарушения их налогового иммунитета. Осудили парламенты и разрушение цехового строя. 12 марта на королевском заседании монарх заставил Парижский парламент зарегистрировать эдикты, но тот на следующий же день опротестовал принятые решения. Придворные круги, чьи расходы Тюрго попытался ограничить, тоже интриговали против министра. Устав сопротивляться давлению со всех сторон, Людовик XVI отправил Тюрго в отставку 12 мая 1776 г. Несколько месяцев спустя были отменены и его реформы.

Война за независимость североамериканских колоний Англии

После отставки Тюрго ведущая роль в правительстве перешла к графу Вержену, государственному секретарю по иностранным делам. Осуществляемая им внешняя политика Франции была подчинена главной цели – взять реванш у Англии за поражение в Семилетней войне. Для этого Вержен уговаривал Людовика XVI вмешаться в вооруженный конфликт между Англией и ее североамериканскими колониями, начавшийся в 1775 г.

После провозглашения независимости 4 июля 1776 г. американцы направили в Версаль делегацию во главе с известным ученым и философом-просветителем Б. Франклином, чтобы заручиться поддержкой французского короля. Но тот довольно долго колебался, не решаясь непосредственно вступить в войну, и ограничивался тайными поставками в Америку оружия и боеприпасов. И лишь узнав о разгроме повстанцами в октябре 1777 г. английских войск под Саратогой, Людовик XVI 17 декабря признал независимость Соединенных Штатов, а 6 февраля 1778 г. заключил с ними союзный и торговый договор. Весной 1778 г. французская эскадра начала боевые действия против англичан в Вест-Индии. В 1779 г. на стороне Франции в войну вступила Испания.

В 1780 г. в Америку был также отправлен сухопутный корпус под командованием Рошамбо. В октябре 1781 г. основные силы английской армии в Северной Америке оказались блокированы в Йорктауне американскими и французскими войсками с суши и французским флотом с моря, после чего капитулировали. Война еще некоторое время продолжалась на морях. Если в Карибском море она шла с переменным успехом, то в Средиземном испанцы овладели Миноркой, а в Индийском океане французский адмирал Сюффрен перерезал жизненно важные для англичан морские коммуникации между метрополией и восточными колониями.

В 1783 г. был заключен Версальский мирный договор. США получили независимость, Испания – Минорку и Флориду, Франция – Сенегал и Тобаго. Однако пожалуй, главным приобретением французов стало чувство морального удовлетворения от реванша за позор Семилетней войны.

Война за независимость США пользовалась широкой поддержкой во французском обществе. Для ее идеологического обоснования американцы в своих программных документах активно использовали принципы философии Просвещения, прежде всего французского, что находило отклик у просвещенной элиты Франции. Многие родовитые дворяне пересекли Атлантику, чтобы вступить в армию Вашингтона. Пример им подал юный маркиз Лафайет. Еще до официального объявления Францией войны англичанам он отправился в Америку, вопреки запрету властей, и, получив звание генерала американской армии, стал ближайшим сподвижником Вашингтона.

Благожелательное отношение французского общества к этой войне было во многом обусловлено и тем, что она не сопровождалась ростом налогового бремени. Руководивший финансами Франции с 1777 по 1781 г. женеvский банкир Ж. Неккер покрывал растущие военные расходы за счет займов, что позволяло не повышать налоги, но вело к быстрому увеличению государственного долга. Впрочем, эту проблему решать пришлось уже преемникам Неккера. В 1781 г. он был уволен по настоянию королевы, недовольной тем, что Неккер попытался ограничить расходы двора. Уйдя в отставку, он опубликовал подробный отчет о своей финансовой политике, постаравшись создать о ней у публики самое благоприятное впечатление. В результате, общественное мнение создало ему репутацию человека, способного чудесным образом решать финансовые проблемы, не применяя радикальных мер.

Реформы Калонна

По окончании войны правительство еще некоторое время продолжало покрывать расходы за счет наращивания государственного долга. Шарль-Александр де Калонн, назначенный генеральным контролером финансов в 1783 г., взял за три года своего правления займов больше, чем все его предшественники с 1776 г. Причем, львиная доля этих средств шла на обслуживание самого государственного долга. В 1787 г. на эту статью выделялось до 50% всего бюджета. Для сравнения заметим, что военные расходы забирали 26%, а затраты на содержание двора – любимая тема оппозиционной печати – вместе с пенсиями (в т.ч. ветеранам) составляли лишь 8%. Существовавшая налоговая система в силу своего несовершенства не обеспечивала поступлений в количестве достаточном, чтобы предотвратить надвигающуюся угрозу банкротства. Частные меры по улучшению сбора прежних налогов, такие, например, как создание при въезде в Париж таможенных застав, общего положения изменить не могли. Требовалось радикальное преобразование налоговой системы.

В августе 1786 г. Калонн предложил королю план реформ, имевший целью увеличить доходы государства не через повышение налогов, а через более справедливое их распределение. Намечалось вместо двадцатины ввести

бессловный и бессрочный поземельный налог. Все земли, независимо от статуса их владельца, должны были делиться в соответствии с их качеством на 4 класса. После сбора урожая землевладелец выплачивал бы государству в натуральной форме от 2 до 5% его объема (с лучших земель – больше, с худших – меньше). Кроме того, намечалось более щадящее для малоимущих перераспределение талли, унификация габели и расширение действия гербового сбора. Дорожная барщина заменялась денежной прибавкой к талле. Вновь вводилась свободная торговля зерном. Чтобы смягчить недовольство дворян их освобождали от капитации.

Тем не менее, Калонн прекрасно понимал, что столь радикальное посягательство на фискальный иммунитет привилегированных сословий непременно вызовет сопротивление суверенных судов. Дабы избежать конфликтов при регистрации соответствующих законов в парламентах, он предложил обсудить и утвердить план реформ на собрании нотаблей. Король согласился. Собрание нотаблей открыло свою работу в Версале 22 февраля 1787 г. Здесь собрался весь цвет аристократии: принцы крови, высшее духовенство, представители родовитого дворянства, члены суверенных судов и Королевского совета. Несмотря на тщательно подобранный состав нотаблей, приглашавшихся самим королем, план Калонна встретил сопротивление. Быстро одолев меры, касающиеся дорожной барщины и талли, нотабли крайне негативно отнеслись к идее бессловного поземельного налога. Не оспаривая сам принцип фискального равенства, они возражали против натуральной формы нового налога, требовали финансового отчета правительства и предлагали созвать Генеральные штаты. Особенно бескомпромиссную позицию заняло духовенство.

В результате бесконечных проволочек и споров по частным вопросам, работа собрания затянулась. Тогда Калонн, надеясь заручиться поддержкой общественного мнения, предпринял беспрецедентный шаг, обратившись непосредственно к нации. 30 марта королевская типография напечатала отдельной брошюрой его план реформ с соответствующим комментарием, который священники должны были зачитывать во всех церквях. В комментарии говорилось о необходимости покончить с фискальными привилегиями, дабы облегчить налоговое бремя народа.

Этот шаг министра вызвал бурное возмущение нотаблей, в том числе и тех, что вначале были настроены либерально. Даже маркиз Лафайет назвал подобное обращение к народу «подстрекательским». 8 апреля 1787 г. король отправил Калонна в отставку.

Реформы Ломени де Бриенна и Ламуаньона

30 апреля 1787 г. правительство возглавил тулузский архиепископ Э.Ш. Ломени де Бриенн. И хотя он выдвинулся на политическую авансцену в собрании нотаблей как один из наиболее активных критиков Калонна, необходимость реформ была очевидна и для него. Де Бриенн предложил своим бывшим коллегам по собранию одобрить единый поземельный налог, но не в натуральной форме, как того хотел Калонн, а в денежной. Однако нотабли налог все равно не приняли, сославшись на свою некомпетентность. Они посоветовали королю созвать Генеральные штаты, после чего были распущены по домам.

Идя навстречу все чаще звучавшим требованиям политической элиты создать представительные органы, Ломени де Бриенн инициировал эдикт 17 июня 1787 г. о провинциальных собраниях. Эти местные органы власти избирались на основе имущественно ценза, чтобы заниматься распределением налогов в своих провинциях. Представители третьего сословия получали в них половину мандатов, все депутаты голосовали индивидуально.

После неудачной попытки утвердить налоговую реформу в собрании нотаблей, правительству ничего не оставалось, кроме как пойти традиционным путем и внести соответствующие законы на регистрацию в Парижский парламент. Тот без возражений пропустил эдикты о хлебной торговле, дорожной барщине и провинциальных собраниях, но отказался принять увеличение гербового сбора и введение поземельного налога. Выступая, по существу, против отмены налогового иммунитета привилегированных сословий, парламент демагогически апеллировал к общественному мнению, призывая решить финансовые проблемы государства лишь за счет сокращения расходов двора. В демонстрации от 24 июля он посоветовал королю созвать Генеральные штаты. Чтобы преодолеть сопротивление судейских, Людовик XVI назначил на 6 августа «королевское заседание». Однако парламент и

накануне этого заседания, и после него принял постановления, фактически дезавуировавшие принудительную регистрацию. Его активно поддержали и провинциальные суды. В ночь с 14 на 15 августа Парижский парламент был выслан в Труа.

Впрочем, эта некогда эффективная по отношению к судебским мера принуждения на сей раз ожидаемого результата не дала. Обычно, прочувствовав разницу между жизнью в столице и в маленьком провинциальном городке, оффисье рано или поздно шли на компромисс, чтобы вернуться в Париж. Теперь же у правительства не было времени ждать. Да и общественное мнение поддерживало парламент, придавая дополнительное упорство его сопротивлению. После месяца переговоров Ломени де Бриенн вынужден был отказаться от введения поземельного налога и увеличения гербового сбора. Взамен, вернувшийся в столицу парламент согласился с продлением действия двух «двадцатин».

Временный компромисс не положил конец противоборству. Парламенты продолжали критиковать двор за расточительность, правительство, в свою очередь, втайне готовило судебную реформу, способную сломить оппозицию традиционных судов, подобно тому, как это сделал Мопу.

8 мая 1788 г. на «королевском заседании» парламента было объявлено о реформе, подготовленной хранителем печати Ламуаньоном. Хотя парламенты в принципе не ликвидировались, их деятельность приостанавливалась на неопределенное время, состав сокращался, а бóльшая часть полномочий передавалась 47 новым окружным судам. Правом регистрации отныне обладал один лишь Пленарный суд, создаваемый на основе Большой палаты Парижского парламента, члены которой, по сравнению с прочими, отличались большей умеренностью. Правда, покупной характер должностей сохранялся.

Реформа Ламуаньона вызвала ожесточенное сопротивление провинциальных судов. Они не только отказывались регистрировать соответствующие эдикты и засыпали короля ремонстрациями, но и провоцировали антиправительственные выступления, нередко выливавшиеся в вооруженные стычки с войсками. Инициаторами уличных беспорядков, как правило, выступали служащие судов, весьма многочисленные в тех городах, где располагались парламенты. Во многих провинциях оппозиционное движение было активно поддержано дворянством, раздраженным тем, что реформа

ограничила юрисдикцию сеньориальных трибуналов. Ситуацию усугублял начавшийся во второй половине 80-х годов экономический кризис, провоцировавший рост общественного недовольства, что способствовало вовлечению в антиправительственные выступления широких масс.

В требованиях оппозиции ретроградные идеи порой причудливым образом сочетались с либеральными принципами века Просвещения. Так, в Гренобле собрание представителей всех трех сословий призвало к восстановлению не собиравшихся с 1628 г. провинциальных штатов Дофине, в которых, однако, предполагалось, в соответствии с духом времени, удвоенное число депутатов третьего сословия и индивидуальное голосование. Это собрание также потребовало ликвидации всех налоговых привилегий.

Ломени де Бриенн попытался сбить волну оппозиционных настроений, призвав всех желающих направлять правительству свои соображения относительно будущего созыва Генеральных штатов, что, по сути, означало признание свободы слова. Однако антиправительственные выступления продолжались. Брожение проникло даже в армию. Правительству пришлось признать свое поражение. 8 августа судебная реформа была отменена, а на 1 мая 1789 г. назначено открытие Генеральных штатов. 15 августа государство приостановило платежи по своим долгам. 25 августа ушел в отставку Ломени де Бриенн, 14 сентября – Ламуаньон. Очередная и, как оказалось, последняя попытка французской монархии Старого порядка модернизировать государство посредством реформ окончилась неудачно.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРАХ СТАРОГО ПОРЯДКА

Франция накануне революции

В последнюю четверть XVIII в. Франция вступила, будучи одной из самых богатых и многолюдных европейских стран. По численности населения (27 млн. в 1775 г.) она лишь относительно немного уступала России (30 млн.), находилась в более или менее равном положении с Австрией и значительно превосходила Испанию (чуть более 10 млн.), Англию (около 10 млн.) и Пруссию (6 млн.).

Продолжавшийся во Франции на протяжении всего столетия демографический подъем в значительной степени был обусловлен устойчивым экономическим ростом с 20-х по 80-е годы XVIII в. Особенно быстро развивались сектора экономики, связанные с колониальной торговлей. По ее общему объему, выросшему за этот период в 4 раза, Франция вышла на второе место в мире после Англии. Причем, разрыв между двумя странами в данной сфере постепенно сокращался, поскольку французская внешняя торговля росла более высокими темпами. Сотни французских судов курсировали в «атлантическом треугольнике»: из Франции они везли в Африку ром и ткани, там наполняли трюмы чернокожими рабами для плантаций Вест-Индии, откуда возвращались в метрополию груженные сахаром-сырцом, кофе, индиго и хлопком. Колониальное сырье перерабатывалось на многочисленных предприятиях, окружавших морские порты, после чего готовые продукты частично потреблялись в самой стране, частично продавались за рубеж. Атлантическая торговля стимулировала развитие судостроения, текстильной и пищевой промышленности.

Больших успехов в XVIII в. добилась и тяжелая индустрия Франции. Богатые дворянские семьи охотно вкладывали в нее средства. В 1780-е годы более 50% металлургических предприятий принадлежали дворянам, более 9% – церкви. Именно в этот период дворянская семья Ванделей основала знаменитый металлургический завод в Крезе, где в 1787 г. была проведена первая во

Франции плавка с использованием кокса. В 80-е годы началось применение и первых паровых машин.

Заметный прогресс имел место и в такой достаточно консервативной отрасли экономики, как сельское хозяйство. Интенсивная пропаганда новейших методов агрикультуры, которую при активной поддержке властей осуществляли просветительские сельскохозяйственные общества, со временем дала свои плоды. Передовые достижения агрономической науки постепенно воспринимались и крестьянской средой, получая все более широкое применение. Особенно же восприимчивы к ним оказались ориентированные на рынок крупные дворянские и фермерские хозяйства, ставшие своего рода «матрицей капитализма». В целом, рост валового продукта сельского хозяйства с 1709 по 1780 г. составил до 40%. Развернутое государством строительство дорог, мостов и каналов способствовало расширению внутренней торговли и специализации различных регионов на производстве определенных видов продукции для рынка.

Однако, подобно мифическому Танталу, страдавшему от голода среди изобилия еды, государство в этой богатой, экономически процветающей стране переживало острый финансовый кризис. Огромный государственный долг, на обслуживание которого уходила половина бюджета, стал непосильной ношей для устаревшей финансовой системы. Выходом из нелегкой ситуации могла стать лишь реформа налогообложения, предполагавшая отмену фискальных привилегий и введение общего для всех поземельного налога.

Во второй половине XVIII в. королевские министры не раз предпринимали с большей или меньшей степенью решительности шаги в этом направлении. Однако все попытки правительства модернизировать финансовую систему государства наталкивались на упорное сопротивление привилегированных сословий и традиционных судебных учреждений, которые свою борьбу за узкокорпоративные интересы прикрывали демагогическими лозунгами, используя для этого, в духе времени, идеи философии Просвещения. Критика, которой оппозиционная публицистика подвергала власти в течение нескольких десятилетий, существенно подорвала авторитет монархии среди значительной части подданных, особенно в городах. Впрочем, до поры до времени участие «низов» в политической борьбе сводилось, в основном, к моральной поддержке оппозиции и лишь изредка принимало форму уличных беспорядков,

непродолжительных и спорадических. Ситуация изменилась во второй половине 80-х годов, когда ухудшение условий жизни из-за начавшегося экономического кризиса вызвало резкий всплеск активности «низов».

Экономический кризис во Франции 80-х годов XVIII в. не носил системного характера, то есть ни в коей мере не свидетельствовал о нежизнеспособности системы в целом. Кризисные явления в различных отраслях хозяйства были вызваны разными факторами, напрямую не связанными между собой. Эти факторы можно разделить на субъективные (просчеты в экономической политике правительства) и объективные, а последние, в свою очередь, – на долговременные (смена фаз многолетнего экономического цикла) и краткосрочные (неблагоприятная сезонная конъюнктура). Негативное воздействие на экономику каждого из них время от времени имело место и в предшествующие периоды. Однако уникальность ситуации 1780-х годов состояла в том, что на сей раз проявление всех этих факторов совпало по времени, что сделало экономический кризис особенно глубоким и тяжелым.

В функционировании экономики Старого порядка существовала определенная объективная цикличность: многолетние периоды роста цен на зерно сменялись столь же продолжительными периодами их снижения. Первая из этих тенденций была выгодна для производителей сельскохозяйственной продукции и способствовала расширению их хозяйственной деятельности, вторая, напротив, вела к сокращению их доходов и оказывала сдерживающее влияние на развитие аграрного сектора, да и всей экономики в целом, поскольку именно он составлял ее основу.

На протяжении большей части XVIII в. цены на зерно постепенно росли, но в 1776 г. эта фаза цикла закончилась, и они пошли вниз. Вскоре стали падать и цены на вино, важнейший продукт французского экспорта. Снижение доходов производителей сопровождалось сокращением найма ими рабочей силы и, соответственно, ростом безработицы в сельской местности. Дабы поднять спрос на сельскохозяйственную продукцию и стимулировать ее производство, правительство предприняло ряд мер, направленных на расширение ее экспорта. В 1786 г. оно заключило торговый договор с Англией, который открывал британский рынок для французских вин. Взамен французский рынок открывался для продукции английских мануфактур. В 1787 г. был разрешен

свободный вывоз зерна за рубеж и заключен торговый договор с Россией, также предусматривавший выгодные условия для экспорта французских вин. Но требовалось время, чтобы русско-французский договор принес реальную выгоду. Остальные же, правильные в принципе меры на деле не только не улучшили ситуацию, но еще больше ее усугубили.

Разрешение экспортировать пшеницу привело к тому, что значительная часть запасов зерна ушла за рубеж. Лето же 1788 г. выдалось неурожайным. В некоторых областях из-за дождей и страшных бурь погибло до $\frac{1}{4}$ урожая. Цены на рынках взлетели. Стали распространяться панические настроения: люди боялись голода.

Торговый договор с Англией сулил французским земледельцам в перспективе немалую выгоду, однако гораздо быстрее промышленники Франции ощутили его издержки. Английские текстильные мануфактуры, имевшие лучшее техническое оснащение, заполнили своей дешевой продукцией французский рынок, вытесняя с него местных производителей. Вдобавок, у тех возникли серьезные проблемы с сырьем. В 1787 г. сбор шелка-сырца был крайне низким, а неурожай 1788 г. спровоцировал забой овец и, соответственно, резкое сокращение их поголовья, что вызвало еще и дефицит шерсти. Всё это вместе взятое привело к острому кризису французской текстильной промышленности: сотни предприятий закрылись, тысячи работников оказались на улице.

Таким образом, монархии пришлось искать пути выхода из тяжелейшего финансового кризиса государства, в крайне неблагоприятной общественной обстановке. Экономический спад до предела обострил социальное недовольство «низов» и сделал их весьма восприимчивыми к демагогическим лозунгам антиправительственной оппозиции. Напротив, власть, пытавшаяся проводить преобразования, не пользовалась в обществе ни высоким авторитетом, ни доверием, а слабый, нерешительный король по своим личным качествам совершенно не отвечал тем требованиям, которые требовались главе государства в столь критической ситуации.

Финансовый дефицит, падение цен, неурожай, фронда знати и парламентов, голодные бунты, слабость центральной власти – все это бывало в истории Франции и раньше, но в разные периоды. Одновременное же действие

всех этих негативных факторов вызвало тот социальный резонанс, который привел к краху Старого порядка.

Выборы в Генеральные штаты

После отставки Ломени де Бриенна в августе 1788 г. Людовик XVI, идя навстречу общественному мнению, поставил во главе правительства популярного Неккера. И хотя этот шаг был с одобрением встречен широкой публикой, все же основные надежды различные слои общества теперь связывали не с назначением того или иного министра, а с предстоящим созывом Генеральных штатов. Правда, вопрос о порядке работы Штатов вызвал острые разногласия в стане антиправительственной оппозиции.

Восстановленный королем в сентябре 1788 г. Парижский парламент заявил, что организация Генеральных штатов должен быть такой же, как в 1614 г., когда они созывались в последний раз. Тогда все сословия имели равное представительство, а голосование проходило по сословиям: один голос имело духовенство, один – дворянство и лишь один – третье сословие, составлявшее подавляющую часть населения страны. Другие парламенты поддерживали точку зрения Парижского, так же, как и большинство дворян. Тем самым они открыто признали, что стремились ограничить власть монарха исключительно ради того, чтобы расширить собственное влияние и упрочить свое привилегированное положение. Эти эгоистические устремления дворянства вошли в противоречие с широко обсуждавшейся в обществе идеей о необходимости удвоить число представителей третьего сословия по сравнению с двумя первыми и ввести поименное голосование. Именно так были устроены провинциальные ассамблеи, созданные Ломени де Бриенном в 1787 г. На той же основе собрание представителей всех сословий в Гренобле в июле 1788 г. требовало восстановить штаты Дофине. Того же хотел и Неккер.

Выступив за традиционную форму работы Генеральных штатов, парламенты и лидеры аристократической оппозиции в одночасье утратили былую популярность. С осени 1788 г. движущей силой оппозиционного движения стала общественно-политическая группа, которую современники называли «патриотической партией». В исторической же литературе ее сегодня обозначают понятием «просвещенная элита».

Это внесословное, политически активное меньшинство сформировалось во второй половине XVIII в., когда вся Франция мало-помалу покрылась густой сетью разнообразных общественных объединений – естественно-научных, философских и агрономических кружков, провинциальных академий, библиотек, масонских лож, музеев, литературных салонов и т.п., - имевших целью распространение культурных ценностей Просвещения. В отличие от традиционных для Старого порядка объединений, эти ассоциации имели внесословный характер и демократическую организацию. Среди их членов можно было встретить и дворян, и священнослужителей, и офицеры, и представителей образованной верхушки третьего сословия. Должностные лица таких обществ, как правило, избирались голосованием на конкурсной основе. Просветительские ассоциации разных городов имели между собой тесные и постоянные связи, образуя единую социо-культурную среду, в которой и сформировалось сообщество представителей всех сословий, объединенных приверженностью идеалам Просвещения, – просвещенная элита. Именно она и стала осенью 1788 г. движущей силой общенационального движения против абсолютной монархии, а в дальнейшем дала Революции подавляющее большинство ее лидеров.

Координирующим центром патриотической партии стал возникший в Париже Комитет тридцати. Он включал в себя героя Войны за независимость США маркиза Лафайета, аббата Э.Ж. Сийеса, отенского епископа Ш.М. Талейрана, графа О.Р. Мирабо, советника Парламента А. Дюпора и других представителей просвещенной элиты. Поддерживая связь с единомышленниками по всей Франции, Комитет развернул активную агитацию в поддержку требования удвоить представительство третьего сословия и ввести поголовное голосование депутатов. Активную роль в организации этой памфлетной кампании играло также окружение герцога Филиппа Орлеанского.

Для решения вопроса о порядке работы Генеральных штатов король в ноябре снова созвал нотаблей. И хотя состав участников собрания был в основном тот же, что и год назад, подавляющее их большинство отказалось от былой фронды, просило монарха защитить их привилегии и выступило в пользу традиционной формы организации Штатов.

Находясь под двойным давлением, с одной стороны – традиционных элит, с другой – общественного мнения, подогреваемого агитацией патриотической

партии, король так и не смог придти к какому-либо определенному решению и занял промежуточную позицию. 27 декабря 1788 г. было объявлено, что третье сословие в Генеральных штатах получит двойное представительство. Вопрос же о порядке голосования остался нерешенным.

Избирательная кампания января-марта 1789 г. проходила в беспокойной обстановке. «Низы» города и деревни, измученные экономическим кризисом и растущей дороговизной, находились в крайне возбужденном состоянии. В разных местах то и дело вспыхивали волнения. В марте голодные бунты имели место в Реймсе, Марселе, Эксе. В Париже 29 апреля, уже после завершения выборов, произошли массовые беспорядки, известные как «дело Ревельона». Возбужденная ложными слухами о том, что владелец мануфактуры Ревельон якобы предложил снизить заработную плату, толпа рабочих из Сен-Антуанского предместья (среди которых не было ни одного с предприятия самого Ревельона) разгромила дом мануфактуриста. Властям пришлось применить войска, чтобы подавить восстание.

Агитация патриотической партии играла на социальном недовольстве и еще больше подогревала его, направляя против правительства и привилегированных сословий. В январе 1789 г. вышел в свет и немедленно получил широчайшую известность памфлет аббата Сийеса «Что такое третье сословие?». На этот вопрос автор отвечал: «Все!» - и далее продолжал: «А чем оно до сих пор было? - Ничем! – А чего он требует? – Стать хоть чем-нибудь». Несмотря на столь, казалось бы, скромные претензии, Сийес фактически противопоставил дворян всей остальной нации, отказав им в праве считаться ее частью. Подхватив и развив эту идею, оппозиционная публицистика усердно формировала в общественном сознании образ врага – «аристократии», якобы виновной во всех бедах народа.

В выборах патриотическая партия приняла самое активное участие. Комитет тридцати и аналогичные ассоциации в провинции энергично поддерживали своих кандидатов, выпускали памфлеты в их поддержку, разрабатывали образцы наказов, принимавшихся затем на собраниях избирателей. Все ведущие деятели оппозиции получили депутатские мандаты.

Крушение Старого порядка

Генеральные штаты собрались в Версале 5 мая 1789 г. Всего было избрано 1165 депутатов: половина – от третьего сословия, по $\frac{1}{4}$ - от духовенства и дворянства. Из числа представителей третьего сословия 50% составляли оффисье, 26% - близкие к ним по своему статусу и интересам лица свободных профессий, в основном адвокаты. Среди депутатов от духовенства самой многочисленной категорией были приходские кюре, хорошо знавшие нужды рядовых прихожан и, как показало развитие событий, достаточно восприимчивые к оппозиционным настроениям. И, наконец, где-то около трети представителей дворянства составляла либерально настроенная знать, в той или иной степени принадлежавшая к просвещенной элите.

Поскольку король так и не определил точный порядок работы Штатов, сразу же возникли противоречия относительно процедуры. Третье сословие потребовало, чтобы проверка полномочий депутатов проходило на общем собрании. Это должно было стать первым шагом к поголовному голосованию. Дворянство и духовенство, напротив, высказались в пользу традиционного порядка проверки – по палатам. Споры затянулись на пять недель.

В этом противостоянии определилась группа лидеров, возглавивших борьбу депутатов третьего сословия и вскоре получивших общенациональную известность, поскольку их выступления тиражировались оппозиционной прессой на всю страну. Это были гренобльские адвокаты Ж.Ж. Мунье и А. Барнав, аббат Сийес, видный астроном Ж.С. Байи и др. Наибольшим влиянием среди них обладал граф Мирабо. Юношей он, по воле отца, долгие годы провел в заточении, а позднее снискал себе всеевропейскую славу авантюрными похождениями. Став депутатом Генеральных штатов от третьего сословия, Мирабо, благодаря своей решительности и удивительному ораторскому дару, вскоре занял ведущее место среди руководителей оппозиции.

Согласия между сословиями по вопросу о процедуре проверки полномочий достичь не удалось. Король хранил молчание. И 10 июня депутаты третьего сословия заявили что, поскольку они представляют всю нацию, они готовы начать работу самостоятельно. День спустя к ним присоединились трое кюре, а потом и еще полтора десятка. 17 июня, по предложению Сийеса, палата третьего сословия провозгласила себя Национальным собранием, то есть представительным органом всей нации. Хотя решение было принято из тактических соображений, чтобы оказать давление на депутатов первых двух

сословий, оно имело далеко идущие последствия. Провозглашение нации носителем верховного суверенитета посягало на основы абсолютизма, при котором суверенитетом мог обладать только король.

Представители духовенства решили присоединиться к третьему сословию. Того же потребовали в своей палате либеральные депутаты от дворянства. Однако большинство дворян и верхушка духовенства не хотели уступать и обратились к королю с просьбой вмешаться и разрешить спор. Людовик XVI, подавленный смертью своего старшего сына, вяло согласился, но не проявил в своих действиях ни решимости, ни последовательности.

Утром 20 июня депутаты Национального собрания обнаружили, что зал их заседаний без какого-либо предупреждения закрыт на ремонт. Опасаясь, что это – первый шаг к их разгону, они отправились в ближайшее просторное здание – Зал для игры в мяч – и там торжественно поклялись не расходиться до тех пор, пока не дадут государству конституцию.

23 июня на королевском заседании Людовик XVI поддержал идею равного налогообложения, право Генеральных штатов на утверждение налогов и свободу слова. В то же время он в ультимативном тоне велел депутатам заседать по сословиям и пригрозил им в случае неповиновения роспуском. После ухода короля депутаты третьего сословия отказались подчиниться его приказу. Это был акт открытого неповиновения. Однако монарх не ответил на брошенный вызов, тем самым молча признав свое поражение. На следующий день к третьему сословию присоединилось духовенство, затем - либеральные дворяне с герцогом Орлеанским во главе. И, наконец, Людовик XVI сам пригласил упорствующих последовать за ними. 9 июля Национальное собрание объявило себя Учредительным, то есть учреждающим Конституцию.

Вместе с тем, король не препятствовал и действиям той части своего окружения, которая хотела силой положить конец Революции. В начале июля к Парижу было стянуто до 30 тыс. войск. 11 июля Людовик XVI под нажимом королевы и своих братьев уволил Неккера. Это был неудачный политический шаг, сделанный к тому же в совершенно неподходящий момент. Отставка Неккера вызвала панику у держателей государственных бумаг (а таковыми были практически все, кто обладал более или менее значительным достатком), поскольку именно в нем они видели человека, способного предотвратить банкротство государства. Их возмущение нашло отклик у парижских «низов»,

крайне раздраженных непомерной дороговизной: накануне нового урожая цены на хлеб в те дни достигли самых высоких значений за все столетие. Поползли слухи о том, что правительство хочет уморить народ голодом.

Париж заволновался. По всему городу стихийно собирались толпы, перед которыми уличные ораторы произносили подстрекательские речи. К волнениям присоединились и стоявшие в городе солдаты французской гвардии. 13-го выборщики (те, кто избирал депутатов в Генеральные штаты) от Парижа создали в Ратуше комитет, который начал формировать национальную гвардию из состоятельных граждан. 14-го толпа захватила склады оружия, после чего направилась к Бастилии. Эта крепость-тюрьма символизировала в общественном сознании репрессивную мощь государства. Реально же там находилось 7 узников и чуть больше сотни солдат гарнизона, в основном инвалидов. Окружив Бастилию, повстанцы принялись беспорядочно обстреливать ее из ружей. После нескольких часов осады комендант сдал крепость при условии сохранения жизни ему и его солдатам. Однако после капитуляции семеро из них, включая самого коменданта, были растерзаны толпой. Узнав о падении Бастилии, король вновь отступил. Он отозвал войска и восстановил Неккера. Посетив Париж, король в знак примирения согласился надеть трехцветную кокарду, в которой к цветам города - синему и красному - был добавлен белый цвет Бурбонов. С этого времени трехцветное знамя стало знаменем Революции. Испуганные происходящим и разочарованные поведением монарха, представители крупной аристократии начали покидать Францию, в том числе и младший брат короля граф д'Артуа,

После событий 14 июля по Франции прокатилась волна «муниципальной революции». Тон ей также задал Париж. Созданный в Ратуше комитет выборщиков провозгласил себя коммуной (муниципалитетом). Мэром был назначен Байи, командующим национальной гвардией – Лафайет. Вслед за столицей новые, революционные муниципалитеты возникли и в других городах, заменив собою прежние власти.

Известия о парижских событиях, дороговизна, недостаток хлеба, вакуум власти спровоцировали многочисленные выступления сельской бедноты в разных районах Франции, сопровождавшиеся разграблением замков и богатых домов. Эта «жакерия» породила слухи о «шайках разбойников», повергавшие в

панику целые деревни и города. В конце июля уже вся страна была охвачена «Великим страхом».

Учредительное собрание, ежедневно получавшее известия об аграрных волнениях, в ночь с 4 на 5 августа приняло решение отменить сеньориальные права: те, что являлись наследием личной зависимости (барщина, право мертвой руки), - бесплатно, остальные – за выкуп. Также ликвидировались все сословные и местные привилегии, продажа должностей, снимались сословные ограничения на доступ к военной и гражданской службе. Решения этой ночи, закрепленные декретами 5-11 августа, разрушили социальную основу Старого порядка.

26 августа Собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина, определявшую принципы будущей Конституции. Декларация провозглашала верховный суверенитет нации, объявляла «естественными и неотъемлемыми» права каждого на свободу, собственность, безопасность и сопротивление гнету, устанавливала презумпцию невиновности, свободу слова и совести.

Людовик XVI отказался санкционировать Декларацию и декреты 5-11 августа. Это дало повод революционным публицистам обрушиться на королевскую власть с новыми нападка, муссируя слухи об «аристократическом заговоре» против народа. Их агитация еще больше нагнетала обстановку, и без того накаленную перебоями с подвозом продовольствия и дороговизной. Когда 5 октября по Парижу пробежал слух о том, что офицеры короля, демонстрируя ненависть к Революции, во время банкета топтали трехцветную кокарду, толпа плебса двинулась на Версаль. За ней туда же отправилась национальная гвардия с Лафайетом во главе. Когда парижане прибыли в Версаль, Людовик XVI обещал им санкционировать Декларацию прав. Однако ночью толпа ворвалась во дворец, убив двух гвардейцев короля. Только вмешательство Лафайета предотвратило дальнейшее кровопролитие. Король вынужден был дать согласие на переезд в Париж. 6 октября он с семьей под охраной национальной гвардии и в окружении толпы покинул Версаль.

События 5-6 октября покончили с одновременным существованием двух суверенных центров власти – абсолютного монарха и Учредительного собрания. Хотя король продолжал считаться первым должностным лицом в государстве,

отныне он фактически был заложником Собрания. Абсолютная монархия пала, что подвело черту под трехсотлетней историей Старого порядка.

Конституция 1791 г.

Учредительное собрание также переехало в Париж, где и продолжило работу над Конституцией. И хотя аграрные волнения и городские беспорядки периодически вспыхивали в различных частях страны на протяжении и последующих полутора лет, тем не менее, на это время эпицентр Революции переместился с улицы в зал парламентских заседаний. Здесь шла основная борьба между различными политическими силами. Еще в сентябре, обсуждая вопрос о праве вето короля на принимаемые Собранием законы, депутаты разделились на две части: сторонники абсолютного вето сели справа, сторонники суспенсивного (отлагательного) вето – слева. С этого времени понятия «правый» и «левый» приобрели тот политический смысл, в котором их употребляют и сегодня.

Осенью 1789 г. в Собрании уже достаточно четко обозначилось деление депутатов на ряд политических групп («партий»). Роялисты, наиболее видными ораторами которых были аббат Мори и кавалерийский офицер Казалес, противились какому бы то ни было ограничению королевских prerogatives.

Монархисты - Мунье, Малуэ, Клермон-Тоннером и др. – весной-летом 1789 г. участвовали в борьбе против абсолютизма и поддержали декреты 5-11 августа, однако в ходе работы над Конституцией выступили за абсолютное вето короля и двухпалатный парламент по образцу английского. После событий 5-6 октября Мунье эмигрировал, а остальные монархисты сблизились с роялистами.

Большинство Собрания составляли сторонники Конституции – «конституционалисты». Среди них было много крупных политических фигур – Лафайет, Талейран, Сийес и др. Левее их находился «триумвират» Барнав - Дюпор - Ш. Ламет. Крайне левую позицию занимали провинциальные адвокаты Ф.Н.Л. Бюзо, Ж. Петион и М. Робеспьер. И над всеми группами возвышался Мирабо, харизматический лидер «левого» крыла Собрания.

Хотя «левое» большинство вместе голосовало за проводимые Собранием реформы, между его вождями постоянно шла скрытая борьба за влияние. Мирабо и Лафайет интриговали друг против друга. «Триумвират» боролся

против обоих. Робеспьер, не участвовавший в работе ни одного из комитетов, резко критиковал едва ли не все меры, принимавшиеся его либеральными коллегами. Характерно, что когда возникла реальная возможность для Мирабо стать министром, другие «левые» лидеры инициировали закон, запретивший депутатам входить в правительство. После этого Мирабо вступил в тайную переписку с королем, так пытаясь влиять на его политику. Их контакты продолжались до самой смерти Мирабо в апреле 1791 г.

Помимо участия в работе Собрания, депутаты значительную часть времени проводили в политических клубах, где в кругу единомышленников обсуждали вопросы политики и определяли свою парламентскую стратегию. Большинство «левых» депутатов входило в «Бретонский клуб», переименованный затем в «Общество друзей Конституции». После переезда Собрания в Париж, этот клуб разместился в бывшем монастыре св. Якова, отчего стал называться Якобинским.

Важнейшим средством влияния на общественное мнение была пресса. Имена таких революционных журналистов, как К. Демулен, Ж.П. Бриссо и др. получили широкую известность. Особо среди «левых» изданий выделялась призывами к насилию газета бывшего врача Ж.П. Марата «Друг народа».

Прежде всего, Учредительному собранию предстояло найти выход из финансового кризиса, еще больше углубившемуся летом-осенью 1789 г. Доходы государства катастрофически упали. В обстановке хаоса и вакуума власти большинство населения просто перестало платить налоги. В ноябре 1789 г., по предложению Талейрана, Собрание национализировало собственность церкви. Выставленные на продажу «национальные имущества» стали обеспечением для бумажных денег – ассигнат, выпущенных в оборот для покрытия государственных расходов.

После этого Учредительное собрание вплотную занялось разработкой нового государственного устройства Франции, которое предстояло закрепить в Конституции. В основу нового строя был положен принцип разделения властей: законодательная власть принадлежала Национальному собранию, исполнительная – монарху. Король больше не мог объявлять войну и заключать мир, но сохранял за собой право назначать министров и послов, командовать армией, руководить администрацией. Провозглашалось равенство граждан перед законом, независимо от их происхождения и вероисповедания.

Дворянские титулы упразднились. Вместе с тем, на основании имущественного ценза вводилось деление граждан на «активных» и «пассивных». Только «активные» - мужчины от 25 лет и старше, платившие прямой налог в размере трехдневной заработной платы и не находившиеся в услужении – получали право избирать должностных лиц и служить в национальной гвардии.

Отменялись все привилегии и другие формы государственной регламентации экономической деятельности – цеха, корпорации, монополии и т.д. Ликвидировались таможи внутри страны на границах различных областей. Вместо многочисленных прежних налогов вводилось три новых – на земельную собственность, движимое имущество и торгово-промышленную деятельность.

Новое административное деление страны упростило и унифицировало систему местной администрации. Вместо прежних провинций с различными нормами обычного права и своими исторически сложившимися административными институтами, было создано 83 департамента, примерно равных по размеру и по численности населения. Все административные единицы получали выборные органы управления.

14 июля 1790 г. в Париже на Марсовом поле состоялся грандиозный праздник Федерации. Представители всех департаментов принесли торжественную клятву верности «нации, закону и королю». Тем самым все провинции Французского королевства, присоединенные в разное время и по-разному, нередко насильственно, далеко не схожие между собой по истории и культуре, добровольно подтвердили свою принадлежность к единой и неделимой нации.

Правда, очень скоро единодушный энтузиазм праздника Федерации сменился многочисленными политическими и социальными конфликтами. Один из наиболее острых был спровоцирован введением гражданского устройства духовенства. Принятые летом 1790 г. декреты Учредительного собрания о новой организации церкви превращали духовных лиц в государственных служащих. Священники и епископы, избираемые отныне гражданами как обычные должностные лица, должны были получать содержание от государства. Все остальные церковные звания, а также монашеские ордена ликвидировались. Отменялось утверждение епископов римским папой. Все духовенство под угрозой отрешения от должности заставляли принести присягу на верность Конституции, что нарушало

традиционную автономию церкви от государства. Эти решения вызвали резкое осуждение со стороны римского папы и спровоцировали раскол среди французского духовенства. Большинство служителей церкви отказалось принести присягу и лишилось своих мест. На освободившиеся вакансии было избрано 80 новых епископов и 20 тыс. священников. Во многих местах их вступление в должность вызвало конфликты с неприсягнувшим духовенством и привело к расколу паствы на два лагеря.

Со второй половине 1790 г. стала быстро ухудшаться экономическая ситуация. Чрезмерный выпуск ассигнатов спровоцировал всплеск инфляции. Рост дороговизны вызывал волнения сельских и городских «низов». Недовольство плебса активно пытались использовать крайне левые активисты революционного движения. Выдвинувшиеся уже в ходе Революции, а потому практически не представленные в Учредительном собрании, они критиковали депутатов Собрания за недостаточную решительность и, выдвигая радикальные, порою откровенно популистские лозунги, стремились получить поддержку масс. В Париже центром такого радикализма стал Клуб кордельеров, куда входили такие левые политики, как Марат, Демулен, Ж. Дантон и другие.

В июне 1791 г. разразился острый политический кризис в связи с попыткой бегства короля за рубеж. Людовик XVI, лишившись после смерти Мирабо своего тайного защитника в Собрании и все больше чувствуя себя в Тюильри на положении пленника, согласился с планом побега, разработанным его окружением. 20 июня король с семьей покинули дворец Тюильри и направились в карете к границе, где их ждали верные войска. Обнаружив утром исчезновение монарха, революционные власти разослали во все стороны курьеров с приказом задержать его. 21 июня в местечке Варен король был опознан и под охраной национальной гвардии возвращен в Париж. А вот его брату, графу Прованскому, бежавшему в тот же день по другой дороге, удалось благополучно пересечь границу.

Бегство Людовика XVI вызвало всплеск антимонархических настроений. Кордельеры и левая пресса потребовали суда над ним. Впервые с начала Революции в печати стали открыто обсуждать возможность установления республики. Однако депутаты-конституционалисты, не желая углублять кризис и ставить под вопрос плоды почти двухлетней работы над Конституцией, взяли короля под защиту и заявили, что он был похищен. Их позиция не нашла

поддержки у большинства членов Якобинского клуба, который за предшествующие месяцы заметно полевел. Произошел раскол. Умеренные политики вышли из клуба и образовали новый в бывшем монастыре фельянов.

Попытавшись оказать давление на Учредительное собрание, кордельеры призвали горожан провести 17 июля на Марсовом поле сбор подписей под петицией с требованием об отречении короля. Городские власти запретили манифестацию. Однако собралась возбужденная толпа, которая, обнаружив под трибуной двух бродяг, убила их как «агентов аристократии». На Марсово поле прибыли мэр Байи и Лафайет с отрядом национальной гвардии. На требование разойтись полетели камни. Национальные гвардейцы открыли огонь, убив несколько десятков человек. Вслед за этим власти произвели аресты некоторых левых активистов. Клуб кордельеров временно закрыли.

3 сентября 1791 г. Учредительное собрание приняло Конституцию, а 30-го прекратило свою работу.

Падение монархии

За четыре месяца до своего роспуска Учредительное собрание, по предложению Робеспьера, постановило, что ни один из его депутатов не может быть избран в Законодательное собрание. Подобная демонстрация бескорыстия имела своим следствием то, что членами Законодательного собрания, которое начало работу 1 октября 1791 г., стали люди, не обладавшие опытом законотворчества и государственной деятельности.

Всего было избрано 745 депутатов. Правое крыло Собрания составили фельяны – около 260 чел. Сторонники конституционной монархии, они считали, что с принятием Конституции 1791 г. Революция исчерпала свою миссию и должна быть закончена. Левое крыло Собрания занимали примерно 130 депутатов-республиканцев. Многие из них были членами Якобинского клуба. Среди них выделялось две группы. Лидером более крупной был парижский журналист Бриссо, почему ее члены имели прозвище «бриссотинцев». Позднее их также называли «жирондистами», поскольку среди них находился ряд депутатов из департамента Жиронда, в том числе такие блестящие ораторы, как П. Верньо и М.Э. Гюаде. И, наконец, небольшая группа крайне «левых», таких как кордельеры Базир, Шабо и Мерлен (из Тионвиля), занимала в Собрании

самые верхние места, из-за чего получила прозвище «монтаньяры» (горцы). Кроме того, к «левому» крылу принадлежало несколько депутатов, не входивших ни в ту, ни в другую группу, например, Л. Карно и Ж. Кутон. Остальные члены Соборного собрания составляли его центр («болото») и поддерживали то одно, то другое крыло.

Едва приступив к работе Законодательное собрание, столкнулось с множеством тяжелейших проблем. Начавшееся в Сан-Доминго восстание черных рабов нарушило экономические связи с колониями. Возникли перебои с поставками колониальных продуктов, входивших в рацион многих жителей французских городов. Недовольные граждане устраивали беспорядки на рынках, а в Этампе толпа растерзала мэра за отказ регулировать цены.

Крестьяне, убедившись, что значительную часть сеньориальных повинностей им придется выкупать, подняли «жакерию» в центральных и южных областях страны. В Лозере и Вандее происходили выступления крестьян против церковной реформы и в защиту неприсягнувших священников.

Ранее принадлежавший папе и только что присоединенный к Франции Авиньон оказался охвачен гражданской войной. В октябре 1791 г. страна была потрясена известием о массовой резне мирных жителей, устроенной в башне Гласьер авиньонскими революционерами в ответ на убийство муниципального чиновника.

Обострилась и международная обстановка. Если на протяжении предшествующего периода иностранные государи достаточно нейтрально относились к Французской революции, то с 1791 г. ее события во все больше стали привлекать их внимание. Аннексия Авиньона показала, что хотя революционная Франция на словах и отказалась от завоеваний, фактически для ее вмешательства вполне достаточно, чтобы какая-то часть населения, подняв восстание, обратилась к ней за помощью. Кроме того, австрийский император не мог согласиться с тем, что действие декретов 5-11 августа 1789 г. было распространено на владения немецких князей в Эльзасе, которые, согласно международным договорам о присоединении к Франции этой территории, оставались под юрисдикцией имперского права. И, наконец, обращение с королевской четой как с пленниками, особенно после Вареннского кризиса, не могло не возмутить царствующих монархов. 27 августа 1791 г. в Пильнице австрийский император и прусский король подписали декларацию в защиту

монархического правления во Франции, оставив за собой право применить для его укрепления все «необходимые средства».

Передовым отрядом интервенции должны были стать французские дворяне-эмигранты, возглавляемые братом короля графом Прованским. При нем было создано правительство под руководством Калонна. При финансовой поддержке иностранных дворов эмигранты сформировали в немецком городе Кобленце 15-тысячную армию принца Конде.

В ноябре 1791 г. Законодательное собрание, по предложению Бриссо, приняло закон, угрожавший конфискацией имущества тем эмигрантам, кто в течение двух месяцев не вернется на родину. Еще один декрет был направлен против неприсягнувших священников, предусматривая для них до двух лет тюрьмы. Король воспользовался своим конституционным правом и наложил вето на эти декреты, вызвав бурю возмущения левых.

«Партии» по-разному отнеслись к угрозе войны. Король и его приближенные связывали с военным конфликтом надежду на подавление Революции руками иностранных войск. Желал войны, хотя и по другим причинам, Лафайет, рассчитывая, что, возглавив армию, сможет защитить конституционный порядок от посягательств «слева». А вот близкие к нему по своим политическим взглядам фельяны, напротив, опасались, что война дестабилизирует общество и тем самым погубит Конституцию. Среди «левых» также не было единства мнений. Большинство якобинцев разделяло воинственные настроения Бриссо, полагая, что предстоящая война окончательно дискредитирует двор и приведет к установлению Республики. Но были и несогласные с этим мнением, прежде всего, Робеспьер, призывавший сосредоточиться на борьбе с внутренним, а не внешним врагом.

9 марта 1792 г. король назначил министром финансов Э. Клавьера, внутренних дел – Ж.М. Ролана, иностранных дел – Ш.Ф. Дюмуре. Все они были тесно связаны с жирондистами. Новое правительство сразу взяло курс на войну с австрийским императором, которая была объявлена 20 апреля.

В мае французские войска, почти не встречая сопротивления, вторглись в Бельгию. Однако очень скоро стало ясно, что Франция к войне не готова. Экономический кризис углублялся, налоги собирались плохо, государству не хватало средств, а выпуск все новых ассигнатов подстегивал инфляцию. Армия испытывала недостаток квалифицированных офицеров, поскольку многие из

них эмигрировали. Тем же, кто остался, солдаты не доверяли. Дисциплина в войсках была низка. При первых же серьезных столкновениях с австрийцами французские солдаты бежали, убив своего командира генерала Диллона.

В мае Законодательное собрание приняло еще один репрессивный декрет против неприсягнувших священников, а в начале июня постановило создать под Парижем лагерь для 20 тыс. федератов - национальных гвардейцев из разных департаментов, которые должны были прибыть в столицу для празднования годовщины 14 июля. Жирондисты планировали использовать их как военную силу для борьбы против монархии. Король наложил вето на оба закона и отправил жирондистское правительство в отставку, назначив новыми министрами фельянов.

20 июня организованная «левыми» народная манифестация в честь годовщины клятвы в Зале для игры в мяч завершилась вторжением толпы в королевский дворец Тюильри. Король несколько часов находился в окружении плебса, который в грубой форме требовал от него вернуть к власти жирондистов и начать преследование неприсягнувших священников. Лишь прибытие мэра Парижа, жирондиста Петиона позволило удалить толпу из дворца.

В июле на территорию Франции вторглась австро-прусская армия под командованием герцога Брауншвейгского. Собрание провозгласило «Отечество в опасности». Депутаты-жирондисты открыто обвиняли короля в измене. В столицу со всей Франции стягивались отряды федератов. После праздника 14 июля им было предложено отправиться на фронт, но они отказывались это сделать, требуя низложения короля. К тому же призывали и наиболее радикально настроенные секции (районы) Парижа. 29 июля в Якобинском клубе Робеспьер также призвал низвергнуть монарха и созвать Национальный Конвент для пересмотра Конституции.

1 августа в Париже стало известно о манифесте герцога Брауншвейгского, где тот обещал разрушить французскую столицу и покарать ее жителей, если королю будет причинен вред. Однако его угрозы вызвали именно те последствия, которые должны были предотвратить.

В ночь на 10 августа уполномоченные от всех секций Парижа собрались в Ратуше и, отстранив законно избранный муниципалитет, создали повстанческую Коммуну. Утром повстанцы – парижский плебс и федераты – попытались захватить королевский дворец Тюильри. Защищавшие его дворяне

и швейцарские гвардейцы отбили первый натиск с большими потерями для нападавших. Однако король, искавший с семьей убежища в Законодательном собрании, под нажимом депутатов отдал приказ гарнизону Тюильри сложить оружие. Тот подчинился, после чего большинство находившихся во дворце людей, включая слуг, были зверски убиты толпой. Лишившийся своих последних защитников монарх был отстранен Законодательным собранием от власти и арестован.

11 августа Собрание приняло декрет о проведении на основе всеобщего голосования выборов в Национальный Конвент, которому предстояло определить будущее государственное устройство Франции.

Борьба между жирондистами и монтаньярами

События 10 августа открыли новую стадию Революции. Если до этого ведущую роль в борьбе против монархии играли представители просвещенной элиты, которым в целом удавалось удерживать плебс под своим влиянием, то теперь движение «низов» обрело автономный характер, имея собственный организующий центр – Коммуну Парижа.

Армия герцога Брауншвейгского неумолимо приближалась к французской столице. 23 августа пала крепость Лонгви, 2 сентября – Верден. Население Парижа было охвачено страхом. Распространялись слухи о предательстве и об аристократическом «заговоре». Эти настроения вылились в массовые убийства заключенных тюрем, организованные 2-5 сентября революционными активистами при откровенном попустительстве Коммуны и полном бессилии Законодательного собрания помешать происходящему. Погибло до 1,5 тыс. человек, в основном не имевших никакого отношения к политике. Вслед за Парижем, подобные убийства имели место и в некоторых других городах.

20 сентября собрался Национальный Конвент. Из 749 его членов 500 были юристами, лицами свободных профессий и государственными служащими. Треть депутатов уже имели опыт работы в Учредительном и Законодательном собраниях.

Ведущая роль в Конвенте принадлежала республиканским «партиям», между которыми, однако, шла острая борьба практически по всем вопросам внутренней и внешней политики. Правое крыло занимали жирондисты

(примерно 140 чел.), среди которых были такие крупные политические фигуры, как Бриссо, Верньо, Гюаде, Петион, Бюзо и др. Они опирались на провинциальные элиты, в частности, больших торговых городов Юга, которые были недовольны диктатом Парижа и тем влиянием на общегосударственные дела, которым пользовалась Коммуна. Сторонники строгого соблюдения правовых норм, жирондисты отвергали чрезвычайные меры, основанные на «революционной необходимости», и резко осуждали сентябрьские убийства, требуя привлечь виновных к ответу.

Левое крыло – «партия» монтаньяров (сначала чуть более 110 чел., со временем их число выросло примерно до 150) представляла собою пестрый конгломерат людей с разными социальными и экономическими взглядами, объединенных, однако, приверженностью к радикальным политическим методам. В борьбе с жирондистами монтаньяры нередко апеллировали к плебсу и в случае необходимости прибегали к поддержке Коммуны. Важным инструментом влияния на общественное мнение им служил Якобинский клуб, откуда в октябре 1792 г. были исключены жирондисты и где, напротив, состояло подавляющее большинство монтаньяров. (Начиная с этого времени, понятия «монтаньяр» и «якобинец» практически совпадают). Клуб имел связь с аналогичными обществами в других городах, образовавшими своего рода сеть, по которой революционные импульсы из Парижа распространялись во все концы страны. Лидерами монтаньяров были Робеспьер, Дантон и Марат. Кроме того, в эту группировку входили такие известные деятели Революции, как Демулен, Кутон и др. Очень быстро на первые роли выдвинулся молодой юрист из Пикардии Л.А. Сен-Жюст.

Между двумя враждующими группами располагалось «болото» или «равнина» - пассивное большинство (около 500 депутатов), поддерживавшее то одних, то других.

Начало работы Конвента ознаменовалось первым успехами революционных войск на фронте. 20 сентября при Вальми армия под командованием Дюмурье после продолжительной артиллерийской перестрелки заставила пруссаков отступить, а 6 ноября нанесла поражение австрийцам при Жемаппе. Развивая наступление, французские войска перенесли боевые действия на территорию сопредельных государств.

21 сентября Конвент упразднил монархию и объявил о создании Республики, конституцию которой ему теперь предстояло разработать. Однако сначала надо было решить судьбу короля. После обнаружения в Тюильри тайника, где хранилась секретная переписка Людовика XVI с эмиграцией и иностранными державами, содержащая просьбу вооруженного вмешательства во французские дела, Конвент большинством голосов постановил устроить процесс над королем, хотя Робеспьер и предлагал казнить того без суда. Роль трибунала взяли на себя сами депутаты.

Жирондисты пытались спасти бывшему монарху жизнь или хотя бы отложить приведение приговора в исполнение, но при поименном голосовании 16-17 января 1793 г. большинство депутатов «болота», испытывая моральное давление со стороны плебса, заполнявшего зрительские трибуны Конвента, высказалось вместе с монтаньярами за смертную казнь без отсрочки. 21 января Людовику XVI отрубили голову.

Казнь короля окончательно испортила отношения революционной Франции с большинством европейских государств, которых и так уже тревожила ее аннексионистская политика. Отказываясь на словах от завоеваний, Конвент на деле присоединил к Франции Савойю и готовил аннексию Бельгии (состоялась 1 марта 1793 г.). После того, как ряд стран отозвал из Парижа своих послов, Конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Англии, а 18 марта – Испании. Державы, вовлеченные в войну с Францией, образовали коалицию (первая антифранцузская коалиция), к которой присоединились также Голландия, Португалия, итальянские и германские государства.

С возникновением новых фронтов Конвент вынужден был объявить дополнительный набор в армию 300 тыс. человек. Одновременно были ужесточены меры против внутренних противников Революции: по инициативе Дантона, в марте вышел декрет о создании Революционного трибунала.

Тем не менее, весной 1793 г. военная ситуация Республики ухудшилась. После поражения при Неервиндене, Дюмуре попытался повернуть свою армию против Конвента, но, потерпев неудачу, бежал к неприятелю. Измена командующего деморализовала французские войска: под натиском австрийцев они оставили позиции в Бельгии. На Рейне пруссаки также перешли в наступление. В Вандее, на западе Франции, где крестьяне и прежде выражали

недовольство религиозной политикой Революции, попытка провести рекрутский набор спровоцировала восстание, охватившее весь департамент.

Перед лицом военной угрозы Конвент усилил централизацию управления, создав в апреле Комитет общественного спасения для координации усилий по обороне Республики. Во все армии были направлены депутаты Конвента с чрезвычайными полномочиями. Принятые в марте-апреле декреты предусматривали усиление репрессий против врагов Революции. Чтобы снизить напряженность в городах, вызванную непрерывным ростом дороговизны, Конвент 4 мая ввел ограничение цен («максимум») на хлеб.

Военные неудачи обострили борьбу «партий» и в самом Конвенте. Якобинцы открыто обвиняли жирондистов в измене, натравливая на них плебс. Особенно усердствовал Марат. Жирондистам удалось добиться предания его суду Революционного трибунала, но тот оправдал «друга народа». 18 мая Конвент постановил создать «Комиссию 12-ти» для расследования действий, направленных против общественного спокойствия. Эта Комиссия, куда вошли жирондисты и умеренные депутаты, отдала приказ об аресте за подстрекательские призывы журналиста Эбера, являвшегося также заместителем прокурора Коммуны. В ответ секционные активисты приступили к подготовке восстания. 31 мая отряды национальной гвардии окружили Конвент и, направив на него орудия, потребовали роспуска Комиссии 12-ти и предания суду 22 жирондистов. Депутатам удалось успокоить народ, ограничившись ликвидацией Комиссии. Однако недовольные таким исходом руководители восстания вновь подняли плебс 2 июня и опять осадили Конвент. Под угрозой применения насилия и под нажимом якобинцев «болото» дрогнуло. Большинство проголосовало за арест 29 жирондистов. Власть в Конвенте перешла к якобинцам.

Якобинская диктатура

Известие о насильственном изгнании депутатов-жирондистов из Конвента вызвало в провинции движение протеста, которое якобинцы называли «федералистским мятежом». Власти северных департаментов начали формировать армию для наступления на Париж. Движение охватило также крупные города Юга – Бордо, Марсель, Ним и др. В самом же Париже юная

республиканка из Нормандии Шарлотта Корде 13 июля убила Марата, надеясь, что смерть «этого чудовища» позволит остановить гражданскую войну. Хотя инициатива протеста исходила от местных республиканских властей, в некоторых местах к руководству им пришли роялисты. Так, в Тулоне под влиянием роялистов муниципалитет сдал город англичанам. В Лионе, где глава местных якобинцев Шалье был арестован еще 29 мая, а спустя несколько недель казнен, офицеры-роялисты взяли на себя командование повстанческими отрядами.

На фронтах республиканские войска терпели одну неудачу за другой. После упорной обороны пал Майнц. С северо-востока успешно развивалось наступление австрийской армии. Англичане захватили французские колонии в Вест-Индии. Вандейские повстанцы, разгромив правительственные войска в своем департаменте, переправились через Луару, чтобы поддержать шуанов – партизан-роялистов в Бретани.

В этой сложнейшей ситуации пришедшие к власти якобинцы постарались, прежде всего, обеспечить себе поддержку масс. 3 июня появился декрет о продаже конфискованных у эмигрантов земель небольшими участками с рассрочкой в 10 лет, 17 июля были полностью и безвозмездно отменены все сеньориальные повинности. 24 июня Конвент 1793 г. принял новую Конституцию. Согласно ей, республикой должно было управлять однопалатное собрание, избираемое прямым голосованием всех граждан мужского пола, достигших 21 года. Наряду с представительным органом предполагалось введение элементов прямой демократии: законы передавались на утверждение первичным собраниям избирателей, и тот закон, против которого высказывалось определенное количество таких собраний, подлежал вынесению на референдум. Подобная процедура участия каждого гражданина в законотворчестве, несомненно, импонировала массам своим демократизмом, но едва ли была реально осуществима. Впрочем, якобинцы и не собирались немедленно вводить Конституцию в действие, отложив это до «мирного времени».

Принятие самой демократичной для того времени Конституции носило скорее пропагандистский характер. На деле же якобинцы укрепляли чрезвычайные органы власти и усиливали репрессивное законодательство. После изгнания жирондистов состав Комитета общественного спасения

обновился. В него вошли якобинские лидеры Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон. Именно этому «робеспьеристскому триумvirату» принадлежала ведущая роль в революционном правительстве на протяжении последующего года.

Впрочем, само становление режима революционного правления, который историки позднее назовут «якобинской диктатурой», происходило отнюдь не по какому-либо плану, а в значительной степени спонтанно – под влиянием сиюминутных обстоятельств и действия различных факторов, одним из важнейших среди которых было давление плебса. Так, введенные в июле 1793 г. жесткие меры против скупщиков и спекулянтов, вплоть до смертной казни, стали ответом на соответствующие требования плебейских революционеров, получивших прозвище «бешеных». Массовое движение парижских «низов» 4-5 сентября, возглавлявшееся Коммуной, заставило Конвент «поставить террор в порядок дня», принять «максимум» цен и заработной платы и создать особые отряды для изъятия у крестьян продовольствия по фиксированным ценам – «революционную армию».

10 октября Конвент декретом официально провозгласил установление революционного порядка правления – чрезвычайной формы власти, которую Робеспьер позже определит как «деспотизм свободы». Этим актом Конвент оформил свое право осуществлять исполнительную власть через комитеты. Хотя министерства сохранялись, за ними были оставлены лишь технические функции. Реально же главным центром принятия политических решений, то есть собственно правительством, был Комитет общественного спасения. Важная роль также принадлежала Комитету общей безопасности, ведавшему полицией.

На местах представителями центральной власти стали депутаты Конвента, отправленные в различные департаменты и армии. Эти «проконсулы» обладали практически неограниченными полномочиями, подчинялись непосредственно Комитету общественного спасения, а по завершении миссии отчитывались перед Конвентом.

Основным средством удержания власти и достижения своих политических целей для якобинцев стал террор – систематические репрессии, проводимые не только для того, чтобы уничтожить реальных противников, но и для того, чтобы запугать всех недовольных действиями властей, подавить их волю к сопротивлению. Нагнетанию страха служили не только постоянные публичные казни: 16 октября – королевы Марии-Антуанетты, 31-го – 21 жирондиста

(Бриссо, Верньо и др.), 6 ноября – бывшего герцога Орлеанского (после свержения монархии он носил имя Филипп Эгалите, т.е. «Равенство»), 10-го – Байи, 28-го – Барнава и т.д. – но и крайне растяжимые рамки репрессивных законов, под действие которых мог попасть любой гражданин. Так, по принятому 17 сентября 1793 г. закону о подозрительных, тюремному заключению на неопределенный срок («до заключения мира») подлежали, например, лица, которым местные власти отказали в свидетельстве о благонадежности, государственные служащие, отрешенные от своих должностей и т.п. Согласно же уточняющему этот закон постановлению Коммуны Парижа, «подозрительными» следовало считать тех, кто «ничего не сделал против свободы, равным образом ничего и не сделали в ее пользу».

Помимо мер устрашения, революционные власти активно проводили военно-организационную работу. В Комитете общественного спасения ею занимались Карно, Ленде и Приер (из Кот-д'Ор), которых называли «специалистами», в отличие от остальных членов Комитета – «политиков». В короткий срок были созданы новые мануфактуры для производства оружия, боеприпасов и снаряжения, налажено снабжение войск. Бесперебойное пополнение армий личным составом обеспечил декрет от 23 августа о массовом призыве новобранцев, фактически - закон о всеобщей воинской обязанности.

Энергичные усилия позволили якобинскому правительству в достаточно короткий срок переломить ситуацию. Уже в июле был подавлен «федералистский мятеж» в Нормандии, 25 августа – в Марселе. 9 октября правительственные войска штурмом взяли Лион, 16 октября без боя вступили в Бордо. Тулон пал 19 декабря после ожесточенных боев, в которых особо отличился артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт. В декабре на правом берегу Луары были разгромлены основные силы вандейцев.

За военными победами над внутренними противниками следовали жестокие репрессии. После взятия Лиона Конвент постановил разрушить этот город. Под руководством депутатов Ж.М. Колло д'Эрбуа и Ж. Фуше многие здания были взорваны, две тысячи жителей казнены. В Нанте по приказу «проконсула» Ж.Б. Каррье несколько тысяч людей было утоплено в Луаре. В Вандее карательные отряды – «адские колонны» генерала Тюрро - вырезали целые деревни, не щадя ни детей, ни женщин.

На внешних фронтах осенью 1793 г. непосредственная угроза Республике также была устранена. Французские войска под командованием Журдана и Карно отбросили силы коалиции на северо-востоке. Генералы Гош и Пишегрю нанесли ряд поражений пруссакам и австрийцам в Эльзасе. К концу года практически на всех направлениях, кроме пиренейского, армии Республики вытеснили врага с французской территории. В следующую кампанию они перенесли боевые действия уже на территорию неприятеля. Наиболее важной в 1794 г. стала победа армии Журдана над объединенными силами коалиции при Флерюсе 26 июня, после чего вся Бельгия перешла в руки французов.

С ослаблением внешней опасности обострились противоречия внутри революционного лагеря. Если в сентябре-октябре 1793 г. и Робеспьер, и ультралевые - руководители Коммуны Шометт и Эбер - вместе участвовали в разгроме «бешеных», которые вновь попытались оказать давление на власть, потребовав дальнейшего ужесточения государственного контроля над экономикой, то уже в ноябре робеспьеристы и эбертисты заняли диаметрально противоположные позиции по вопросу об отношении к католической религии. Принятие Конвентом 5 октября нового, революционного календаря, призванного заменить прежний, связанный с христианским культом, ультралевые использовали как повод для начала «дехристианизации» - кампании против католической веры. В Париже это движение возглавила Коммуна. «Дехристианизаторы» закрывали католические храмы, принуждали священников к отречению от сана, глумились над христианскими святынями. В провинции такие же действия инспирировали некоторые из «проконсулов», например, Фуше. Взамен католической религии ультралевые пытались насадить «культ Разума», предполагавший почитание Революции и «мучеников свободы» (Марата, Шалье и др.). Однако большинство Конвента крайне негативно отнеслось к их инициативе. В конце ноября – начале декабря против «дехристианизации» решительно выступили Робеспьер и Дантон, положив ей конец. Впрочем, между этими наиболее влиятельными лидерами якобинцев также существовали серьезные разногласия. С конца ноября Дантон, Демулен и их сторонники, получившие прозвище «снисходительных», развернули агитацию против продолжения террора, но встретили жесткий отпор со стороны робеспьеристов.

Прекращение террора ни в коей мере не входило в планы Робеспьера. Еще в декабре 1793 г. он заявил о необходимости сформулировать позитивный идеал, к осуществлению которого должна привести Революция, а в феврале 1794 г. изложил свое видение этого идеала. Результатом Революции, по мнению Робеспьера, должно было стать общество нравственно совершенных людей, готовых безоговорочно жертвовать своими личными интересами ради общественных. Основным средством реализации этой этической утопии Робеспьер считал террор, которым надо очистить общество от нежелающих следовать требованиям добродетели. Видя в Революции проявление вечной борьбы добродетели и порока, он трактовал любые политические разногласия в категориях этики. По мнению Робеспьера, тот, кто не разделяет его стремления к «царству добродетели», - «нравственно испорченный», порочный человек, а значит - «контрреволюционер», подлежащий уничтожению. Именно таковыми он считал эбертистов и дантонистов.

В начале марта 1794 г. Эбер и некоторые его сторонники заявили в Клубе кордельеров о необходимости восстания для проведения новой чистки Конвента. И хотя этот призыв не имел практического продолжения, Комитет общественного спасения использовал его как повод для разгрома ультралевых. Их лидеров арестовали в ночь с 13 на 14 марта, предали суду Революционного трибунала и спустя несколько дней казнили. Состав Коммуны был радикально обновлен: ее возглавили сторонники Робеспьера.

После этого настала очередь «снисходительных». 30 марта были арестованы Дантон, Демулен и еще ряд депутатов Конвента. В начале апреля над ними состоялся суд. Чтобы добиться обвинительного приговора для людей, имевших среди революционеров огромный авторитет, робеспьеристам пришлось грубо нарушить процессуальные нормы. Приговор был вынесен, обвиняемые казнены.

Важным шагом на пути к «царству добродетели», по мнению Робеспьера, должно было стать введение гражданского культа Верховного существа, которой бы обеспечил сакрализацию республиканских добродетелей. 7 мая Конвент после доклада Робеспьера принял декрет, где сформулировал принципы новой религии и установил соответствующие праздники. Первый из них состоялся уже на следующий день. Однако насаждаемый сверху искусственный культ не нашел отклика в народе.

Другой мерой по реализации робеспьеристского идеала стало ужесточение террора. 10 июня 1794 г. (по революционному календарю – 22 прериаля II года Республики) по докладу Кутона, активно поддержанного Робеспьером, Конвент принял декрет, лишавший обвиняемых права на защиту и предусматривавший для «врагов народа» единственное наказание – смертную казнь. Само понятие «враг народа» было крайне расплывчатым. Таковыми, например, признавались те, кто «пытается вводить народ в заблуждение и препятствовать его просвещению, портить нравы и развращать общественное сознание». Закон 22 прериаля открыл дорогу Великому террору. Только в Париже с 11 июня по 27 июля было казнено 1376 чел.

Среди депутатов Конвента росло недовольство диктаторской властью Робеспьера и его сподвижников. Те, зная о зреющей оппозиции, готовились нанести по ней удар. Однако она опередила их. 27 июля (9 термидора), когда Сен-Жюст собирался выступить в Конвенте с обвинениями против ряда депутатов, часть монтаньяров, в том числе членов Комитета общественного спасения, открыто обвинила Робеспьера и его окружение в «тирании» и при поддержке «болота» провела декрет об их аресте. На следующий день Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и их сторонники (всего 22 человека) были казнены. Якобинская диктатура пала.

От термидора до брюмера

Свержение Робеспьера положило конец системе террора. Хотя некоторые из термидорианцев (так называли участников «революции 9 термидора») и хотели бы сохранить ее в прежнем виде, большинство членов Конвента, где тон теперь задавали депутаты «болота» (Сийес, Тибодо, Буасси д'Англа, Камбасерес и др.), сочло необходимым ее демонтировать. Уже в августе 1794 г. полномочия Комитетов общественного спасения и общей безопасности были существенно сокращены, Революционный трибунал реорганизован, Коммуна упразднена. На свободу вышли все, кто находился в тюрьмах по закону о подозрительных и против кого не было выдвинуто никакого обвинения. Осенью власти закрыли Якобинский клуб. Состоялись процессы над наиболее одиозными «террористами» – организатором утоплений в Нанте Каррье, «палачом Арраса» Лебоном, обвинителем Революционного трибунала Фукье-

Тенвилем. Все они были осуждены и казнены. Весной 1795 г. Конвент постановил выслать в Гвиану ряд бывших монтаньяров, которые играли видную роль в период революционного правления, в том числе членов Комитета общественного спасения Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна и Барера, хотя они тоже принимали участие в свержении Робеспьера. Одновременно в Конвент вернулись оставшиеся в живых жирондисты.

Но если в Париже разрушение системы террора носило в целом правовой характер, то в провинции оно нередко принимало форму стихийных расправ населения с бывшими функционерами революционных органов власти. Особенно широкий размах подобное насилие приобрело в тех областях, где революционный террор ранее был особенно жесток (Лионе, Ниме, Авиньоне).

Якобинская политика государственной регламентации экономики также подверглась пересмотру. В декабре 1794 г. был отменен «максимум», вызывавший острое недовольство производителей, особенно крестьян. Однако этот, в принципе необходимый для восстановления экономики шаг имел своим прямым следствием стремительный рост цен и падение стоимости ассигнатов. Крестьяне, утратив доверие к бумажным деньгам, ограничили поставки продовольствия в города. К тому же, урожай 1794 г. оказался не слишком обильным. В Париже возникли перебои с продуктами, что вынуждало торговцев еще выше поднимать цены.

В марте 1795 г. в столице имели место голодные волнения. 1 апреля (12 жерминаля) толпа плебса вторглась в Конвент, требуя хлеба и введения в действие Конституции 1793 г. Движение носило мирный характер и закончилось без кровопролития. Зато 20 мая (1 прериаля), когда предместья Парижа вновь восстали, вооруженные повстанцы, заняв Конвент, убили одного из депутатов. Воспользовавшись моментом, последние из монтаньяров заставили Конвент принять декреты, по сути означавшие возврат к чрезвычайным методам правления. Когда к ночи толпа разошлась, эти декреты были отменены, а их инициаторы арестованы. Власти стянули в столицу войска и 24-25 мая разоружили жителей предместий. Зачинщики и наиболее активные участники беспорядков предстали перед судом. Шести депутатам-монтаньярам военная комиссия вынесла смертный приговор.

Роялисты, воодушевленные междоусобной борьбой в революционном лагере, предприняли в июне 1795 г. вторжение в Бретань, высадившись с

английских кораблей на полуострове Киберон. Они рассчитывали получить помощь от шуанов, но были блокированы республиканскими войсками и разгромлены. А 4-5 октября (12-13 вандемьера) роялисты подняли мятеж в самом Париже и уже приближались к Конвенту, когда артиллерия генерала Бонапарта рассеяла их залпами картечи.

22 августа Конвент принял новую Конституцию. Согласно ей, законодательную власть в Республике осуществлял двухпалатный парламент – Законодательный корпус, избираемый на двухстепенных выборах. Имущественный ценз ограничивал число избирателей 30 тысячами. Нижняя палата – Совет пятисот – законы разрабатывала, верхняя – Совет старейшин – принимала. Ежегодно обе палаты обновлялись на 1/3. Исполнительной властью наделялась Директория из 5 человек, выбираемых верхней палатой из списка кандидатов, предложенного нижней. Число местных властей было сокращено, а сами они поставлены под контроль представителей центрального правительства. Зная о крайней непопулярности Конвента в стране и не надеясь победить на свободных выборах, депутаты под предлогом сохранения преемственности приняли закон, по которому они же и составили 2/3 Законодательного корпуса. 25 октября Конвент прекратил свою работу.

Правление Директории началось в благоприятной для Франции внешнеполитической обстановке. Еще в апреле 1795 г. был подписан мир с Пруссией, в мае – с Голландией, в июле – с Испанией. Франция присоединила к себе Бельгию и оккупировала правый берег Рейна. Следующие годы принесли новые военные успехи. В 1796 г. Бонапарт разгромил в Северной Италии австрийские и сардинские войска. Сардиния вышла из войны, уступив Франции Савойю и Ниццу. После еще одной победоносной кампании Бонапарта в 1797 г. Австрия 17 октября подписала мир в Кампо-Формио, признав французские права на Бельгию, Ионические острова и левый берег Рейна. Кроме того, Франция существенно укрепила свои позиции на континенте, создавая зависимые от себя дочерние республики - Батавскую (Голландия), Гельветическую (Швейцария), Цизальпийскую (Ломбардия), Лигурийскую (Генуя), Римскую, Партенопейскую (Неаполь). Единственным же противником Французской республики оставалась Англия.

Огромные контрибуции с оккупированных земель дали Директории необходимые средства для проведения финансовой реформы. В феврале 1796 г.

прекратился выпуск ассигнат и началось постепенное возвращение к использованию звонкой монеты. В сентябре-декабре 1797 г. правительство осуществило частичное банкротство, значительно сократив государственный долг, а оставшуюся его часть переоформило на более выгодных для себя условиях.

Главной слабостью режима была узость его социальной базы. Властям приходилось постоянно считаться и с «левой» угрозой – якобинцами, и с «правой» – сторонникам реставрации монархии. Директория проводила «политику качелей»: борясь с «правыми», искала поддержки у «левых» и наоборот.

После роялистского мятежа в вандемьере, правительство освободило из тюрем многих бывших «террористов». Однако вскоре они составили заговор, возглавлявшийся журналистом Г. Бабефом. Позднее это движение получило название «заговора равных». Сторонники Бабефа – бабувисты – планировали захватить власть и, установив режим революционной диктатуры, построить коммунистическое общество с жесткой регламентацией государством всех без исключения сторон жизни. В мае 1796 г. заговор был раскрыт, двое его руководителей, в том числе Бабеф, осуждены на смертную казнь, остальные – на тюремное заключение.

Репрессии против «левых» способствовали тому, что весной 1797 г. на очередных выборах 1/3 депутатов Законодательного корпуса победу одержали сторонники монархии. В течение лета роялистское большинство отменило законы против эмигрантов и неприсягнувших священников. Оно готовилось сместить и Директорию, но та успела нанести удар первой. 4 сентября (18 фрюктидора) она при поддержке республиканских генералов, включая Бонапарта, произвела государственный переворот. Результаты выборов были аннулированы, депутаты-роялисты арестованы и высланы из страны, десятки монархических газет закрыты, репрессивные законы против неприсягнувшего духовенства и эмигрантов восстановлены.

Однако крен «влево» привел на апрельских выборах 1798 г. к победе якобинцев. Директории, чтобы сохранить необходимое ей соотношение голосов в Законодательном корпусе, пришлось организовать проверку полномочий вновь избранных депутатов и таким образом отсеять «левых».

Внутренняя нестабильность усугубилась в 1798 г. осложнениями во внешней политике. Стремясь подорвать экономическую мощь своего последнего противника – Англии, Директория направила в Египет армию под командованием Бонапарта, чтобы перерезать английские коммуникации с Индией и Левантом. Но после успешного начала экспедиции и захвата Египта, французские войска понесли большие потери в Сирии, а британский адмирал Нельсон потопил французский флот в сражении при Абукире. Одновременно в Европе образовалась вторая антифранцузская коалиция, куда, кроме Англии, вошли Австрия, Россия, Швеция, Турция и неаполитанский король. В 1799 г. русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова разбили французов в Италии. «Дочерние» республики на Апеннинском полуострове пали. Англо-русский корпус высадился в Голландии.

Военные неудачи еще больше пошатнули авторитет Директории. Выборы весной 1799 г. вновь завершились успехом «левых». Подобные «качели» вызывали растущее недовольство новых элит французского общества – тех людей, кто был обязан Революции своим состоянием и высоким социальным статусом. Они хотели иметь более стабильную власть, которая гарантировала бы их как от возврата к революционной диктатуре, так и от реставрации Старого порядка.

Заговор, направленный на изменение формы правления, возник в самих же правящих кругах. Его инициатором стал Сийес, член Директории. Для осуществления плана ему нужна была «шпага» - один из влиятельных генералов Республики. В октябре 1799 г. в Париж вернулся Бонапарт. Именно его заговорщики и решили использовать для осуществления переворота.

9 ноября 1799 г. (18 брюмера) Законодательный корпус под предлогом «якобинского заговора» был переведен в Сен-Клу. Бонапарт, назначенный командующим столичным гарнизоном, принял на себя всю власть в городе. Двое членов Директории - Сиейс и Р. Дюко - добровольно сложили свои полномочия, еще троих это заставили сделать. 10 ноября Бонапарт во главе отряда гренадеров прибыл в Сен-Клу и, когда депутаты отказались подтвердить его полномочия, просто разогнал их. Вечером те члены Законодательного корпуса, что поддержали переворот, были снова собраны в Сен-Клу и проголосовали за передачу исполнительной власти трем временным консулам –

Бонапарту, Сийесу и Дюко. На смену республике пришла военная диктатура. Французская революция закончилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глава 1

- Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю.* История Франции. М., 2005.
- Ариес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1994. Т. 1-2.
- Всемирная история. Т. 3: Мир в раннее Новое время. М., 2013.
- Делюмо Ж.* Грех и страх: формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII-XVIII вв.) Екатеринбург, 2003.
- История Нового времени: 1600-1799 годы / Под ред. А.В. Чудинова, П.Ю. Уварова, Д.Ю. Бовыкина. М., 2012.
- Кенигсбергер Г.* Европа раннего Нового времени, 1500-1789. М., 2006.
- Кириллова Е.Н.* Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI-XVIII веках. М., 2007.
- Копосов Н.Е.* Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л., 1990.
- Ленотр Ж.* Повседневная жизнь Версаля при королях. М., 2003.
- Леруа Ладюри Э.* Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. М., 2004.
- Метивье Ю.* Франция в XVI-XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М., 2005.
- Уваров П.Ю.* Франция XVI в.: Опыты реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
- Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. СПб., 2003.
- Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002.
- Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.
- Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002.
- Bély L.* La France moderne 1498-1789. P., 2003.
- Cosandey F.* Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime. P., 2005.
- Cosandey F., Descimon R.* L'absolutisme en France. Histoire et historiographie. P., 2002.

- Bayard F.* Le monde des financiers au XVII^e siècle. P., 1988.
- Delsalle P.* Le cadre de vie en France XVI^e-XVII^e-XVIII^e siècles. P., 1995.
- Doyle W.* Old regime France, 1648-1788. Oxford, 2001.
- Goubert P., Roche D.* Les Français et l'Ancien Régime. P., 1984. T. 1-2.
- Van Daume St.* Le temple de la sagesse. Savoirs, écriture et sociologie urbaine à Lyon XVII^e-XVIII^e siècles, P., 2005.

Глава 2

- Cornette J.* Chronique de la France moderne. T. 1 : Le XVI^e siècle. P., 1995.
- Crouzet D.* Charles de Bourbon, connétable de France. P., 2003.
- Dupuy M.* Pour Dieu et pour le: la montée de l'intolérance au XVI^e siècle : de Marignan à Wassy, 1515-1562. P., 1983.
- Garrisson J.* Royauté, Renaissance et Réforme: 1483-1559. P., 1991.
- Gil C.* Les femmes de François I^{er}. P., 2005.
- Hamon Ph.* L'argent du roi: les finances sous François I^{er}. P., 1994.
- Knecht R. J.* Un prince de la Renaissance: François I^{er} et son royaume. P., 1998.
- Lang J.* François I^{er} ou Le rêve italien. P., 1999.
- Le Fur D.* François I^{er}: prince de la Renaissance. P., 2010.
- Le Fur D.* Henri II. P., 2009.
- Le Fur D.* Marignan: 13-14 septembre 1515. P., 2003.
- Lemonnier H.* Les guerres d'Italie, la France sous Charles VIII, Louis XII et François I^{er}: 1492-1547. P., 2010.
- Quilliet B.* La France du beau XVI^e siècle, 1490-1560. P., 1998.
- Roche F.* Claude de Lorraine: premier duc de Guise : nouvelle chronique. Chaumont, 2005.

Глава 3

- Варфоломеевская ночь: событие и споры / Под ред. П.Ю. Уварова. М., 2001.
- Мандру Р.* Франция раннего Нового времени, 1500-1640. Эссе по исторической психологии. М., 2010.
- Плешкова С.Л.* Екатерина Медичи, черная королева. М., 1994.
- Шевалье П.* Генрих III. М., 1997.
- Шушкин В.В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII вв. СПб., 2004.
- Carpi O.* Les guerres de religion: 1559-1598 : un conflit franco-français. P., 2012.
- Crouzet D.* Dieu en ses royaumes: une histoire des guerres de religion. P., 2008.

- Crouzet D.* La nuit de la Saint-Barthélemy: un rêve perdu de la Renaissance. P., 2012.
- Chaunu P.* La réforme protestante. Bruxelles, 1984.
- Debbagi Baranova T.* Coups de libelles: une culture politique au temps des guerres de religion (1562-1598). Genève, 2012.
- Knecht R. J.* The French Wars of Religion, 1559-1598. N.-Y., 2010.
- Le Roux N.* Les guerres de religion: 1559-1629. P., 2010.

Глава 4

- Мунье Р.* Убийство Генриха IV. М., 2008.
- Constant J.-M.* Henri IV, roi d'aventure. P., 2009.
- Desprat J.-P.* Henri IV: l'homme de la tolérance. P., 2011.
- De Waele M.* Réconcilier les Français: Henri IV et la fin des troubles de religion (1589-1598). P., 2010.
- Joxe P.* L'édit de Nantes: réflexions pour un pluralisme religieux. P., 2010.
- Saint Bris G.* Henri IV et la France réconciliée. P., 2011.
- Vivanti C.* Guerre civile et paix religieuse dans la France d'Henri IV. P., 2006.

Глава 5

- Люблинская А.Д.* Франция в начале XVII в. (1610-1620). Л., 1959.
- Bouyer C.* Gaston d'Orléans: frère de Louis XIII. P., 2007.
- Carmona M.* Marie de Médicis. P., 2001.
- Chevron C.* Vie et carrière d'Henri II de Bourbon, prince de Condé, 1588-1646: exemple de comportement et d'idées politiques au début du XVII^e siècle. P., 2008.
- Dubost J.-F.* Marie de Médicis: la reine dévoilée. P., 2009.
- Fosil M.* L'Enfant Louis XIII: L'éducation d'un roi, 1601-1617. P., 2001.
- Kermina F.* Marie de Médicis: reine, régente et rebelle. P., 2010.
- Kertanguy I., de.* Léonora Galigaï. P., 2005.
- Politics and religion in early Bourbon France / Ed. by A. Forrestal & E. Nelson. Basingstoke, 2009.

Глава 6

- Люблинская А.Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг. Л., 1982.
- Люблинская А.Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М., Л., 1965.
- Черкасов П.П.* Ришелье. М., 1990.
- Bluche F.* Richelieu: essai. P., 2003.

- Bouyer C.* Louis XIII: la montée de l'absolutisme. P., 2006.
- Carmona M.* La France de Richelieu. P., 1998.
- Duccini H.* Faire voir, faire croire: l'opinion publique sous Louis XIII. Seyssel, 2003.
- Levi A.* Cardinal Richelieu: and the making of France. N.-Y., 2000.
- Parrott D.* Richelieu's army: war, government and society in France, 1624-1642. Cambridge, 2001.
- Vignal Souleyreau M.-C.* Anne d'Autriche: la jeunesse d'une souveraine. Versaille, 2007.

Глава 7

- Губер П.* Мазарини. М., 2000.
- Малов В.Н.* Парламентская Фронда. Франция 1643-1653. М., 2009.
- Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. М., 2011.
- Cornette J.* Chronique de la France moderne. T. 2 : De la ligue à la Fronde. P., 1995.
- Moote A.L.* The revolt of the judges: the Parlement of Paris and the Fronde 1643-1652. Ann Arbor, 1992.
- Pernot M.* La Fronde. P., 2012.
- Ranum O.* La Fronde. P., 1995.

Глава 8

- Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998.
- Малов В.Н. Ж.Б. Кольбер.* Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.
- Bassinot J.-F.* La France de Louis XIV: le temps des absolus, 1643-1715. P., 2013.
- Bély L.* Louis XIV. P., 2010.
- Bély L.* Les secrets de Louis XIV: mystères d'État et pouvoir absolu. P., 2013.
- Cornette J.* Louis XIV. P., 2009.
- Goubert P.* Louis XIV et vingt millions de français. P., 2010.
- Jessenne J.-P.* La France moderne. T. 2: 1653-1789. P., 1999.
- McCollim G.B.* Louis XIV's assault on privilege: Nicolas Desmaretz and the tax on wealth. N.-Y., 2012.
- Saint Bris G.* Louis XIV et le Grand siècle. P., 2012.
- Sarmant T.* Louis XIV: homme et roi. P., 2012.

Глава 9

Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М. 2002.

Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. (1700-1775). М., 1995.

Чудинов А.В. Утопии века Просвещения. М., 2000.

Antoine M. Louis XV. P., 2006.

Bluche F. Louis XV. P., 2003.

Chaussinand-Nogaret G. Le cardinal de Fleury: le Richelieu de Louis XV. P., 2002.

Chaussinand-Nogaret G. Les Français sous Louis XV. P., 2012.

Cornette J. Absolutisme et Lumières: 1652-1783. P., 2012.

Hours B. La France de Louis XV. P., 2011.

Hours B. Louis XV et sa cour: le roi, l'étiquette et le courtisan : essai historique. P., 2002.

Maral A. Louis XV: le Bien-Aimé. P., 2012.

Глава 10

Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.

Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. М., 2001.

Chaussinand-Nogaret G. Louis XVI: le règne interrompu. P., 2006.

Furet F. La Révolution française. T. 1: De Turgot à Napoléon, 1770-1814. P., 2011.

Hardman J. Overture to Revolution: the 1787 Assembly of notables and the crisis of France's Old regime. Oxford, 2010.

Ilovaïsky O. La disgrâce de Calonne, 8 avril 1787. P., 2008.

Manceron Cl. Les vingt ans du roi, 1774-1778: de la mort de Louis XV à celle de Rousseau. P., 2009.

Глава 11

Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция конца XVIII века. М., 1987.

Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006.

Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

Генифе П. Политика революционного террора 1789-1794. М., 2003.

Мяжкова Е.М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на Западе Франции в XVII-XVIII веках. М., 2006.

- Озуф М.* Революционный праздник 1789-1799. М., 2003.
- Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004.
- Тырсенко А.В.* Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.
- Фюре Ф.* Постижение французской революции. СПб., 1998
- Черкасов П.П.* Лафайет. Политическая биография. М., 1991.
- Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007.
- Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2001.
- Baczko B.* *Politi ue s de la Révolution française.* P., 2008.
- Bluche F., Rials S., Tulard J.* *La Révolution française.* 6^e éd. P., 2003.
- Dictionnaire criti u e de la Révolution française / Sous dir. de F. Furet et M. Ozouf.* 4 vols. P., 1992.
- Dictionnaire histori ue de la Révolution française / Sous dir. d'A. Soboul, J.-R. Suratteau, F. Gendron.* 2^e éd. P., 2005.
- Furet F., Halévi R.* *La monarchie républicaine: la constitution de 1791.* P., 1996.
- Furet F.* *La Révolution française.* P., 2007.
- Gueniffey P.* *Histoires de la Révolution et de l'Empire,* P., 2011.
- Leuwens H.* *La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionné (1787-1815).* P., 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Общество и государство во Франции Старого порядка

Глава 2. Становление абсолютизма при Франциске I и Генрихе II

Глава 3. Религиозные войны XVI века

Глава 4. Генрих IV и замирение Франции

Глава 5. Кризис власти в начале царствования Людовика XIII

Глава 6. Правление кардинала Ришелье

Глава 7. Фронда

Глава 8. Век Людовика XIV

Глава 9. Век Людовика XV

Глава 10. Людовик XVI: последние попытки реформ Старого порядка

Глава 11. Французская революция и крах Старого порядка

Список литературы